

ИЮЛЬ | 2019

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

АНРИ МАТИСС ТРИУМФ В МОСКВЕ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

одно из двух: либо «ГАМАРДЖОБА», либо «дой Россию!»

Мы опять поссорились с Грузией. После антироссийских выступлений тамошней оппозиции, порой истерических, прекращено прямое авиасообщение, российским туристам не рекомендовано ездить в эту страну. Притом что в прошлом году был установлен рекорд по числу посетивших Грузию россиян – около 1,5 миллиона человек, а в этом году рекорд имел все основания быть побитым.

Начавшееся в последнее время осторожное потепление двусторонних отношений – взаимный товарооборот в прошлом году вырос на 24 процента, хотя дипломатические отношения после войны 2008 года так и не восстановлены – прервано. И пока не ясно, возобновится ли оно в ближайшем будущем.

Президент Грузии, назвавшая на фоне выступлений оппозиции Россию врагом и оккупантом, призывала тут же российских туристов продолжать приезжать в страну, благо безвизовый режим для них Тбилиси отменять не собирается.

Но в политике и в жизни так не бывает. Чтобы, с одной стороны, с трибуны парламента истерично кричали «я вас русских убивал в Абхазии и буду убивать», а с другой – рос туристический поток любителей дешевого отдыха, ностальгирующих по СССР, когда Грузинская ССР была одной из «любимых сестер» в «братской семье народов». Это диссонанс и политическое недоразумение, и рано или поздно и то, и другое кончается.

За постсоветские годы усилиями части грузинского политического

класса удалось предать забвению или порицанию, увы, слишком многое из того, что соединяло наши народы. И уж конечно, в первую очередь было предано забвению чувство благодарности России, которая, присоединив Грузию, в свое время спасла ее от геноцида со стороны агрессивных, чуждых по культуре соседей. Возможно, в будущем мы начнем с чистого листа. А пока – размолвка. Принцип «мы ненавидим вашу страну, а к туристам относимся гостеприимно» в политике не работает. Даже если отдохнуть «в стане врага» дешевле, чем на родине. ☺

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** Единая гражданская нация
08 Горькие плоды миграции

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

12 Юлия и Лиесма

14 Ангел Муха

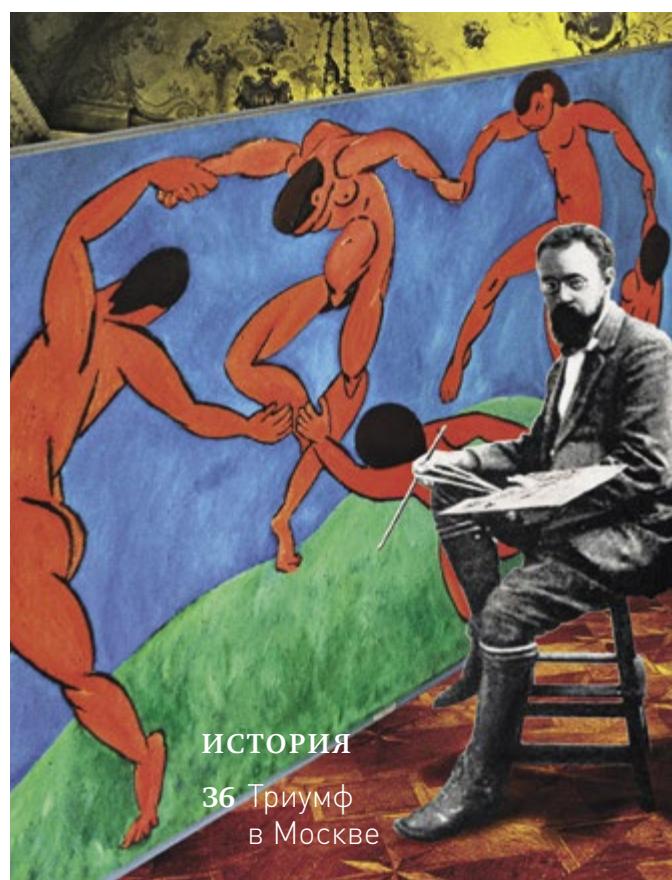
ИНТЕРВЬЮ

22 «Это моя
русская жизнь»

30 Голландскую
душу на полочку
не поставишь

ИСТОРИЯ

36 Триумф
в Москве

НАСЛЕДИЕ

44 Волшебник поневоле

МУЗЕИ

50 Искусство веера

СИТУАЦИИ

60 «Снежинки» на фоне
глобального потепления

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

66 Они строят
Чевенгур

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Казанское
сердце
«Том Сойер
Фест»

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

82 Господа
Хамовники

ФОТОРЕПОРТАЖ

90 Троицкие круги

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Петр ОРЕХИН
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ЕДИНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ НАЦИЯ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В РОССИИ ЖИВУТ 180 НАРОДОВ – ПРИВЕРЖЕНЦЕВ РАЗНЫХ КОНФЕССИЙ. МНОГОВЕКОВОЙ ОПЫТ ИХ СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ УНИКАЛЕН. ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТАЛИ ТЕМОЙ ОБУЧАЮЩИХ СЕМИНАРОВ, КОТОРЫЕ ТРИ ДНЯ ПРОХОДИЛИ В САМОМ ПРЕСТИЖНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ СТРАНЫ.

C 30 МАЯ ПО 1 ИЮНЯ 2019 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова проходил второй этап обучающих семинаров проекта «Реализация государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации». Это начало серии занятий, которые Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) и МГУ организовали в каждом федеральном округе для специалистов в сфере национальной политики.

УДИВИТЕЛЬНАЯ СТРАНА

Выступая во время торжественного открытия семинара, председатель комитета Государственной думы по

образованию и науке, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова и председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов рассказал о смешном случае, который произошел несколько лет назад. Работая в Общественной палате РФ, он был одним из организаторов визита в Ямало-Ненецкий АО Комиссии ООН по правам коренных и малочисленных народов, в состав которой входилиaborигены Австралии и индейцы Южной Америки. В автобусе, перевозившем гостей, россияне, среди которых были и представители северных народов, пели песни, например «Ой, мороз, мороз». «Первый раз в жизни мы слышим, что представители коренных мало-

численных народов и представители имперской нации поют одни и те же песни», – заявили пораженные иностранные гости.

«Мы – удивительная страна в этом отношении, – сказал Вячеслав Никонов. – Мы – страна, которая имеет действительно уникальный опыт существования самых разных народов и религий». Он добавил, что если Россия и империя, то очень необычная: метрополия не выкачивала ресурсы из покоренных земель, а вкладывалась в периферию. Кроме того, большинство представителей правящего класса представляли не титульную нацию, а многочисленные народы с этой самой периферии.

Мы отвергаем любого рода националистические поползновения, от-

метил Вячеслав Никонов, потому что когда начинаются разговоры «Россия – для русских», то дальше начинаются «Татарстан – для татар», «Башкортостан – для башкир», а Ямало-Ненецкий АО, естественно, для новой нации ямалов. 180 народов, населяющих нашу страну, представляют единую российскую гражданскую нацию, подвел итог своего выступления Вячеслав Никонов.

НЕ ТОЛЬКО ПРАЗДНИКИ

На момент создания Федерального агентства по делам национальностей соответствующие структурные подразделения работали от силы в десятке регионов страны, но и там национальная политика сводилась в основном к проведению межнациональных фестивалей и праздников, напомнил руководитель этого ведомства Игорь Баринов. К настоящему времени эффективная система управления в области национальной политики выстроена во всех регионах, отметил он.

О том, как сложно выстраивать межнациональную политику, Игорь Баринов рассказал на примере цыганского вопроса. Самострои, незаконные подключения к коммуникациям происходят во многих регионах России. Первопричина проблемы – недостаточная социализация народа ромов в российском обществе. Цыгане больше ориентированы на семейные цен-

ности, а не на карьерный успех и не на материальный достаток, уверен глава агентства. Проведенный опрос показывает, что 80 процентов российских цыган абсолютно счастливы, но эта цифра скептически воспринимается в Европе. Игорь Баринов считает, что европейские эксперты просто до конца не понимают специфику мироощущения российских ромов. В то же время есть объективная статистика: цыгане не спешат отдавать своих детей в детские сады и школы, что мешает реализации целого ряда прав детей.

«Некоторые лидеры российских цыган необоснованно обвиняют органы власти в ущемлении их национальных прав и, руководствуясь иждивенческими настроениями, готовят обращения в международные правозащитные инстанции», – отметил Баринов, добавив, что выходом в этой ситуации является активное взаимодействие

Вячеслав Никонов напомнил об уникальном отечественном опыте сосуществования народов

Слева направо:
Ильдар
Гильмутдинов
и Виталий Сучков

ствие с цыганским населением на всех уровнях.

Острой проблемой остается неконтролируемая и нелегальная миграция, создающая почву для криминальных проявлений, ксенофобии и межнациональных конфликтов. Одним из приоритетов чиновник считает выработку эффективной миграционной политики. Игорь Баринов обратил также внимание на процессы, происходящие в среде казачества. Казаков чиновник назвал наиболее патриотической и активной частью гражданского общества, играющей большую роль в профилактике экстремизма и в противодействии русофобии.

СЕРИЯ ЗАНЯТИЙ

«Государство гарантирует сохранение языка и культуры каждого народа, независимо от того, малый он, большой или средний. Когда мы это обеспечим, тогда и придем к единой гражданской нации», – сказал глава комитета Государственной думы по делам национальностей Ильдар Гильмутдинов, призвав присутствующих отказаться от примитивного понимания национальной политики, когда за нее выдают лишь разного рода праздники и фестивали, организованные больше «для галочки».

Реализацию государственной национальной политики назвал архиважным делом руководитель департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы Виталий Сучков. «Возражайте, предлагайте. Я уверен, после обучения у вас сложится несколько иное представление о своей работе в этом направлении», – отметил он, добавив, что в Москве уже несколько лет готовят государственных и муниципальных служащих в этой сфере.

Трехдневный семинар стал первым в серии занятий, которые в этом году организованы ФАДН и МГУ в каждом федеральном округе. В программу обучения включены практические основы разрешения конфликтных ситуаций, принципы работы со СМИ и общественными организациями и другие темы, прямо связанные с повышением эффективности государственной национальной политики.

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ МИГРАЦИИ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРНЕЕВА

С 2020 ГОДА РОССИЯ НАМЕРЕНА СДЕЛАТЬ СТАВКУ НА СОКРАЩЕНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ И СТИМУЛИРОВАТЬ ПРОГРАММЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.

МОЖНО СКАЗАТЬ, что такое изменение подхода к миграционным проблемам – международная тенденция. Курс на интеграцию и политику мультикультурализма, взятый европейскими странами, потерпел фиаско: государства не смогли «переварить» мигрантов. И теперь Евросоюз склоняется к необходимости

активной адаптации мигрантов или к переводу их на «вахтовый» принцип пребывания в европейских странах. Шансы на успех новых направлений миграционной политики и приоритеты миграционного курса России очертила прошедшая в Москве в июне международная конференция «Глобальные тренды миграции 2020».

ТОЧКА ПОВОРОТА

Россия намерена сократить потоки трудовой миграции в пользу активизации переселения соотечественников и делает ставку на натурализацию. Такое заявление российской делегации прозвучало на конференции, в которой приняло участие более 250 экспертов из 16 стран.

– Мы находимся в точке поворота, когда миграция может стать как мотором экономического развития, так и национальным проклятием, – заявил директор Института диаспоры и интеграции Константин Затулин. – Рост неконтролируемых потоков миграции может запустить процессы «неперевариваемости» мигрантов, что остро переживает Евросоюз. Это начали пони-

мать отечественные чиновники, об этом свидетельствует уже стечение управления потоками миграции. Параллельно намечаются признаки облегчения процесса переселения соотечественников. Все это в совокупности дает шанс на более сбалансированную миграционную и демографическую политику. Заместитель начальника Главного управления по вопросам миграции МВД РФ Дмитрий Демиденко сообщил, что отныне у «Концепции миграцион-

ной политики» три приоритета: переселение, натурализация и адаптация тех, кто не пожелает интегрироваться. По данным МВД РФ, в 2018 году число мигрантов в стране достигло исторического максимума – 17 миллионов человек. Прогнозируется, что в 2019 году этот показатель снизится до 15 миллионов. Он подчеркнул, что в 2018 году число нелегальных мигрантов сократилось с 4–4,5 миллиона в прошлые годы до 2–3 миллионов человек. 200 тысяч из них были

По данным ученых ИСЭПН РАН, 60 процентов опрошенных экспертов по вопросам миграции и демографии считают, что миграция положительно влияет на развитие страны, 40 процентов – что отрицательно

Константин Затулин:
«Мы находимся в точке поворота, когда миграция может стать как мотором экономического развития, так и национальным проклятием»

высланы из России, однако эта мера признана экономически нецелесообразной.

Приоритетной является выдача патентов или разрешений на работу и мелкое предпринимательство. В 2018 году было выдано 1,6 миллиона патентов против 975 тысяч в 2017-м.

– Рост количества патентов внушительный, но мы рассчитывали, что их будет выдано около 3 миллионов, – отметила член Совета Федерации Людмила Бокова. – Недобранные миллионы говорят о том, что нелегальная миграция все еще не изжита. Однако росту управления миграцией способствуют активное введение информационных систем и расширение комплексного экзамена по оценке степени владения русским языком.

Как сообщили ученые Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, за основу экзамена по русскому языку для мигрантов взят опыт и наработки РУДН и Института русского языка имени А.С. Пушкина. По данным ИСЭПН РАН, 4,1 миллиона мигрантов успешно выдержали экзамен по русскому языку, 1,5 миллиона не смогли его сдать, еще 2 миллиона (из них 1,2 миллиона – в Центрах русского языка своих стран) отказались от сдачи. Один из ключевых мотивов «отказников» – владение русским разговорным языком в минимальном, но необходимом объеме, чтобы работать в стране пребывания, где они не намерены оставаться.

– Это относительно новый подход, появившийся в последние семь–восемь лет, когда мигранты из стран СНГ, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, не рассматривают Россию как страну, гражданами которой они хотели бы стать, – делится наблюдением заведующая лабораторией миграции населения Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Жанна Зайончковская. – Они предпочитают работу «вахтовым» методом: весной–летом–осенью трудятся в России, а зимой отдыхают дома. Как правило, это работники низкой квалификации и служб сервис-

са, отказавшиеся от попыток интеграции в стране пребывания, но выезжающие на сезонные заработки. Именно их миграционное давление остается самым массовым и продолжает расти, в том числе за счет нелегальной миграции.

По данным социологических исследований Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций РУДН, главных вызовов у растущей миграции несколько: нагрузка на бюджет (социальный сектор – здравоохранение, транспорт, образование), криминал и угроза радикализма и терроризма, а также – межэтническое напряжение. Меняется и отношение к миграционным вызовам и в самой России. Показательно социологическое исследование, проведенное среди ученых ИСЭПН РАН. 60 процентов из опрошенных экспертов по вопросам миграции и демографии считают, что миграция положительно влияет на развитие страны, 40 процентов уверены, что отрицательно. В числе негативных черт миграции эксперты назвали нагрузку на социальный сектор, криминал, недобросовестную конкуренцию на рынке труда (демпинг), а также бесправие мигрантов. В ряду плюсов – заметный рост качества работы сферы услуг и чистота городских улиц. Почти 91 процент опрошенных высказались за постепенное сокращение миграции и ее законодательное ужесточение – сначала для работодателей, а затем для мигрантов.

ВЫЗОВ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В числе мер, способных снизить потребность в трудовых мигрантах, российские эксперты выделяют политику переселения, направленную на возвращение соотечественников.

– «России нужны соотечественники – соотечественникам нужна Россия» – вот формула баланса между сокращением миграции и ставкой на восстановление естественного прироста населения, – убежден Константин Затулин. – Однако «Концепцию миграционной политики» не на-

Почти 91 процент ученых высказались за сокращение миграции и ее законодательное ужесточение, но сначала – для работодателей

В ряду мер, способных снизить потребность в мигрантах, демографы называют переселенческую политику – возвращение соотечественников

зовешь либеральной по отношению к соотечественникам, желающим вернуться на родину. «Концепция» продолжает стоять на том, что переселенцев-соотечественников надо принимать по программе трудовой миграции. И отказывает им в праве на депатриацию. Этот термин даже не упоминается в «Концепции». В качестве иллюстрации своих слов Затулин привел статисти-

ку. По данным Института диаспоры и интеграции, из 25 миллионов соотечественников из республик бывшего СССР и еще около 30 миллионов, проживающих в дальнем зарубежье, в 1991–2018 годах в Россию смогли вернуться, став ее гражданами, всего 9 миллионов. Еще около 3–4 миллионов либо ждут очереди в программе переселения «Соотечественники», либо рассматривают возможность вступления в нее.

Однако, как утверждают демо-графы ИСЭПН РАН, число желающих вернуться в Россию намного больше, но их останавливают несколько основных препятствий. Во-первых, долгая, до девяти лет, процедура получения российского гражданства. Во-вторых, запрет селиться в регионах, не входящих в программу «Соотечественники». В-третьих, отказ ряда регионов, включенных в программу, в приеме конкретных семей переселенцев на том основании, что их профессии и трудовые на-выки не входят в перечень вос- требованных в регионе. И, на-конец, в-четвертых, знаменитая РВП (регистрация на временное проживание), получение которой во многих регионах превра-

тилось в изощренный механизм коррупции чиновников.

Институт диаспоры и интеграции уже предлагал рассмотреть законопроект о политических эмигрантах, что упростило бы предоставление российского гражданства беженцам с востока Украины и из ряда стран СНГ и Балтии. Еще одна законодательная инициатива того же института – признать возвращение людей по программе «Соотечественники» репатриацией. Однако оба предложения были отклонены.

Но постепенно ситуация меняется. Если в 2014 году в програм-

ме переселения принимали участие всего 16 регионов России, то в 2019-м – уже 48. При этом регионы, куда чаще всего едут «возвращенцы», это Бурятия, Дальний Восток, Забайкалье, Магаданская область, частично отменившие «трудовые» квоты. Институт диаспоры и интеграции при посредничестве Верховного комиссариата ООН в России и представительства Совета Европы в РФ намерен на законодательном уровне продолжать отстаивать признание возвращения по программе переселения «Соотечественники» репатриацией.

Основной преградой возвращения в Россию и соотечественники, и ученые называют одну: долгую, до девяти лет, процедуру получения российского гражданства

ПРЯМЫЕ КОНТРАКТЫ

Как признала Людмила Бокова, в долгосрочном плане Россия заинтересована в использовании трудовой миграции. Начиная с 2019 года Минтруд России переходит на выстраивание двусторонних контактов со странами, откуда будут привлекаться трудовые ресурсы.

– Мы пока в pilotном режиме перешли к заключению прямых контрактов между Минтрудом Узбекистана и Минтрудом России, – говорит сотрудник Института стратегических и межрегиональных исследований при президенте Узбекистана Арбор Юсупов. – Так, с Кемеровом, Астраханью, Красноярском и Москвой у нас заключены прямые договоры, которые учитывают потребности конкретных секторов экономики России и наши рекрутские возможности. Подобные контракты выгодны и регионам с работодателями, и мигрантам, поскольку распределит их правовая защищенность, а также снижаются потоки нелегальной миграции.

В планах России и Узбекистана – переговоры об облегчении поштовых переводов мигрантов и увеличении количества курсов по русскому языку в Центрах русского языка для мигрантов в Узбекистане с привлечением преподавателей из России. Подобные переговоры ведутся со всеми странами СНГ.

– Двусторонние договоренности и уважение к смене миграционных приоритетов – это и есть особенности идущего поворота миграционной политики в сторону отказа от миграции как способа покрыть убыль населения, – подвел итоги конференции Константин Затулин. – Ставка на переселенцев-соотечественников и мигрантов, желающих стать россиянами, дает надежду. А структурированность потоков миграции и право регионов самим заключать договоры о привлечении иностранной рабочей силы снижают риски столкнуться с криминалом и невозможностью «переварить» потоки миграции. ●

Как признают эксперты разных стран, в долгосрочном плане Россия заинтересована в использовании трудовой миграции

ЮЛИЯ И ЛИЕСМА

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

УВИДЕВ НА ОДНОМ ИЗ СОЛИДНЫХ РОССИЙСКИХ ПОРТАЛОВ ФОТОГАЛЕРЕЮ И ИНФОРМАЦИЮ О МЕРОПРИЯТИИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ В ГОРОДЕ ПЕТУШКИ «Я РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА – ИЗ ВОЙНЫ», ПОСВЯЩЕННОМ ИЗВЕСТНОЙ ПОЭТессЕ ЮЛИИ ДРУНИНОЙ, РИЖСКИЙ ИСТОРИК ИГОРЬ ГУСЕВ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ ПРИНЯЛСЯ ПИСАТЬ ОБРАЩЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ. А ВСЕ ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ПУБЛИКАЦИЮ СОПРОВОЖДАЛА ФОТОГРАФИЯ ДЕВУШКИ В ВОЕННОЙ ФОРМЕ, ПОДСИГНАЛЫ ПОД КОТОРОЙ ГЛАСИЛА, ЧТО ЭТО – ЮЛИЯ ДРУНИНА. НА САМОМ ЖЕ ДЕЛЕ НА СНИМКЕ, ГУЛЯЮЩЕМ ПО ИНТЕРНЕТУ, ЗАПЕЧАТЛЕНА ЛАТЫШСКАЯ ДЕВУШКА ВАЛЕНТИНА МИЛЮНАС, САНИНСТРУКТОР 125-ГО ГВАРДЕЙСКОГО СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА 130-ГО ЛАТЫШСКОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА.

ИСТОРИК ИЗ РИГИ уверен в этом, потому что именно он десять лет назад впервые увидел оригинал фотографии Валентины Милюнас в памятном альбоме ветеранов 130-го Латышского корпуса. Именно он отсканировал портрет красавицы-санитарки, обработал его и разместил на своем историческом портале «Клио», рассказав о землячке – героине войны. А вот каким образом с его портала фотография Валентины попала в Интернет уже под именем Юлии Друниной и прочно прижилась там, остается только гадать...

«Я прекрасно помню, как десять лет назад, накануне Дня Победы, я был в гостях у председателя организации ветеранов 130-го Латышского корпуса Бируты Яновны Чапи, – рассказывает Игорь Гусев. – Тогда она и показала мне ветеранский общий альбом с фотографиями военных лет. Там были и ее личные снимки, и снимки ее товарищей. Я обратил внимание на портрет красивой молодой девушки в гимнастерке с боевыми наградами. Не заметить его было просто невозможно. Спросил, кто это. Тогда Бирута Яновна мне и рассказала о Вале Милюнас, которую хорошо знала и которую когда-то бойцы прозвали Лиесмой, что

в переводе с латышского языка означает «Пламя»...».

В августе 1944-го это имя знали все бойцы 2-го Прибалтийского фронта. Шли жестокие бои за освобождение Латвии. Батальон, где служила Валентина, получил приказ прорвать оборону противника и выйти к реке Айвиексте. Но задача оказалась не из легких, из-за пулеметного огня нельзя было поднять головы, не

Выписка
из наградного
листа
от 10 сентября
1944 года
о подвигах
Валентины
Милюнас

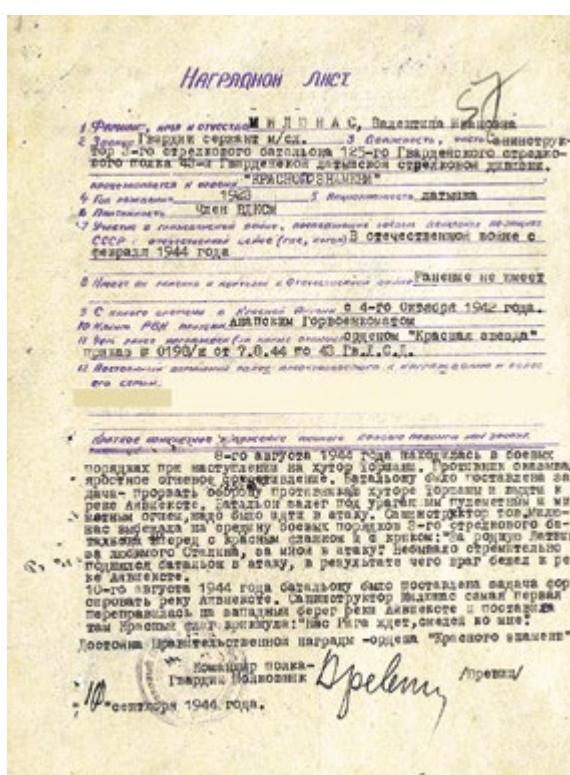
то что идти в атаку. Вражеская артиллерия била беспрерывно, под шквальным огнем сначала погиб командир, а затем и комсорг батальона. Кто в такой ситуации рискнет повести бойцов в атаку? Как вспоминали очевидцы, маленькая, хрупкая, бесстрашная девушка поднялась первой. Она ведь была не только санинструктором, но и заместителем комсорга батальона. Валентина вскочила и с криками: «За мной! В атаку! За Родину!» побежала вперед. И бойцы поднялись в атаку и сломили сопротивление врага.

А через два дня, 10 августа 1944 года, как следует из описания в наградном листе, при форсировании той же самой речушки Айвиексте Валя-Лиесма, размахивая ярко-красным платочком – подарком бойцов-разведчиков, первой перебралась на западный берег, вновь возглавив атаку.

Когда очередной населенный пункт был отбит у немцев, бойцы кинулись искать своего санинструктора. Вали нигде не было. Кто-то сказал, что девушку убили в бою, но товарищи не хотели в это верить. Они продолжали ее искать, осматривая все дворы и закоулки. Героиня нашлась! В том бою она вытащила с поля боя 13 солдат, получив незначительное ранение. Но легенда уже понеслась по частям. Солдаты рассказывали, как «смертельно» раненная девушка из гвардейского батальона поднялась, превозмогая боль, на ноги и, размахивая красной от крови косянкой, повела солдат в атаку...

Как следует из наградного листа от 10 сентября 1944 года, за эти подвиги гвардии сержант медицинской службы Валентина Ивановна Милюнас была награждена орденом Красного Знамени. А через месяц ее наградили орденом Отечественной войны 1-й степени...

Именно эти награды можно рассмотреть на той самой фотографии, которая распространяется сейчас по просторам Интернета под видом портрета Юлии Друниной военной поры. Но! Всеми нами любимая поэтесса, которая тоже прослави-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лась своими подвигами на войне, в 1944 году была награждена орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», а орден Отечественной войны 1-й степени Юлия Владимировна получила 11 марта 1985 года. Следовательно, в 1944 году, к которому относится фотография девушки в пилотке, у нее этого ордена еще быть не могло. Не было у Юлии Друиной и нагрудного знака «Гвардия», который можно рассмотреть на гимнастерке у девушек-санитарок.

«Даже беглого взгляда на портреты Юлии Друиной, в том числе и военного времени, и на фотографию из альбома наших ветеранов достаточно, чтобы понять – это разные женские лица. Да, они обе красавицы, обе героини, но – разные! – говорит Игорь Гусев. – Я беседовал с сослуживцами Валентины Ивановны Милионас, с теми, кто лично ее знал. Она сама передала свою фотографию для общего альбома бойцов 130-го Латышского корпуса. Это не Юлия Друинина, это наша знаменитая Лиесма. Заверяю со всей ответственностью!»

По предположению рижского историка, кто-то увидел у него на портале «Клио» военный снимок красивой медсестры и, возможно, использовал для иллюстра-

ции текстов о войне. А потом этот портрет каким-то образом крепко «прилип» к публикациям в Интернете о Юлии Друиной, которую по праву считают самой сильной поэтессой, писавшей о войне. Игорь Гусев неоднократно обращался в редакции порталов с просьбой исправить ошибку. Кто-то из журналистов реагировал, но большинство оставляли без внимания призывы историка восстановить справедливость. А потом все повторялось вновь. В социальных сетях, где Игорь иногда напоминает эту драматичную историю с фотографией, на него, бывает, и обрушаются с обвинениями в подтасовке фактов. А в качестве своей правоты оппоненты обычно ссылаются как раз на те самые солидные источники – российские сайты в Интернете, где под чужим

Слева –
Валентина
Милионас,
справа –
Юлия Друинина

именем прижилась фотография латышской медсестры.

Как известно, Юлия Друинина, окончив школу, записалась добровольцем в санитарную дружину и, прибавив себе один год, ушла на фронт. Служила санитаркой в военном госпитале, была ранена. После лечения вновь попросилась на фронт и вновь была ранена. Поправившись, будущая поэтесса снова ушла защищать Родину, воевала в Белоруссии, потом в Прибалтике. В 1944 году после контузии и очередного ранения Юлию Друину комиссовали и отправили в Москву. Она стала посещать лекции в Литературном институте, в 1945 году в журнале «Знамя» появились первые стихи Друиной. Через три года вышла ее первая книга, «В солдатской шинели». Позже были опубликованы сборники «Окопная звезда», «Бабье лето», «Я родом не из детства...». Война еще долго жгла ее душу, отсюда и эти пронзительные друининские строки: «Я только раз видела рукошаинный, // Раз – наяву и сотни раз – во сне. // Кто говорит, что на войне не страшно, // Тот ничего не знает о войне».

Валентина Милионас за годы войны вынесла с поля боя около 200 раненых бойцов. После войны вернулась домой в Ригу, окончила факультет журналистики, работала в заводской газете «Вэфовец», активно занималась общественной деятельностью. Хотя здоровье частенько ее подводило – сказывались полученные на войне ранения. После смерти мужа Валентина Ивановна перебралась в пансионат для персональных пенсионеров «Комунарс». Ей тоже очень долго по ночам снилась война. С Юлией Друиной они были почти ровесницы, сейчас обеих героических женщин уже нет с нами. Есть только память. Давайте же не будем вносить путаницу в их судьбы и сбивать с толку молодое поколение. Вглядитесь внимательно в эти фотографии и запомните: слева – Валентина Милионас, справа – Юлия Друинина. Светлая им обеим память и низкий поклон!

Орден
Отечественной
войны
1-й степени,
которым
Валентина
Милионас была
награждена
12 октября
1944 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

АНГЕЛ МУХА

автор

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

фото

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БОЛЕЕ 7 МИЛЛИОНОВ СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДО СИХ ПОР ЧИСЛЯТСЯ ПРОПАВШИМИ БЕЗ ВЕСТИ. НО 96 ИЗ НИХ ЮРИСТ ОКСАНА МУХА ПОМОГЛА ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ: ЧЕРЕЗ СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ПОСЛЕ ВОЙНЫ СЕМЬИ УЗНАЛИ, ГДЕ ПОГИБЛИ ДОРОГИЕ ИМ ЛЮДИ.

НА МУХЕ БЕЛАЯ «В ЛАПШУ» ВОДОЛАЗКА, СТЕ- ганая безрукавка за ее спиной образует жесткую складку, похожую на сложенные ангельские крылья. Мне и вправду кажется, что Оксана Муха, кочующая между московским домом, питерской работой и смоленскими лесами, – почти земной ангел. Не тот, который пухлое дитя, а настоящий, библейский – бесстрашный и справедливый воин Бога. Ей точно помогает кто-то по ту сторону бытия. Одними человеческими силами свое дело Оксане не вытянуть.

ПРОВОДНИКИ

Все началось три года назад. Юрист Оксана Муха вела в судах гражданские дела, а дома, для души, – сайт по истории Москвы. «Вы – знаток Москвы? – раздался однажды звонок. – Мы уже несколько месяцев безуспешно ищем семью погибшего солдата-москвича. Дома, в котором он жил, давно нет на карте. След теряется. Помогите нам». Незнакомый голос в телефоне звучал почти растерянно. «Я не могла отказать», – говорит Оксана.

Пропавшие без вести воины Великой войны лежат в русской земле от Мурманска до Северного Кавказа. Каждый год тысячи разных людей, не желающих мириться с этим, объединяются в поисковые отряды и едут туда, где шли самые ожесточенные бои: под Можайск, Вязьму, Тверь, Смоленск, Брянск, Псков, Ленинград, Воронеж, Курск, Волгоград. Есть среди павших те, кто родился в рубашке. Пробила когда-то эту рубашку пуля или осколок – а она все равно есть. У этих солдат поисковики находят маленький бакелитовый медальон и оставленный на бумаге чернильный или карандашный след – фамилию и адрес. Тогда появляется надежда, что воину вернут имя. Выбывают на памятнике. Помянут – уже не безымянным, а как мать нарекла – в молитве. Есть солдаты, которым повезло вдвойне. Их нашли семьи. Точнее – их нашли семьям. Ангел Муха взяла их за руку и привела к казавшемуся безвозвратно потерянным порогу родного дома. Поисковые отряды выкладывают в Сети имена тех, кого они откопали, подняли, как говорят поисковики. И если повезет, этих солдат подхватывают другие бережные руки. «Таких людей много», – уточняет Оксана. Эти добровольцы в свободное время берут на себя требующую настойчивости и терпения дополнительную работу. Они сидят в архивах и ищут семьи

перезахороненных поисковиками солдат. Без вести пропавший должен вернуться домой. Пусть не живым, но хотя бы так – неубитой семейной памятью.

Случайный вечерний звонок изменил и Оксанину жизнь – у нее появился Никитин.

ПЕРВЫЙ

Младший лейтенант Борис Никитин ушел на войну из дома №4 по давно не существующему Силинту тупику. Так было написано у него в медальоне. После войны семья переехала на Семеновскую набережную, 6. Оксана отправилась в архив. Дома номер 6 по Семеновской никогда не было. Она просмотрела всю набережную – дом за домом. Никитины обнаружились в 6-м корпусе дома номер 3. Вскоре они снова поменяли адрес – на 10-ю улицу Текстильщиков. Оксана отправилась в другой архив и снова перебрала огромный шкаф со списками жильцов по улице Текстильщиков. Никитины обнаружились в доме 25. Незнакомую семью давно погибшего человека мотало по стране, а Оксана терпеливо распутывала скрученные временем нити чужих биографий. Чужой солдат становился родным. У него появлялись лицо и судьба. Он ожидал.

Оксана успела в срок. За три дня до торжественного перезахоронения младшего лейтенанта Бориса Федоровича Никитина его внуки узнали, что их дед больше не числится без вести пропавшим. Они поехали в Ленинградскую область, где на поле, поросшем майской травой, у черной мраморной плиты была выкопана могила. Поисковый отряд «Заслонь» выстроился вдоль утоптанной дорожки, чтобы под «Марш славянки» с почестями предать земле прах их юного деда. Диара, 75 лет зиявшая в истории московской семьи, была залатана руками питерских поисковиков и молодой женщины со смешной фамилией Муха. Когда все закончилось, Оксана подумала: «Возьму-ка я еще одного...» На форуме поискового движения России она выбрала себе следующего солдата. С тех пор за Оксаной Мухой закрепилась репутация, вызывающая особое уважение, – она умела находить москвичей.

МОСКВИЧИ

Отыскать семью солдата, призвавшегося из столицы, считается среди поисковиков почти невозможным. В 1941 году, когда немцы стояли на окраинах Москвы, в городе жгли архивы. Позже, когда фашистов погонят от столицы, списки москвичей составят вновь. Но в них уже

не будет имен ни ушедших на войну призывников, ни их уехавших в эвакуацию родственников. Только очень профессиональный, настойчивый и неравнодушный исследователь сможет отыскать в этих клочках чужих биографий пропавшего человека.

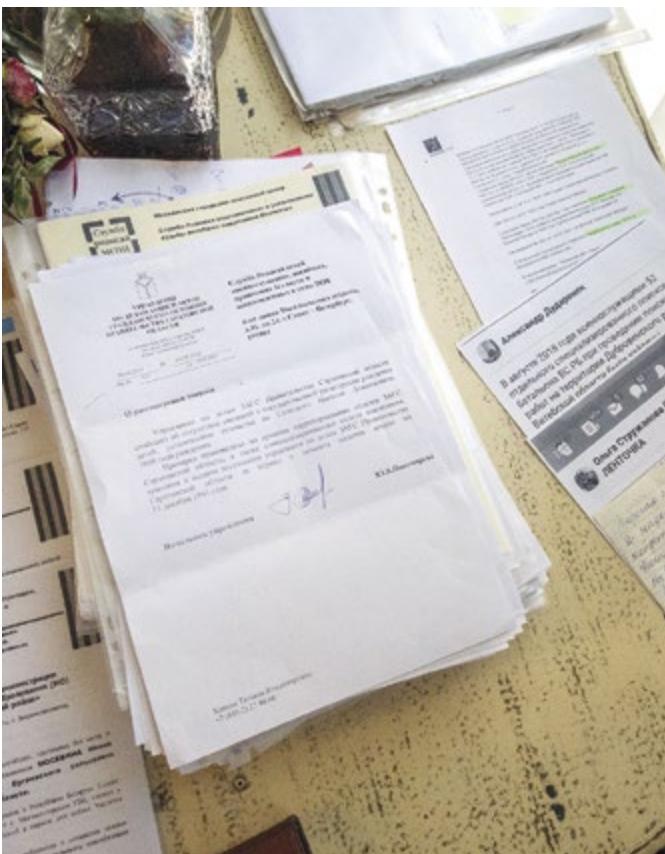
Самое страшное, считает Оксана, когда в архивах натыкаешься на равнодушных: «У вас написано Глинищевский переулок, 7? Другой адрес смотреть не будем». А надо смотреть. Потому что в беззащитные перед временем бумажные вкладыши солдатских медальонов легко закрадывается ошибка. «В списках не значится!» – вскользь бросает архивная дама. И в эту минуту умирает последний солдатский шанс «дойти до своих». Но Оксана Муха не сдается. «Ничего, я еще загляну к вам», – улыбается она. И приходит в архив через месяц. Потом через три месяца. Потом через полгода. И читает все адреса, хоть как-то напоминающие расплывшиеся строки солдатского медальона: Семеновская, Степановская, Светлановская, дом 7, дом 17, дом 27...

«Солдатские адреса приходится выхаживать ножками», – говорит Оксана. Обычно в свой выходной у нее три-четыре похода в архивы. Отвезти запрос, забрать запрос. Поинтересоваться: «Как там мой? Нашелся?» – «Нет». – «Давайте посмотрим еще раз».

Но ошибка может быть даже не в архивных документах, а в записях медальона. «Вот умер Смертов, а он на самом деле был Смирнов, – рассказывает Оксана еще об одном «своем» солдате. – Погиб в Московской области в 1942-м. По-видимому, был сильно ранен, даже фамилию свою взятое произнести не смог. Его и записали как Смертова. И адрес

неправильный. Я перерыла все документы Минобороны. Смертovy, Смирновы, Смерчовы – всех. Только по имени матери его и нашла. Родственники Смирнова до сих пор в Москве живут. 19 ему было, он даже жениться не успел...» Обычно бывает так: поисковики нашли солдата, прочитали медальон, ищут его семью. И если сразу не находят, оставляют поиски – не хватает рук заниматься каждым. «Тогда солдат пропадает без вести второй раз, – переживает Оксана. – Первый раз – когда его убили. Второй – когда мы не смогли отыскать его дом».

Оксана Муха ищет семьи солдат, найденных и перезахороненных в 1996, 1998, 2000 годах. При Московском городском поисковом центре по инициативе Оксаны была создана «Служба розыска родственников и установления судьбы советских солдат, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны». На соз-

данном ею сайте obd-memorial-2.ru есть два списка. Первый – имена солдат, родственников которых Оксана сейчас ищет. Второй – те, чьи семьи ей удалось найти. Сейчас у нее в поиске около 80 семей. Только за 2018 год Оксана сделала 754 запроса в архивы и нашла родственников 67 солдат. «Конечно, весь этот поток людей я помнить не в состоянии, – говорит Оксана. – Но некоторые солдаты западают в сердце. Таким близким становится для тебя этот человек, что даешь себе слово: этому парню я семью обязательно найду».

МОРОЖЕНОЕ

Сережа Белов стал ей почти братом.

Белов пришел (так говорят поисковики о найденных солдатах) первым в прошлом году. Его зимой подняли. За бой, в котором погиб, артиллерист Белов был посмертно награжден медалью, а домой написали: «пропал без вести». Занесло красноармейца Белова под хутор Рынддинку накануне Курской битвы. Надо было задержать немецкие танки. Белов с товарищами их и держал, сколько было сил. Годом ранее поисковики нашли под Рынддинкой немецкий танк, скорее всего подбитый орудием Белова. Откопали Сергея, а у него в руках граната: занес ее – так и лежит.

По документам Минобороны, Белов жил на «улице Черкасной». Только не было в Москве такой улицы. Зато в ведении Сокольнического райвоенкомата, откуда призывали солдата, обнаружились Черкизовские улицы. Их было 12. Оксана привычно пересмотрела списки всех улиц. Белова там не оказалось. Подсказку хранил наградной лист медали «За отвагу» – писарь переделал в Черкасную вполне реальную Егерскую улицу. Только нет родных солдата в списках жильцов на Егерской. И в архивах – нет.

«Как же так, Белов? – спрашиваю я его, – рассказывает Оксана и объясняет: – Когда их долго ищешь, с ними разговариваешь как с близкими. Говорю: «Белов, может, тебе это не важно, но ты даже не представляешь, сколько людей уже хотят, чтобы ты нашелся. Помоги мне, Белов! Найдись!»

В итоге Оксана обнаруживает в списках жильцов женщину из той же деревни, что и Сергей Белов. Только фамилия другая. Делает запрос в архив на родине Белова, в Смоленске, и узнает, что это его сестра, так и не дождавшаяся брата с войны. Тогда Оксана находит племянницу

Сергея и рассказывает все, что ей известно о судьбе старшего сержанта. 80-летняя старушка плачет и на глазах Оксаны превращается в маленькую девочку, которой молодой и веселый Сережа Белов покупает в Сокольниках мороженое...

У Оксаны дома есть старый сервант, который она называет «шкаф памяти». На каждого солдата она заводит дело. В дело вложена карточка – фамилия, имя, отчество, год рождения, координаты поискового отряда, который нашел солдата. Вся переписка с архивами складывается туда же. Когда находит солдатскую семью, Оксана перечеркивает карточку. Ненайденных у нее еще четыре огромные папки.

«Открываются фантастические истории, – говорит Оксана. – Вот ищу отца и старшего брата одной пожилой женщины. Оба оказываются в нацистских концлагерях. Открываю дела и вижу, что с разницей в год оба погибли. Но место захоронения там указано. Пишу этой женщине, что нашла место, где похоронены ее родные. «Если бы вас видела, я бы в ножки вам поклонилась за то, что вы для нашей семьи сделали», – отвечает она. Все эти годы они жили с мучившей их неизвестностью».

ИЗ ГЕРМАНИИ

Две истории в поисковом архиве Оксаны связаны с Германией.

В 1959 году под Берлином прокладывали дорогу и нашли останки советского солдата – с медалями и оружием. Кто такой? Саша Ерошин. Похоронили Сашу, а домой не написали. Почти через шестьдесят лет поисковик

Александр Дударенок, просматривая списки Минобороны, обратил внимание, что Ерошин до сих пор числится пропавшим без вести. Стали искать родных.

«Нашли его сестру, – рассказывает Оксана. – Как она плакала... «Если его в 1959 году похоронили, почему нам не сообщили? – убивалась она. – Мама еще была жива. Всю жизнь ждала его. Он уходил на фронт, сказал: «Мама, сбереги мои краски. Я вернусь». 25 апреля 1945 года погиб мальчик».

Зато она успела найти семью ополченца Василия Терентьевича Козлова. Сыну Василия Терентьевича сейчас 80 лет. Он читает лекции в университете в Германии. Когда отец не вернулся с фронта, мать сказала ему, что тот жив, но ушел от них. Так ей было легче перенести потерю. Всю жизнь сейчас уже немолодой человек прожил с мыслью, что он брошен. Когда Оксана сообщила,

что его отец – погибший в бою герой, тот заплакал. Одна из внучек Василия Терентьевича живет в Германии, другая – в Лондоне. Весной 2019 года они взяли своих детей, приехали в Россию, и 9 мая командир поискового отряда «Комбат» повез их на место, где погиб близкий им человек.

В этой семье с родовой памятью все хорошо. А бывает иначе.

НЕПРИКАЯННЫЕ

Есть на полке у Оксаны особая папка. В ней тоже дела солдат. Это – «отказники». Те, кого «не забрали» родственники. «Ты перерываешь десятки архивов, месяцами ищешь семью. А потом в ответ слышишь от них: «Нам это неинтересно», – возмущается Оксана. Так предали Ивана Беломытцева.

Ване Беломытцеву накануне войны исполнилось 18. Несмотря на юный возраст, он недавно женился. В 1940 году Беломытцева призывают на срочную службу, жена рожает сына, а в мае 1941 года молодого солдата переводят в Брестскую область. 26–27 июня 1941-го наши войска отступают. И где-то в Белоруссии, под Ружанами, Беломытцев получает серьезное ранение. Местный священник подбирает его и еще восемь раненых, заносит в церковь, где они умирают от потери крови. Священник перед смертью записывает их фамилии и хоронит там же, на ружанском кладбище. Умирающему Ивану Беломытцеву хватило сил только на то, чтобы назвать себя и сообщить, что он призван Мытищинским военкоматом. Все.

75 лет спустя белорусские поисковики обнаружат в архивах записку священника, где он перечисляет фамилии восьмерых солдат, похороненных им на ружанском клад-

бище. А по документам они все еще числятся пропавшими без вести. Найти родных Ивана предстояло Оксане Мухе.

Отыскать семью без адреса, кажется, невозможно. Но Оксане это удается. Она узнает, что стало с женой Ивана, находит его внука. И внук Ивана Беломытцева, умиравшего на белорусской земле, скажет Оксане: «Это посторонний человек, он меня не интересует».

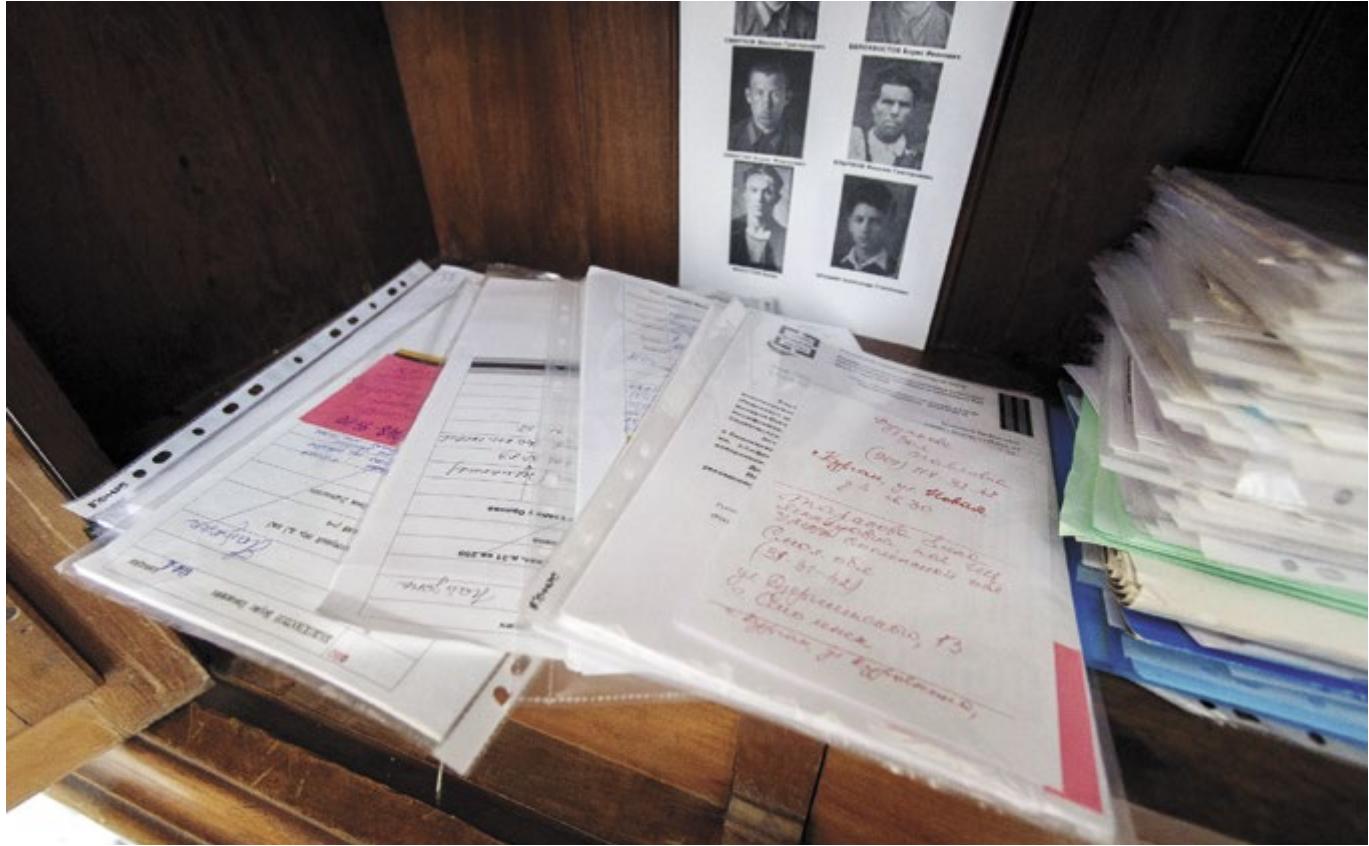
«Горько слышать такое, – расстраивается Оксана. – Считается, что «отказники» – неупокоенные, не оплаканные близкими души. Их хоронят и отпевают чужие. Я всегда ставлю за них свечку. Не бросим же мы своих, раз их дома не приняли».

МАЛЬЧИК С АРБАТА

В Столовом переулке стоит старая московская школа – бывшая №110 имени норвежского полярника Фриттофа Нансена. Рядом с ней – пронзительный и нежный памятник ученикам школы, ушедшим в народное ополчение. Мальчики, полегшие подо Ржевом и Вязьмой, стали символом поколения. Боря Белохвостов тоже учился в этой школе.

Он был летчиком. На фотографии в личном деле – смешной, лопоухий парень. Поступил в летное училище, началась война, в 1943-м пропал без вести. В 2016-м Борин самолет нашли поисковики.

Поиски летчиков отличаются от обычных поисковых вахт. Сначала по хранящимся в архивах донесениям, воспоминаниям местных жителей пытаются установить, куда упал не вернувшийся с задания самолет. Если место известно и самолет найден, почти наверняка будет установлено и имя летчика. Главное в таких истори-

ях – найти двигатель. По его номеру потом легко восстановить документы. Так Боря Белохвостов сделал первый шаг домой. Потом его передали Оксане.

Найти семью Белохвостовых оказалось нетрудно. Они долгие годы жили в доме на Скатертном, откуда сын уходил на фронт. Отец Бориса был директором завода. В начале войны он увозил в эвакуацию завод, на обратном пути попал на оккупированную территорию, закопал партбилет, пешком вернулся в Москву, где за потерянный партбилет его исключили из партии, но с поста не сняли.

У семьи Белохвостовых на Ваганьковском кладбище есть свой участок. Когда погиб Борис, родители поставили небольшой памятник. На нем – последняя фотография Бориса, такая же, как и у Оксаны. Мать не знала, где лежит сын, и ходила туда его оплакивать. На Ваганьковом их с отцом потом и похоронили. Много лет спустя родственники Бориса выяснили, что он якобы лежит на одном из воинских мемориалов – в списках погибших значится его фамилия. И когда поисковики рассказали им, что нашли тело Бориса, те очень удивились: «Он уже похоронен!» Но сомнений в том, что найденный в самолете летчик – Борис, у поисковиков нет.

Теперь семья Бориса Белохвостова хочет перезахоронить его на Ваганьковском кладбище рядом с родителями. Но чтобы похоронить человека, нужно признать его умершим, а у погибшего во время военных действий в свидетельстве о смерти должна стоять дата окончания войны. «Дата окончания военных действий – 9 мая 1945 года», – напишет в заявлении Оксана Муха. Война для Бори Белохвостова закончилась только сейчас. Он вернулся домой.

ДЕДУШКА

«Вообще-то я из Минска, – неожиданно говорит Оксана. – Когда я росла, у нас, детей, ни у кого не было дедушек. Совсем ни у кого. Поэтому, наверное, мы и не удивлялись. Тогда мало про войну спрашивали, но я была любопытная – спрашивала. А бабушка рассказывала. И плакала. Бабушка с дедушкой жили в Брестской области. Война для них началась 22 июня 1941-го в пять часов утра. Конечно, они сразу попали в оккупацию. А в 1942 году в их деревню под Пружанами пришел взвод немецких автоматчиков. Всех мужчин вывели за окопицу, заставили выкопать себе могилы, дали очередь по ногам и закопали живыми. По периметру рва стоял карательный отряд, чтобы не дать никому спастись. Стон стоял над деревней двое суток. Бабушка говорила: «Я до сих пор вижу их во сне». У нее там муж остался, мой дедушка, и двое родных братьев».

С Белоруссией у Оксаны связано еще одно воспоминание. Поисковики помимо прочего занимаются проверкой старых солдатских захоронений. Как было на войне? Убитых солдат собирали, закапали, фанерную табличку поставили – и дальше с фронтом ушли. Хорошо, если потом было кому за могилами следить, если не смыво летним ливнем солдатское имя.

Бывало, как писали в донесении, погибших столько, что хоронили прямо в поле. К донесению прикладывали карту, а там отмечены братские могилы: «60 человек», «40», «50» в каждой. Сейчас это просто поле, на нем пшеница растет. А под ней до сих пор люди лежат, и никто об этом не знает. Поисковики их ищут и хоронят.

Но даже тем солдатам, чьи фанерные памятники пережили войну, грозила опасность забвения. Уже в 1960-е годы мемориалы укрупняли, из мелких захоронений всех по-

гибших должны были переносить на крупный погост. А поисковые отряды и сегодня открывают старые захоронения. В отчетах написано, что погибших вырыли и на новом месте похоронили, а порой оказывается, что перенесли только памятник с фамилиями. Солдаты – вот они, здесь.

Недавно в Белоруссии поисковики проверяли одно подобное перезахоронение. 26 июня 1941 года. Советские части отступают. Вышли на дорогу, а там уже залегли немцы и начали наших расстреливать в упор. Тогда, как деревенские рассказывали, наши побежали в ближайшую деревню, форму армейскую с себя снимали. Немцы ворвались в деревню, собрали всех местных жителей и повели на пригорок расстреливать. Но в деревне жил чех, знавший немецкий язык. Он, как говорят местные, «отмолил» у фашистов мирных. Гражданских отпустили, пленных тут же, на пригорке, расстреляли и прямо у дороги закопали. Уже в 1960-е годы их перезахоронили в центре села. Поисковики могилу на пригорке проверяли – всех перенесли.

ВАХТА

Два года назад Оксана решила присоединиться к поисковикам и вместе с московским отрядом «Застава святого Ильи Муромца» поехала на Вахту Памяти. Ей было важно увидеть своими глазами, как начинается возвращение.

«Если бы мне три года назад сказали, что осенью, в 13 градусов, в дождь, по крапиве выше головы я буду брести по лесу под Смоленском и кого-то искать, я бы не поверила. Я – человек городского комфорта. Терпеть не могу дождь. Но сейчас у меня в багажнике лежат: сапоги длинные, сапоги короткие, берцы, пуховик легкий, пуховик теплый, палатка на разную погоду, набор лопат, фляжечки, запасы тушеники. Прямо сейчас могу уехать в лес, – говорит Оксана. – Вот в жаркий летний день ты в резиновых сапогах тащишься по грязи 18 километров, потому что, говорят, в заброшенной деревне похоронены наши солдаты. Идешь, тыкаешь землю тяжелым щупом, думаешь: «Как здесь противно и тяжело». Но потом приходит другая мысль: им было тяжелее, а они выдержали. И ты – одетый, сытый, обутый, облитый репеллентами – выдержишь. Ничего страшного».

Прошлым летом Оксана провела дома всего одно воскресенье. Обычно вставала в субботу в 4 часа утра, садилась в машину, ехала в Смоленскую область. В воскресенье возвращалась, в понедельник – шла на работу.

«Когда я начала ездить на Вахту, то поняла смысл слов «земля прошита пулями». Снимаешь дерн, и в нем дей-

ствительно виден пулевой след. А еще понимаешь смысл слова «тлен». Видишь, как человек становится черной землей. Вот лежат крупные кости, а то, что между ними, – уже земля. Берешь ее на ладонь и думаешь – это было человеком».

Бывает, поднимают яму на 60 человек. Братская могила. Их в воронку всех положили, засыпали и дальше ушли. «Обычно ребята копают, девочки стоят на переборке, – продолжает рассказ Оксана. – Это когда тебесыпают землю из захоронения, а ты вручную ее перебираешь. Чтобы ни одну косточку не потерять. Дают череп в каске и говорят: «Отдели кость от металла». И ты стучишь этой каской, аккуратно достаешь череп, а там еще волосы целы... Так и собираешь их, по косточке, – ручки, ножки, пальчики, позвоночки. Ботиночки нужно обязательно о землю постучать,

чтобы выгнать оттуда все до косточки. Человека из этого собираешь, в мешочек складываешь...».

Если поле боя оставалось за немцами, они заставляли местных жителей хоронить убитых. Оксана вспоминает, как старики им рассказывали: «Вот фронт встал на долгие месяцы, месяцами боятся наши с фашистами за какое-нибудь поле или лесок. И мертвые там с декабря лежат. В январе лежат, в феврале, в марте. По три раза мертвые за зиму друг на друга ложатся. А уже в апреле, когда наступила весна и дух пошел, немцы приказывают их похоронить».

«Иногда солдатика нашего раскапываешь, а у него ноги колючей проволокой связаны, – говорит Оксана. – Как мертвые на поле лежали, так их и стаскивали в ямы – вверх ногами, в кучу. Вся яма мертвыми

забита. Верхние уже превратились в тлен, а нижние лежат – все косточки целы. Там же куча-мала, просто кости, ногти, черепа»...

ВЕЩЬ И ПРОСТРАНСТВО

«Мы находим много вещей – котелки, ложки, расчески, но для меня в них ничего личного от солдата не остается. Гораздо важнее само место, – объясняет Оксана. – Вот говорят: здесь проходила линия фронта и в этих лесочках положили две наши армии. На этом поле должно быть 28 братских могил. В каждой – по 30–40 человек, а мы пока нашли только пять. И ты ходишь бесконечно по этому месту, тыкаешь в землю щупом, ищешь. А они не находятся. Вот наконец их поднимаешь. Видишь, как они лежат, и вся картина боя разворачивается перед тобой. Вот здесь были окопы, вон на той разрушенной колокольне, которая до сих пор возвыша-

ется над полем, стоял немецкий пулемет и косил наших. В этом гораздо больше попадания в прошлое, чем в вещах. Вещи для меня безличны. Только немецкие вещи враждебные. Немцы воевали с комфортом. То бутылочку из-под коньяка найдешь, то пилочку для ногтей, то остатки свитера, то упаковку крема «Нивея». А наши в чем были, в том и пошли. Шинель достаешь из земли немецкую, там еще сукно целое, а наши тронешь – и ткань разъехалась. 75 лет прошло, у немецких ботинок подошва целая, а у наших отваливается. Как бумажная была подошва».

Хотя вещи для поисковиков тоже очень важны. «Бывает, находишь котелок, на нем имя нацарапано, – уточняет Оксана. – Тут же, в поле, открываешь базу Минобороны, смотришь – да, был такой солдат, воевал, был ранен, его отвезли в госпиталь, и он там через два дня умер. Тогда понимаешь, вот выронил солдат этот котелок в траншею, потом его, раненного, забрали, и больше он ни своего котелка, ни света белого уже не видел».

«Вообще, время, когда поднимают солдат, занимает всего 10 процентов Вахты. Остальное – многокилометровые хождения с металлоискателем и щупом, – поясняет Оксана. – Еще говорят, что у каждого солдата – свой поисковик. Можно ходить по одному и тому же месту много раз и никого не найти. А кто-то подойдет, станет, тык щупом – и открылась яма на 60 человек. Пришел, значит, «свой» человек, а «чужим» погибшие не давались. Бывает наоборот, поисковики рассказывают: мы не копаем, они у нас сверху лежат. Когда была возможность, погибших собирали. Но в лесах как их убили, так они до сих пор и лежат. Их называют «верховые» – разкопнул сверху, а он уже там, за камнем. Видно, что перезаряжал оружие, его убило, потом он мхом немножко зарос да так и остался».

Часто находят солдат в деревнях, прямо в огороде. Люди там десятилетиями сажают картошку, а под картошкой семь человек лежит. Шел бой, солдат похоронили на задворках ближайшего дома и пошли дальше. Может, там была вороночка какая-то, может, окоп. А местное население выползло потом из своих подвалов и стало жить дальше. Картошку сажать.

Есть у поисковиков такая быль, рассказывает Оксана. Росла у одного человека в саду яблоня. Все ее звали «дурочкой» – она никогда не давала яблок. Оказалось, под ней лежал неизвестный солдат. А когда этого солдата нашли и похоронили, на следующий год она дала столько яблок, что не знали, куда их деть. «Вы в это верите? – спрашивает Оксана. – Я – верю».

ЯЧЕЙКИ, «ЛАДАНКИ» И ЧУДО

Ездили они как-то на Вахту в Дудкино, в Смоленскую область. Там заброшенный, глухой лес. Держали под Дудкином оборону наши части. В начале войны рыли в основном не траншеи, а оборонылись в одиночных ячейках. Они треугольниками, «птичками», располагались. Считалось, что так солдат лучше будет защищаться.

«Вот приходим мы в это глухое место. Очень долго идем, – вспоминает Оксана. – И командир поискового отряда «Авангард» Александр Орлов показывает на опустевшие ячейки: «Вот здесь Иванов лежал, здесь – Петров, здесь Гигоношвили».

Это были кадровые военные. Те, которых война выкосила первыми. Они четыре дня держали танки, в донесениях части это видно. Их поднимают, а они лежат – с медицинскими наборами,

противогазами, медальонами. Им сказали: задержать танки! Они расположились на позиции. Выкопали ячейки, разложили патроны и – отстреливались до последнего. Они так и лежат, каждый – в своей ячейке. И пустых ячеек нет. Они там все остались.

«Их поднимают по очереди, – продолжает Оксана. – В один год пять человек, в другой – семь. Но мы точно знаем, что они там».

Как поисковики ищут погибших? Покупают аэросъемку и пытаются привязать к местности. Едут в архив Минобороны, читают донесения частей, где были бои. И когда приезжают на место, уже знают, что, к примеру, на этом поле сражались две армии, что, по донесениям о потерях, столько-то людей там полегло. Очень

важно понять, где были траншеи и воронки, поскольку в них солдат хоронили...

В конце 1942 года в Красной армии отменяют медальоны. Их меняют на книжки красноармейца. «Это такая бумажная книжка, вроде трудовой. Что от нее осталось через 75 лет? – спрашивает Оксана. – Поднимаем солдат 1943 года, а они – безымянные. Иногда находим книжки красноармейца. Я смотрю на этот слипшийся ком гнилой бумаги и думаю: мы могли бы сейчас узнать имя этого человека, если бы у него была не бумажка, а медальон. Мы своими руками лишили имени миллионы солдат. Именно поэтому у нас так много безымянных могил».

Но иногда происходит чудо. «Поднимаем яму на 37 человек, – продолжает Оксана. – Копаемся, вдруг кто-то кричит: «Смотрите!» На земле – свернутая бумажка. Это – медальон старого, еще довоенного образца, так

называемая «ладанка». И вот лежит она, сухая и чистая, прямо на грязном отвале. Мы ее открываем, а там имя солдата – Ядыгеров Фоат Абрахамович. Ничего нет, никакой защиты. Только косточки да бумажка целая...». Оксана сейчас ищет родственников этого солдата. Фоат Ядыгеров – татарин, родом из Астраханской области. Она уже узнала, что его отец был муллой, у него было шестеро детей. Как муллу, его отправили в ссылку в Киргизию. Там он женился и остался жить. В базе Минобороны один и тот же солдат числился под тремя разными фамилиями – как Ядыкеров, Ядгеров и Ядгиров, да еще и по три варианта имени и отчества. На него были написаны четыре разных донесения о смерти, он везде под разными фамилиями и именами, а жена – одна. «И вот пробиваюсь, пробиваюсь я в этот Кыргызстан, пишу-пишу – тишина», – сокрушается Оксана. И через Красный Крест она искала, и через посольство. Ни одного ответа.

МЫ НЕ УСПЕЕМ

«Говорят, война не закончилась, пока не похоронен последний солдат. Эта война закончена не будет. Я не знаю, как мы сможем поднять миллионы людей, лежащих по пустошам и лесам. Я говорю уже даже не про памятники – просто физически их найти и похоронить там, где есть мемориалы. Только тогда мы отдаем им последнюю дань, – рассуждает Оксана. – Вот, говорим мы, солдат, ты погиб за Родину. И мы воздаем тебе почести, мы хороним тебя, как героя. Там, где на памятнике ты обязательно будешь упомянут, даже если мы никогда так и не узнаем твоё имя. Но мы не успеваем и этого».

За год поисковики поднимают около 20 тысяч человек. «Жизни не хватит, чтобы всех отыскать, – с болью

говорит Оксана. – Земля делает свое дело, мертвые превращаются в тлен. Сколько нам дано, чтобы успеть? В Ленинградской области, говорят, есть торфяники, где людей выкапывают целиком, вместе с сохранившейся кожей. Белова мы нашли на Курской дуге, в черноземе. Так он лежал – еще ботинки были целые. Смоленская земля другая. Она быстро превращает людей в тлен. Там отпущенное поисковикам и солдатам время кончится быстрее. А непогребенных в Смоленской земле очень много. Из года в год ты возвращаешься на одни и те же места, и каждый раз кого-то находишь».

«Мне сейчас кажется... – Оксана ищет точные слова, – если верить в переселение душ, все мы, собравшиеся на Вахте под Смоленском, воевали на той войне. И то ли непохороненных своих товарищей ищем, то ли самих себя. Бывает, стоишь, дождь льет, а все равно до последней косточки перебираешь, чтобы ничего в земле не оставить. У нас всех ощущение, что мы когда-то здесь уже были. Как будто генетически это помним. Приходишь, как будто ты такой же солдат, как и они. Будто ты с ними равный. Просто у тебя своя задача. Они свое дело сделали, теперь тебе надо сделать свое. Будто мы вместе, только они беспомощнее, потому что мертвые».

Ты как проводник получаешься. Мне сказала как-то одна женщина: «Думаете, вы сюда одни пришли? Знаете, сколько их у вас за спиной стоит?» Да, я знаю, что они стоят за моей спиной – те, чьих близких я еще не нашла. Их души домой хотят, а добраться не могут. И ты берешь его за руку – «давай проведу». 80 человек, которые у меня находятся в поиске, они все стоят за мной. Теперь уже делать нечего, взялся – веди».

«ЭТО МОЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

РАССКАЗЫВАЯ О РОССИИ, ОН ГОВОРИТ «У НАС». ПРИЧЕМ ГОВОРИТ НА ПРЕКРАСНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ПРАВДА, С ЛЕГКИМ АКЦЕНТОМ И, КОНЕЧНО, С НЕПОВТОРИМОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖЕСТИКУЛЯЦИЕЙ.

СО СТОРОНЫ ИСТОРИЯ ЭТОГО ИТАЛЬЯНЦА в России может показаться идеальной и завидной. Отчасти это справедливо. Но для того, чтобы личная жизнь и карьера дирижера Фабио Мастранджело складывались именно так, маэстро титанически трудится: постоянные концерты и спектакли по всему миру, график гастролей расписан на годы вперед. И непонятно, отдыхает ли он вообще когда-нибудь.

— *Фабио, Италия подарила человечеству великое наследие: архитектура, живопись, музыка... Даже опера родилась в Италии...*

— Да, во Флоренции, где она и родилась, она называлась «recitar cantando».

— *И вы — представитель этой великой культуры.*

— Да!

— Когда общаяешься с итальянцами, надо осторожно отзываться об опере! Вы настолько ревностно к ней относитесь...

— Конечно! А как иначе? Опера родилась в Италии, когда она еще не существовала как государство. Сама Италия, какой мы ее знаем сейчас, родилась в 1861 году.

— *Вы говорите об объединенном государстве?*

— Да, объединенной Италии всего 158 лет. И, кстати, опера стала одним из объединяющих элементов страны. Многим известно, что оперы Верди содержали, можно сказать, весьма революционные идеи. И когда люди в середине XIX века кричали: «Viva Verdi!» — они имели в виду «Viva Vittorio Emanuele Re D'Italia» («Виктор-Эммануил, король Италии» — король Сардинского королевства Виктор-Эммануил II, который в итоге объединил Италию и стал пра-

вителем Итальянского королевства. – Прим. ред.). Поэтому мне кажется, что у всех итальянцев, даже если они и не подозревают об этом, есть понимание того, что в какой-то мере именно благодаря опере мы стали единой Италией. И они очень гордятся оперой. Есть такая фраза: «Все итальянцы поют». В принципе, это правда. Пение – итальянская страсть! Нам нравится, когда люди поют, и мы сами обожаем петь. Знаете, если у сборной Италии по футболу, не дай бог, не клеится игра на поле, все 60 миллионов итальянцев сразу становятся лучшими тренерами. Они возмущаются: «Ну что он, этот главный тренер команды, наделал?! Конечно, он должен поменять приемы! Неправильная стратегия!» То же самое происходит, когда итальянцы приходят в театр: они все знают, как надо петь! Это отчасти верно: если ты имеешь успех в Италии как певец или дирижер, значит, ты это действительно хорошо делаешь.

– *А чем, по-вашему, русская опера отличается от итальянской?*

– Русская опера в чем-то понятнее, хотя у нее существуют различные периоды развития. Под словом «понятнее» я имею в виду систему ее построения, если мы говорим об операх, например, Римского-Корсакова. Но позже русская опера стала более сложной – Прокофьев, Шостакович... Как дирижер могу сказать, что когда ты уже продирожировал три-четыре оперы Римского-Корсакова, то можешь исполнить практически любую другую его оперу, поскольку внутренняя организация структуры его опер более или менее похожа: сейчас будет ария тенора, потом – дуэт, далее – терцет, который сменяет ария баритона, затем ария сопрано и так далее. Все идет в некотором смысле предсказуемо. Если дирижер способен понять эту систему, это очень сильно ему поможет.

В чем сложность опер итальянского веризма? Даже если ты их хорошо знаешь, они в какой-то

момент преподносят сюрпризы: в строем композиции, в способах, которыми авторы пользовались... Допустим, в течение пяти тактов Пуччини может поменять темп, например, десять раз. Половина такта может идти быстро, затем – замедление, после – ферматы, и это все еще в течение одного такта! Это очень сложно исполнять и еще сложнее понять. В русской опере такое встречается реже, поэтому она, конечно, чуть-чуть легче. Французская опера больше похожа на итальянскую. Немецкая, может быть, больше похожа на русскую. А в целом мы имеем невероятное богатство прекрасных композиций, которые, естественно, делают нашу жизнь красивей!

– Вы учились в разных странах. В вашей жизни были такие люди, как Нино Рота и Леонард Бернстайн. Что это была за школа, пользуетесь ли вы их советами?

– Есть такие люди, которым не нужно что-то особенное советовать другим. Они имеют фантастическую ауру. И когда просто находишься рядом с ними, ты уже многое получаешь, даже если во время общения не замечаешь этого влияния. Ты в восторге от того, что с тобой разговаривает Нино Рота или тебя берет за руку Бернстайн... Быть с ними, слышать, как они с другими людьми общались или каким образом, например, Бернстайн репетировал с оркестром – какими словами, какими жестами, каким настроением, – вот этому всему я научился от них. И понимаю через много лет, что некоторые подходы я применяю неосознанно. Я не думаю: сейчас буду делать как Бернстайн! – это было бы неестественно. Когда необходимо, они словно подключаются сами. Вот так я ощущаю их влияние...

– Получается, внутри вас все музыкальные традиции и национальные школы перемешались как в котле?

– Безусловно! Очень близкий мой друг, профессор биохимии, говорит, что все зависит от ДНК. И с некоторых пор я ему верю. Многое зависит, а может быть, и все... Поймите меня правильно: я не имею в виду, что я лучше или хуже других дирижеров... Но, сравнивая себя с другими дирижерами, работающими в России, я понимаю, что есть вещи в итальянской опере, которые я, конечно, воспринимаю иначе. Просто потому, что мне повезло родиться в этой стране. И можно сказать, что вся остальная опера в мире родилась от итальянской оперы. Естественно, сегодня я дирижирую не только итальянской оперой, но и русской, французской, немецкой, английской и так далее, но система в основе – одна. Могут быть какие-то вариации, ухудшения или улучшения... Но то, что я родился в Италии

и получил очень серьезное, качественное обучение, сильно мне помогает. Хотя многому я научился не в Италии. Например, в Канаде я научился быть организованным. Да, люди там для меня не очень интересные, зато очень организованные. Знаете, даже если дирижеру там во время репетиции не нравится, как установлен его пульт, он не может самостоятельно его передвинуть. Это незаконно! Сразу придет человек и скажет: «Что вы делаете? Это должен делать рабочий сцены».

– Разделение труда.

– Я до сих пор не могу этого понять. А какая разница? Я же знаю сам, как мне надо. Неужели у меня нет рук, чтобы сделать это самостоятельно? Я понимаю, что это, может быть, логично, но... А у нас, наоборот, все как-то чуть-чуть неправильно. К примеру, в Канаде рабочие сцены имеют специальные ботинки, которые защищают их от возможных несчастных случаев – на них есть металлическая вставка на мыске. А я вижу, как у нас работают в тапках! Это, может быть, и неправильно, но как-то более по-человечески. А мне нравятся человеческие эмоции.

– Какую традицию в музыке вы представляете? Или для вас уже не существует границ?

– Конечно, границ уже давно не существует. Единственная граница, которая для меня существует и всегда будет существовать, – это разделение между хорошей и плохой музыкой. И это все. А хорошая музыка может быть японской, тайской, американской, французской, русской...

– Так же как и плохая.

– Конечно. Это зависит от таланта композитора или от таланта исполнителя. А что касается всего остального, то мне все интересно, любопытно. Мне кажется, что это очень хорошее качество для дирижера – быть любопытным! Поскольку ты хочешь всегда чуть-чуть поглубже «копнуть».

– Вы родились и выросли в Италии, потом прожили в разных странах и вот уже двадцать лет живете в России...

– Я родился в южном городе Бари – это столица прекрасного региона Апулия, и прожил там 21 год. Город очень красивый, солнечный – из 365 дней в году 330 дней там бывает солнце. Но мой отец всегда говорил: сначала надо набраться опыта, а чтобы его иметь, надо делить свою жизнь между разными странами. Невозможно жить в одном городе и быть успешным музыкантом. Сегодня я прекрасно понимаю эти слова. И, конечно, для дирижера возможность общаться с разными людьми, с разными музы-

кантами, посмотреть мир – это необходимость, поскольку впоследствии все эти впечатления войдут в его интерпретации музыкальных произведений. Самое простое – это интерпретация, которая базируется на интуиции. Естественно, интуиция – это хорошо, но она не может быть единственным способом, с помощью которого человек интерпретирует разные произведения. Поэтому необходимо познакомиться с самыми разными культурами.

Когда я вырос и как пианист начал путешествовать, то стал понимать, что папа был прав. Начал понимать еще до того, как появились мечты о карьере дирижера. И вот я окончил консерваторию в Женеве, окончил Королевскую академию музыки в Лондоне, и тогда у меня появился большой интерес к диригированию. Я стал учиться, сначала в итальянском городе Пескара, потом – в Вене и затем – в канадском Торонто. Это было 29 лет назад, плюс два года в Лондоне и Женеве – это уже 31, а сейчас мне 53 года. То есть большую часть своей жизни я жил не в Италии.

– В интервью вы не раз говорили: «Для меня быть русским – это навсегда».

– Ну, естественно! Понимаете, я жил в Канаде десять лет и могу абсолютно точно вам сказать, что на протяжении всего этого периода я ни на секунду не желал стать гражданином Канады. Не было внутри меня того самого ощущения, которое может спровоцировать человека стать гражданином другой страны. Я понимаю, что есть люди, которые из-за политической или экономической ситуации в стране, где они родились, могут эмигрировать в другие страны. По совершенно иным мотивам, ради других интересов. А для меня так не могло быть, я родился в абсолютно нормальной семье. Не могу сказать, что сверхъестественно богатой, но мы жили достаточно хорошо, и я не мог желать большего. Мне было удобно, уютно, комфортно, и, чтобы у меня в голове появилась идея принять гражданство другой страны, нужен был большой эмоциональный подъем. И это именно то, что я почувствовал в России. Мы сейчас находимся в Москве, это июнь 2019 года, а двадцать лет назад, 5 июня 1999 года, я впервые приехал в Россию.

– Это – юбилей, поздравляю вас!

– Спасибо! Я много раз говорил о том, что моя судьба в России была решена буквально в течение первых десяти минут! Я тогда впервые приехал в Россию, в Санкт-Петербург. Кто-то может сказать, что Петербург – это не совсем Россия. Но если это не Россия, то что? Конечно, Санкт-Петербург – это Россия! Да, это особенная часть России, это бывшая ее столица. И меня тогда охватило совершенно неожиданное для меня

ощущение, что мне уютно, что мне нравится все вокруг! Конечно, все взрослые люди помнят ситуацию в России двадцать лет назад. Ее невозможно сопоставить с сегодняшней ситуацией. Тем не менее еще тогда я принял решение: я буду жить в России. Хотя, собственно, еще сам не знал, каким образом. Через два года это случилось: я переехал в Россию и начал жить здесь постоянно. Конечно, я встречал дружное сопротивление. Мне говорили: ты сошел с ума! Как итальянец может жить в России?

– То есть сопротивление со стороны россиян, а не родственников?

– Родственники поддерживали! Папа вообще был очень счастлив, поскольку он всегда любил Россию, в том числе и Советский Союз. И я сказал: вы знаете, это странно, услышать такие слова от вас – людей, которые родились здесь и должны любить свою страну. Я успел пожить во многих странах, и вы думаете, что я совсем сумасшедший, который видит все вокруг, воспринимает мир какой он есть и, несмотря на все это, решил жить здесь, чтобы ему было плохо? Это даже нелогично для человека – желать для себя жить хуже, чем раньше. Это невозможно! Я считаю, что я совершенно нормальный человек. Ну, может быть, только слегка сумасшедший, как все музыканты.

– Почему вы не испугались?

– Потому что мне нравилось то, что я видел. Подошло. Вы знаете, есть такое понятие – подойдет или не подойдет. Почему мы не можем дружить со всеми людьми в мире? Потому что есть люди, которые подходят нам, и люди, которые никак не могут подойти. А Россия подошла мне очень хорошо. И мне было приятно. Поэтому я захотел стать ее гражданином. Это было мое решение. Никто меня не просил, никто мне не советовал. Нет, все, что я делал и чего достиг в России, было сделано и достигнуто мною лично.

– Из благополучной атмосферы вы попадаете в экономически неблагоприятную среду. Я не говорю о людях, которые с вами были в прямом контакте, они могли быть вам симпатичны. И условия работы, может быть, подходили. Но вы же видели, что в те годы в магазинах, допустим, выбор был скучный, вы видели бытовые проблемы... Вы же могли сравнивать...

– Именно это я и хотел сказать: человек все время сопоставляет, все время сравнивает. Я понял, что, во-первых, это – не навсегда и все изменится к лучшему. И вот именно так я действовал и действую до сих пор. Я живу здесь давно, у меня целый ряд должностей – государственных и негосударственных, вся моя жизнь – здесь. Можно

сказать, что я живу в России большую часть года, правда, не в одном городе. Ведь я очень много путешествую по работе. Это действительно моя русская жизнь.

– А что такое, по-вашему, «быть русским»?

– Мне кажется, на интуитивном уровне я понял это сразу, а сформулировать смог только со временем. Россия для меня – та самая страна, которой, наверное, хотела быть Америка, но у нее не получилось.

– Вот как? Что вы имеете в виду?

– На мой взгляд, американцы не чувствуют себя единой нацией. А в России все говорят: «я – русский». Почему так случилось? Потому что люди чувствуют принадлежность к стране. И, в принципе, здесь гораздо больше разнообразных народов, которые исторически живут вместе, – разные провинции, разные республики и так

далее. И тем не менее все – русские. Например, я руковожу симфоническим оркестром в Якутске и шучу, что у меня такое ощущение, будто я гастролирую в Японии или в Китае. Но они считают себя русскими. Конечно, они гордятся своими традициями, языком, что правильно. Но они в том числе чувствуют себя русскими. Так же как и я.

Естественно, я не говорю, что Италия – плохое место, поэтому я оттуда уехал. Нет, Италия до сих пор, возможно, самая красивая страна в мире, хотя, с другой стороны, самая неорганизованная. А я этого очень не люблю. Не могу жить неорганизованно. Да, многие говорят, что и в России беспорядок, но все познается в сравнении, а, сравнивая, я этого не вижу. Конечно, везде есть проблемы. А где их нет? Но мне кажется, то, что сделано в России, чтобы решить эти проблемы, значительно больше, чем сделано где-либо еще. Вот поэтому мне здесь удобно, уютно, поэтому

я понимаю, что, скорее всего, закончу свой жизненный путь в России.

– *Живите долго и счастливо.*

– Ну, естественно! Я себе желаю жить долго.

– *Можно ли сказать, что вы – «дитя глобализации»?*

– С музыкальной точки зрения – конечно. Когда я родился, папе было 53 года. Как мне сейчас. Жить 53-летним человеком сегодня и 53-летним в середине XX века – это весьма разные истории. Папа родился в 1914 году – тогда мир был совсем другим. Почему я это подчеркиваю? Со временем я понял, что мне сильно повезло, поскольку папа был очень прогрессивный человек, который, несмотря на существенную разницу в возрасте, всегда смотрел на меня как на человека, у которого он обнаружил настоящий музыкальный талант. Тогда он стал принимать за меня какие-

то решения, можно сказать, чуть-чуть форсировал, но я пока до сих пор не видел детей, которые точно знают, что им надо. Поскольку папа очень сильно меня любил, конечно, я понимаю, что он хотел для меня только лучшего. И он принял решения, которые впоследствии мне помогли в жизни. То, что я имею сегодня опыт учебы и работы в разных странах, – это благодаря тому, что он всегда поддерживал меня и, можно сказать, спровоцировал понимание необходимости обретения такого опыта. Поэтому я, может быть, опережал какие-то тенденции в своем деле, которые появлялись чуть-чуть позже.

Глобализация сегодня у нас имеет какую-то негативную окраску. Мне кажется, глобализация должна быть хороша уже потому, что дает возможности приобрести разный опыт и разные связи. Но во всем есть и положительное, и отрицательное. Для меня это в большей степени, конечно, положительное явление.

— Глобализацию сначала все восприняли как гуманистический прогресс, но спустя лет десять люди стали понимать, что они теряют идентичность — и национальную, и историческую, и государственную, и личностную. Все границы стираются. Люди теряют самих себя, потому что «надо быть как все»...

— Я думаю, люди все-таки боятся потерять самих себя. Но то, что вложено в человека, мне кажется, потерять невозможно. И вот почему я говорил, что Россия — та страна, которой хотела бы быть Америка! У нас эти два процесса идут параллельно. То есть сохраняется индивидуальность разных народов, и одновременно есть объединение. Страна называется «Россия», но мы понимаем, что в ней есть совершенно разные люди, разные народы. У нас этот процесс, можно сказать, прошел успешно. А в Европе есть некоторые проблемы, и многие из этих проблем — исторические. Почему до сих пор Англия, Шотландия и Ирландия не могут решить свои вопросы? Потому что они сделали друг другу много плохого, и, естественно, эти раны не зажили. Не говорю, что в России все идеально. Многие знают, что я большой поклонник нашего президента. Больше всего в нем мне нравится постоянный поиск диалога, он всегда ищет способ через общение решить проблему. Мне кажется, это и есть знак успешности России. Поскольку проблемы, которые случились до нас и до наших родителей — это те исторические проблемы, которые, если ты не говоришь о них, сами не уйдут. Надо как-то понять друг друга, поговорить друг с другом, может, даже извиниться, но переворачивать страницу только после того, как ты понял, о чем идет речь. А как делают, когда надо быстро убраться в доме? Прячут пыль под ковер. Так она, конечно, никуда не денется, она там, под ковром. Ее не видно, но она там.

— *И ты об этом знаешь.*

— И ты знаешь! И если кто обнаружит, возможно, обидится. Мне кажется, до сих пор и в Европе, и в Америке есть такие проблемы. Почти никто не говорит о том, что США сами себе задали задачу: научить весь мир тому, что такое демократия. Но при этом они живут в стране, которую они, скажем так, укради, если смотреть на договоры, подписанные между американскими индейцами и теми людьми, которые пришли на их земли и не были вообще-то американцами — они были англичанами, французами, итальянцами, голландцами, может быть, и русскими... А где индейцы живут сейчас? В резервациях. Мне кажется, это не совсем демократично. Я честно говорю о том, что есть. Эти проблемы так и не были пересмотрены. Возможно, в те времена люди так и действовали, но потом мы же поняли, что это неправильно. И до сих пор я не

вижу, что со стороны американского государства сделаны какие-либо шаги, чтобы ситуация была урегулирована. Как-то не сильно мешает им это, видимо, и все продолжается. Я помню, когда я был мальчиком, в 70-х годах, была большая революция. Индейцы начали и дороги блокировать, и митинги устраивать, потому что им было неудобно так жить.

— *Америка — иммиграционная страна, по сути. И вы — иммигрант. Наверное, все-таки понимаете изнутри эту психологию: как нужно адаптироваться, какие бывают ошибки...*

— Ну да, конечно. Но можно сказать, что все-таки я — этакий VIP-иммигрант, ибо тренд «итальянцы в России» был и до меня. Не я первый, кто создал эту VIP-иммиграцию. Кваренги, Росси, Трезини и так далее.

— *И ходите, наверное, по Петербургу, отмечая: «Так, это — наше»...*

— Конечно! И любуюсь... Понимаете, настолько мне приятно, когда кто-то говорит: Мастранджело продолжает традиции итальянских композиторов, которые жили в России. В принципе, да, продолжаю. Хотя я — не композитор, а дирижер, пианист, я интерпретирую то, что писали композиторы. Но приятно, что в некотором смысле я продолжаю то, что началось при Екатерине II и даже ранее.

Но все-таки это иммиграция. Да, чуть-чуть иная, но иммиграция. Это не то, чтобы я взял какие-то вещи, положил в чемодан, сел на корабль и через двадцать дней оказался в Америке. Конечно, моя иммиграция совсем другого уровня. И, может быть, в этом смысле мне сильно повезло, потому что между Россией и Италией существуют удивительная связь и симпатия! На протяжении всей истории итальянцев здесь очень хорошо принимали, они хорошо жили, занимали высокие должности. Я понимаю, мне сильно повезло, но это не было запланировано. Я не знал, что и как было раньше, совсем не был в курсе! Поэтому не могу сказать, что изначально рассчитывал на благополучие. Все было по-честному. Но, конечно, признаюсь в том, что случайно мне повезло, и слава богу.

— *Это чистое везение? А преодоление какое-то, сложности психологического характера были?*

— Не особенно. Единственное, что до сих пор меня не очень радует, — это стиль вождения в России. Хотя он везде, конечно, испортился. Но у нас бывают очень неграмотные водители! Знаете, я всегда говорю: нарушать правила — это человеческая природа. Но можно нарушать так, чтобы никому не мешать, или нарушать и мешать всем вокруг. И почему-то в России многие нарушают так, чтобы всем вокруг было плохо! ☺

ГОЛЛАНДСКУЮ ДУШУ НА ПОЛОЧКУ НЕ ПОСТАВИШЬ

Фото: Женя Назаркина

БЕСЕДОВАЛА
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ДЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И БИБЛИОТЕРАПЕВТ НИКОЛАЙ НАЗАРКИН ЖИВЕТ В ГОЛЛАНДИИ,
А РАБОТАЕТ В РОССИИ: ЗДЕСЬ ИЗДАЮТСЯ ЕГО КНИГИ, ОН КОНСУЛЬТИРУЕТ
РОССИЙСКИЕ СЕМЬИ, ГДЕ РАСТУТ ДЕТИ С РЕДКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ.
ОН И САМ – НЕ ПРОСТО РЕДКИЙ, А ЕДИНСТВЕННЫЙ ТАКОЙ: О «СИНДРОМЕ НАЗАРКИНА»
ГОЛЛАНДСКИЕ МЕДИКИ ПИШУТ ДИССЕРТАЦИИ.

—

Н

ИКОЛАЙ, КАК ВАС ЗАНЕСЛО в Голландию?

— По любви. Нет, серьезно.

Я работал программистом и веб-мастером и однажды стал модератором форума Всероссийского общества гемофилии. И начал наводить там порядок. Как и на любом форуме конца 90-х, там было много нытья, бардака, ругани. Мне это надоело, я предложил поговорить о книжках. И мы завели разговор о книжках, в том числе о Толкине. В разговоре принимала участие одна девушка. Я часто не мог понять ее реплики: мне казалось, она издевается или под кайфом приходит, я даже хотел ее забанить. А потом вдруг выяснилось, что она — иностранка и русский для нее неродной. Мы поговорили, потом общение как-то вышло за рамки форума, потом она приехала ко мне в гости. По-дружески, у меня тогда была своя девушка.

Это был 1998 год, дефолт, денег кот наплакал, зарплату последнюю не отдали. Я занял у друзей, но показал ей Москву. Съездили в Коломенское, еще куда-то. Ей очень понравилось. Мы постепенно стали переписываться. А в 2001-м поженились. Сначала мы жили в России: у меня была нормальная работа, у нее тоже. Она медсестра, устроилась в детскую больницу. Годик проработала, потом сказала: «Коля, извини, пожалуйста, но тут медсестры получают совсем другие деньги. Я все-таки привыкла нормально жить. А ты ведь можешь и удаленно работать?» А у меня тогда параллельно была работа в Российской государственной детской библиотеке. Я сказал, что могу, но все бросать мне не хочется. Она сказала: «Ну, ты будешь приезжать сюда. А я, если не вернусь обратно, потеряю квалификацию». И мы уехали в Голландию. Сначала мне там жутко не понравилось, но потом я привык.

— Откуда же обычная голландская медсестра пришла на специализированный русский форум по гемофилии с русским языком?

— А у нее был приятель, у которого тоже была гемофилия, как и у меня. И она решила посмотреть, чем живут в России гемофилики. А русский язык выучила заодно. Она любит учить языки. За то время, что мы вместе, она уже выучила тибетский, а сейчас занимается уэльским...

— Валлийским.

— Ну да, валлийским, спасибо.

— А что она потом делает с этими языками?

— В общем-то ничего. В том и проблема, что она много знает, много умеет, но не умеет на этом деньги зарабатывать. Все это время она работала медсестрой, сейчас ей надоело, она говорит: я по природе интроверт, мне трудно постоянно быть с людьми. А языки учит только для себя.

— А детской литературой вы тоже не собирались заниматься?

— Я хотел стать инженером-металлургом. И пошел учиться в металлургический. Но после первого года понял, что здоровье не позволит мне пройти практику и работать по специальности. Дальше был выбор между историко-архивным и Университетом культуры. И я выбрал университет культуры только потому, что туда проще было ездить. Отучился на библиотекаря детских и юношеских библиотек на заочном — никуда иначе мне здоровье не позволяло тогда.

В университете я учился в одной группе с Алексеем Копейкиным, который тогда уже работал в отделе рекомендательной библиографии РГДБ, он привлек меня к работе, мы вместе придумали, как делать сайт «Библиогид» — и я горжусь, что придумал, что надо дать людям возможность оставлять там отзывы. Это был конец 90-х, мы еще учились.

Уже тогда я работал как библиотерапевт во Всероссийском обществе гемофилии и делал там информационное издание: у нас были газета «Геминформ» и детский журнал. А когда это совместилось с РГДБ, я решил, что мне вообще гораздо интереснее детская литература. Тогда не думал, что я стану писателем: я себя тогда видел немножко журналистом, немножко редактором, но в основном — программистом и веб-мастером. Сейчас я уже не работаю программистом и веб-мастером, отстал, совсем не знаю новых технологий — да и не очень хочу. Сейчас я в основном пишу — художественные книжки и познавательные. Или художественно-познавательные.

— А деньги откуда берутся?

— Примерно 40 процентов от книжек и 60 процентов от библиотерапии: я до сих пор веду вебинары и провожу консультации для России. Это уже не только с Обществом гемофилии: в гемофилии, как ни удивительно, сейчас уже настолько все хорошо, что даже библиотерапия не особенно нужна, к счастью. Сейчас есть нормальные лекарства, и, если человек не упадет с мотоцикла или третьего этажа, он ничем не отличается от здоровых. Так что я в основном работаю с семьями пациентов одной детской больницы: консультирую по скайпу родителей детей с редкими (орфанными) заболеваниями.

— В чем заключается помощь родителям?

— Советую им, как легче поступить, как снять стресс. Их проблемы связаны не только с заболеванием, у них много стрессов, связанных со школой, с учебой, с социализацией... Я часто опираюсь на книжный опыт и советую, что почитать хорошего. Для них важно просто увидеть и услышать, что вот у меня четыре протеза — колени и голеностоп, — но на самом деле все отлично, я скоро пойду на кораблике плавать, я сам зарабатываю, и у меня сын прекрасный растет... Самое главное, наверное, психологическая помощь: они видят — ну, господи, все переживаемо.

– А сын ваши себя чувствует, скорее, голландцем или, скорее, русским?

– Он родился в Голландии и чувствует себя голландцем. Но очень гордится, что у него есть русские корни, поэтому любит, например, мем с советским гимном и российский флаг всегда таскает.

– По-русски он читает?

– Он вообще не очень читает. Он очень математический мальчик, очень любит всякие вычисления, точные факты. Ему художественная литература неинтересна. Но вот, правда, про динозавров он прочитал роман Майкла Крайтона, потому что ему фильм нравится. Он сказал, что там, конечно, много ошибок в биологии или в генетике, но это можно простить, потому что роман был написан еще до нашей эры – то есть до нашего века.

– Какова она – загадочная голландская душа?

– Голландцы вообще как нация состоялись из двух различных источников. Когда Нидерланды возникли, сначала восстала северная Голландия – очень бедная, фермерская, рыбачья, китобойная, очень свободолюбивая и не хотевшая никаких компромиссов. А потом к ней присоединилась часть восставших из богатых регионов вроде Антверпена и Брюгге – они принесли с собой деньги, культуру, умение строить большие города, большие корабли, большие дома; они принесли французский язык как язык культуры – а голландский остался как бы языком деревенщины. И из этих двух не очень похожих кусочков сложились Нидерланды. И когда смотришь на голландскую душу – ну, если вообще есть такая голландская душа, – до сих пор можно вот эти отдельные кусочки увидеть. У кого-то больше фермерского, крестьянского миропонимания – это называется «бурхерстанд». Другие более открыты миру, но, с другой стороны, совершенно не ценят того, что происходит в собственной стране, считают, что весь мир – это дом. Вот такая у нас странная страна: с одной стороны, она дала огромное количество колоний, а с другой – очень малое число эмигрантов послала в другие страны по сравнению с соседями.

– Почему же из Голландии не бежали?

– Вероятно, особых причин не было. Там не было такой особой бедности, как в Германии, не было резкого деления на тех, у кого есть земля, и тех, у кого нет: вся земля принадлежала фермерам. А уезжали из Голландии довольно образованные люди, которые устраивались в Нью-Йорке, в Бостоне и в других городах. И колонии голландцы основывали по всему миру чисто торговые. Никаких особых завоеваний, только торговля. Бедные были не ужасающе бедны, богатые вели свой бизнес, ничего особенного.

– Голландия сейчас чувствует себя частью большего пространства – Европы, мира – или, скорее, замкнутой в себе национальной страной?

– Некоторые партии у нас очень пытаются разыграть карту, что мы не Европа, а отдельная страна. Но у них не очень получается: мы не чувствуем себя ни Европой, ни отдельной страной. Голландия как была перевалочным пунктом Европы, так и осталась. Роттердам как был крупнейшим портом Европы начиная с тысяча шестьсот затерпого года, так он им и остается. Голландские купцы как торговали новгородским хлебом, шведской железной рудой, немецким углем и французским дубом, так они и торгуют, собственно, сейчас, только немецкими машинами, не знаю, российской нефтью... Хотя есть общая идея Брекзита, есть идея, что Европейский союз должен повторить судьбу Советского Союза, и под этим флагом некоторые партии действуют очень активно. Но у них не очень получается. Как Голландия может выжить вне пространства Европы, кто же с ней торговаться тогда будет? Нет, она сможет обеспечить себя картошкой и помидорами, это без проблем. Но сейчас все-таки XXI век, а не XII.

– У всякой детской литературы, наверное, есть свое лицо. Есть, скажем, скандинавская детская литература, есть русская детская литература. А какова голландская детская литература?

– Она не похожа ни на скандинавскую, ни на немецкую, ни на английскую. Она очень замкнута на себя. Почему так получилось? В Голландии очень мало развит перевод. Английский там изучают буквально с начальной школы, и Голландия, по сути, двуязычна. И все книги для подростков старше 12 лет с английского не переводятся – только для самых маленьких. Поэтому голландская детская литература испытывает очень жесткую конкуренцию со стороны английской и вообще мировой литературы. В Голландию попадает, к примеру, очень много немецких книг в английских переводах, шведской литературы в английских переводах... Поэтому писать то же самое, о чем модно писать в мире, только ты это уже прочитал, а твои читатели еще нет, – в Голландии такое невозможно. И голландским авторам для выживания нужно быть оригинальными. С другой стороны, голландским автором быть очень выгодно: правительство уделяет литературе большое внимание. Если тебе удалось засветиться, допустим, на Неделе детской книги, идею которой голландцы заимствовали у Советского Союза – они это всегда подчеркивают... На этой Неделе выбирают 15–20 человек, и, если ты попал в их число, ты на год получаешь хорошую зарплату и можешь писать дальше. К тому же идут приличные гонорары.

– То есть соблазн стать голландским писателем довольно велик?

– Соблазн был, но, к сожалению, я не такой полиглот, как моя жена. Мой голландский хорош для перевода на русский, но не наоборот.

НИКОЛАЙ НАЗАРКИН

– А семейный подряд?

– Эмма уже перевела книжку «Тюльпан. Цветок султанов и мельников» на голландский, и мы хотим послать ее в издательство. Но Эмма, вообще, не очень понимает работу писателя и переводчика, она этому не училась. Хотя несколько рассказов из моей первой книжки, «Изумрудная рыбка», она перевела для голландской детской больницы, и они там произвели очень хорошее впечатление. Вплоть до того, что курирующая меня медсестра – мой куратор по гемофилии – зачитала их на общеголландской конференции, их поместили в сборник. В общем, хорошо получилось.

– Чем голландская детская литература отличается от русской?

– Автор гораздо меньше зависит от издателя. Это не система закупок, когда издатель, как богатый купец, приезжает в далекое село и одаривает с барского плеча предложением: мол, давай мы все твое зерно за пять копеек купим, а иначе оно так тут и стгинет. Это уже рынок, где авторы выставляют свои произведения. Есть несколько известных премий – это «Золотой грифель» и «Серебряный грифель» для писателей, а для

художников – «Золотая кисточка» и «Серебряная». Есть «Большая детская книга» и еще парочка детских премий, и основной поток детской литературы идет через эти премии.

– То есть на маленькую Голландию не менее пяти детских премий.

– Да-да. Премии очень раскручены. У «Золотого» и «Серебряного грифеля» два жюри: взрослое и детское. Обязательный выбор детского жюри отмечается. Там очень много лауреатов.

Но помимо премий есть еще несколько систем, куда авторы могут посыпать свои тексты. Эти системы работают со всеми издательствами. Агенты в этих системах работают с первой книжкой автора бесплатно, просто чтобы «поймать» хорошего писателя, а для следующих – уже по договору ищут издательство. Обычно, если тема какая-то социально значимая – о мигрантах, об инвалидах, о толерантности, правительство раздает гранты, а издатель за этими грантами очень охотится. Тут есть и минусы, потому что выходит немало средних или даже плохих текстов, зато очень социально значимых. Но так всегда было, и не только в Голландии.

– У вас сейчас вышли две книжки о Голландии – «Три майские битвы на золотом поле» и «Тюльпаны». А что еще?

– Пока ничего. Когда-то я написал сборник таких небольших «рассказок» про Голландию, но он уже устарел: много неточных сведений, надо переписывать. Но я не могу разорваться на тысячу маленьких Назаркиных, и приходится выбирать что-то одно. А мне сейчас нравится формат коротких книжечек, которые делает издательство «Настя и Никита», поэтому я сейчас пишу сразу несколько таких текстов именно для него: про необитаемые острова, про корабли царя Петра. Еще я очень хочу сделать книжку про зимние праздники в разных странах.

– Знают ли сейчас за рубежом русскую детскую литературу?

– В Голландии она сейчас перешла в раздел экзотики. Раньше русская проза была известна – и не только Достоевский и Толстой, но даже Гайдар, Каверин или Носов. Сейчас Россия где-то на уровне Камеруна, Малайзии и чего-нибудь вот такого. Никто ничего о ней не знает, и не потому, что она плохая. Просто литература за рубежом делается не авторами – она делается издателями, промоутерами, она делается на выставках, а у нас с этим, по-моему, довольно плохо.

– Но ведь наша детская литература могла бы быть экспортным продуктом. Кстати, а что из нее могло бы быть востребовано на международном рынке?

– А как ни странно, довольно раскрученные вещи: детское фэнтези в исполнении, например, Эдуарда Веркина, книги Андрея Усачева, Артура Гиваргизова, Михаила Есеновского, Нины Дашевской, Марии Ботевой... Кстати, голландская детская литература тоже пытается попасть на международный рынок, ей одной Голландии мало: в Голландии приблизительно 25 миллионов человек, а всего голландскоязычных в мире около 50 миллионов. Поэтому ей очень хочется завоевать и Америку, и Англию. Так что вся голландская детская литература, которая идет на перевод и на международный рынок, спонсируется государством через Нидерландское бюро переводов. То есть сначала ее переводят за государственные деньги, а уже потом издателя начинают искать.

– А каков принцип отбора для внешнего рынка? Лучшее, что есть, или востребованное на рынке?

– У голландцев для внешнего рынка есть довольно специфический образ: голландская литература – это о подростковых проблемах. Это чем-то похоже на скандинавскую литературу, и проблемы довольно прямолинейные: подростковый секс, наркотики, проблемы в школе, буллинг... Голландцы пишут про это много, не всегда, конечно, хорошо, но довольно пристойная школа у них есть.

– А кстати, у нас в России что могло бы стать таким особым образом, своей «фишечкой»?

– Вообще, хороший вопрос, что бы в России могло бы стать такой «фишечкой».

– Я понимаю, что спрашиваю о смысле жизни и всего остального, и мне можно ответить просто «сорок два» (в книге Дугласа Адамса «Путеводитель для путешествующих автостопом по галактике» суперкомпьютер 7 с половиной миллионов лет искал ответ на «главный вопрос жизни, Вселенной и всего такого» – и ответил на него «42». – Прим. авт.)...

– Да, и всего остального. Я как раз пытаюсь понять, что бы в России могло стать такой «фишечкой». Главное – это что в большинстве наших книг нет одной проблемы. Их нельзя поставить на конкретную полку – «травля», «наркотики», «проблемы с отчимом». У всех хороших детских писателей все книжки многослойные. Нельзя сказать, что книжка Нины Дашевской «Скрипка неизвестного мастера» – детектив о поиске скрипки старого мастера, и нельзя сказать, что она просто школьная повесть о дружбе двух друзей.

– И нельзя сказать, что ее «День числа Pi» – это книга о музыке, или о математике, или о синдроме Аспергера.

– Да. Наши книжки – многослойные. Собственно, за это и классику-то нашу так уважают. Нельзя сказать, что Достоевский – это чистый детектив. Хотя он, в принципе, детектив. Так что, по-моему, многослойность и могла бы оказаться такой «фишечкой». Но, с другой стороны, это может повредить позиционированию: книги не попадают в конкретные категории. Но зачем им попадать? Русская литература всегда была специфической.

– Да. И смысл жизни, Вселенной и всего остального.

– Да-да. Как раз о смысле жизни и всего остального. Даже если мы возьмем хорошее фэнтези – ну, скажем, «Звездолет с перебитым крылом» Веркина, – это тоже не вполне фэнтези.

– Скучаете по России?

– Мучит ли ностальгия по соленым огурчикам? Я никогда и не терял соленых огурчиков, и с россиянами общалась столько же, сколько и с голландцами. Кстати, они друг с другом очень похожи.

– Чем?

– Многослойностью. Никогда не скажешь по человеку, не сразу поймешь, кто он, с кем имеешь дело. Как русскую книжку – не поймешь, на какую полочку поставить. А еще – у него всегда такое снисходительное отношение к попыткам навязать ему плохие простые решения. Может быть, это сохранялось с тех пор, когда голландцы сильно обижали соседи. Но вот как-то лучше жить всегда своим умом – таким немножко закостенелым, может быть, но своим. ☺

ТРИУМФ В МОСКВЕ

автор

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ КОЛЛЕКЦИЯМИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИВОПИСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ГМИИ ИМ. ПУШКИНА И ЭРМИТАЖ ОБЯЗАНЫ В ОСНОВНОМ ДВУМ РУССКИМ КОЛЛЕКЦИОНЕРАМ – СЕРГЕЮ ЩУКИНУ И ИВАНУ МОРОЗОВУ, ПОДБИРАВШИМ КАРТИНЫ ДЛЯ СВОИХ ГАЛЕРЕЙ В МОСКВЕ. ЧАСТНОЕ СОБИРАТЕЛЬСТВО В РОССИИ В НАЧАЛЕ МИНУВШЕГО СТОЛЕТИЯ ПЕРЕЖИВАЛО РАСЦВЕТ: ПРИМЕР ПОДАЛ ИЗВЕСТНЫЙ МЕЦЕНАТ ПАВЕЛ ТРЕТЬЯКОВ, В 1881 ГОДУ СОЗДАВШИЙ НА ОСНОВЕ СОБСТВЕННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ПЕРВЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ МУЗЕЙ ЖИВОПИСИ – ЗНАМЕНИТУЮ ТРЕТЬЯКОВСКУЮ ГАЛЕРЕЮ. В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ СОБИРАТЕЛЬСТВО КАРТИН ДЛЯ КРУПНЫХ БУРЖУА БЫЛО ПАТРИОТИЧЕСКОЙ МИССИЕЙ. «БОГАТСТВО ОБЯЗЫВАЕТ», – ГОВОРИЛИ ОНИ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ.

И

ЩУКИН, И МОРОЗОВ
сосредоточили свое
внимание на произ-

ведении художников, творивших тогда в Париже. Одной из самых заметных фигур в живописи того времени был Анри Матисс. Окончив Школу декоративных искусств в Париже, он стал одним из основателей группы, которую журналисты окрестили фовистами (от франц. *fauve* – хищный, дикий. – Прим. авт.). Духовными отцами движения были Ван Гог и Поль Гоген, от которых фовисты унаследовали упрощенную линию рисунка, плоскую перспективу и интенсивный цвет. Но наиболее талантливые участники движения – Поль Сезанн, Альбер Марке и Анри Матисс – оказались совершенно самостоятельными живописцами, каждый из которых создал свою художественную школу.

**РУССКИЙ, КОТОРЫЙ
ПЛАТИТ**

В 1905 году музей Атенеум в Гельсингфорсе (Хельсинки) отважился купить полотно Ван Гога – это была первая картина художника, оказавшаяся в музеиных стенах. Хранитель Национальной галереи в Берлине Гуго фон Чуди вынужден был по желанию германского кайзера в 1908 году уйти со своего поста, потому что собирал современную французскую живопись. В этом смысле русским купцам было проще: они ни от кого не зависели и собирали коллекции на свой вкус. Особенно педантичен и последователен был Иван Морозов, которому хотелось в своей домашней галерее на Пречистенке представить развитие новой французской живописи как своего рода пошаговую эволюцию. Сергей Щукин, напротив, рассматривал

развитие живописи как серию революционных прорывов, совершаемых гениями-одиночками. Его любимцем был Поль Гоген – гениальный художник, закончивший свою жизнь в нищете на островах Французской Полинезии. Импрессионистов Сергей Иванович тоже собирал, но эта тема была уже в некотором смысле традиционна, поэтому он «закрыл» ее, приобретя в одной из парижских галерей культовый «Завтрак на траве» Клода Моне. И устремился на поиски еще не открытых дарований. В тот момент Щукину было около пятидесяти; он был вегетарианцем и личностью исключительно сдержанной. Четыре месяца в году он проводил в Европе, присматриваясь к новым явлениям в живописи. С Матиссом Щукин впервые встретился в 1906 году в его мастерской на набережной Сен-

Зал Гогена
в доме
С.И. Щукина.
Картина
А. Матисса
«Разговор».
Фото 1913 года

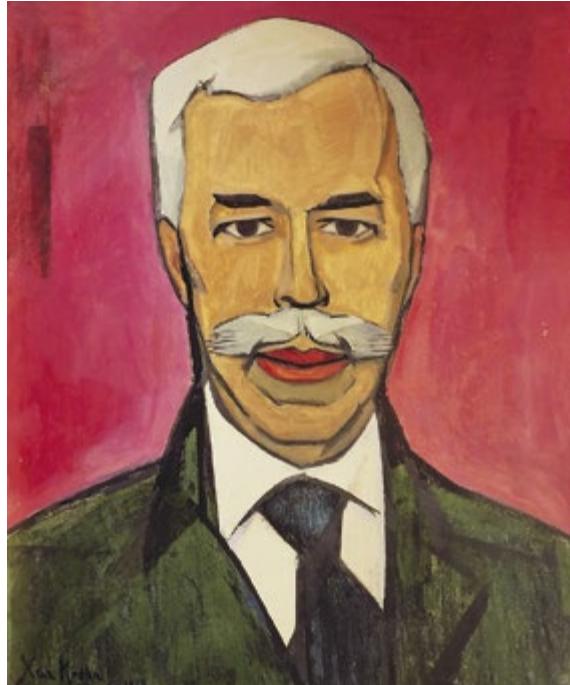
ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Абрамович Морозов (1871–1921)

Мишель, 19. В то время Матисс был уже довольно известным художником. Поэт Гийом Аполлинер называл его «дичайшим из диких». Не знаю, кого надеялся обнаружить под таким определением Сергей Иванович, но дверь ему открыл человек с интеллигентной, почти профессорской внешностью, с бородкой, в очках. У Матисса ему приглянулся один натюрморт, и Щукин заявил о готовности приобрести его, если художник разрешит ему забрать работу и подумать над ней. Это была манера Щукина, которого интересовало новое искусство «с элементом риска»: чтобы не ошибиться, он ощущал потребность «скнуться» с картиной. Видимо, на этот раз внутренний голос сказал ему, что ошибки нет. Так первая картина Матисса – натюрморт «Посуда на столе» – оказалась в собрании Щукина. Заметим, что Щукин, производитель и импортер текстиля, лично руководил созданием новых рисунков и расцветок тканей, целый штат художников его мануфактуры работал над этим. Что не могло не выработать у него профессионального отношения к колориту, рисунку, декоративности. Он сразу оценил неповторимый колорит Матисса. За одиннадцать лет Щукин приобрел у художника 37 полотен, сделавшись самым страстным его поклонником. И если бы не эта счастливая встреча – кто знает, как бы сложилась жизнь Матисса. И даже более того: смог бы Матисс стать художником с мировым именем и написать самые смелые свои работы, которые были выполнены по специальному заказу Щукина для его особняка в Большом Знаменском переулке?

Решающим в отношениях Щукина с Матиссом стал 1908 год. К этому времени и художник, и его русский покупатель оказались на распутье. Щукина чуть не выбила из седла цепь страшных потрясений в семье: покончил жизнь самоубийством его младший сын, умерла жена, в Париже застрелился его младший брат. Такие утраты

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Христиан Крон.
Портрет
С.И. Щукина.
1915 год

Особняк
С.И. Щукина
в Большом
Знаменском
переулке.
1913 год

сломили бы любого, но Щукин был человек железной, староверской закалки и не отрекся от своей миссии коллекционера. В 1908 году он приехал в Париж и нашел Матисса с семейством в пустующем монастыре Сакре-Кёр, где тому удалось устроить себе сносное жилье и большую мастерскую, но жили они бедно, заказов было мало. В мастерской Щукин увидел большую картину «Купальщицы с черепахой» и был не просто впечатлен, а буквально потрясен. И доведен почти до отчаяния тем, что картина уже заказана другим покупателем. Он почувствовал в Матиссе «своего» художника, картины которого разговаривали с ним с подкупющей доверительностью. Щукин бросается к продавцам картин и начинает скопить всего Матисса, которого

только может найти в Париже. Торговцы были поражены готовностью русского приобретать авангардную живопись по цене салонной. Потом – доверительный разговор с художником: он хочет что-то подобное «Купальщицам...», но не одну картину, а три... Отныне именно он хотел быть главным, а может быть, и единственным покупателем Матисса, ибо понял изобразительный язык художника, его свободу, широту диапазона и экспрессивную мощь. Матисс, в свою очередь, получил наконец деньги и долгожданный заказ.

Приехав в Париж в январе 1909 года, Щукин заказал Матиссу уже шесть картин. Матисс рассказывал, что в какой-то момент стал бояться визитов русского, который удивительно верно и безошибочно выбирал самые новаторские картины и уносил их «еще до того, как на них высыхала краска». Причем если Щукину нравилась работа, отговаривать его тем, что она не удалась, было бесполезно. «Тогда я возьму неудачную», – говорил он в таких случаях.

Вскоре Сергей Иванович пригласил Матисса на обед в ресторан Larue и выложил пожелания насчет оформления лестницы своего московского особняка двумя огромными декоративными панно. Вдвоем, словно заговорщики, они разрабатывали план будущих панно в синих, розовых и зеленых тонах, на которых должны были танцевать нимфы и играть на свирели фавны. Отсюда, из ресторана Larue, вышли мatisсовские «Танец» и «Музыка».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПАРИЖСКИЙ ПРОВАЛ

В 1910 году Матисс решил выставить панно, которые он написал для Щукина, на Осеннем салоне художников. Он шел на этот рискованный шаг намеренно. Последние его самостоятельные поиски, сблизившие его со Щукиным, неожиданно оказались на его отношениях с парижскими художниками. «Весь мир отвернулся от него, — говорила Лидия Делекторская, с которой художник в последние годы жизни был, наверное, откровеннее, чем с кем-либо другим. — Все столпились вокруг кубистов, Пикассо окружала целая свита...». Этот общественный бойкот проявлялся порой в весьма агрессивных формах. Как-то раз, зайдя в одно из артистических кафе на Монпарнасе, Матисс заметил Пикассо, сидевшего в окружении художников. Все они сделали вид, что не заметили Матисса, и ни один художник не ответил на его приветствие. Матисс затаился и стал ждать, что произойдет.

Произошел взрыв. Реакция на творчество Матисса во время Салона была убийственной. Перед панно собирались толпы негодующих, выкрикивавших оскорблений... Близкие друзья Матисса не знали, как реагировать. Рецензии в прессе были настолько отвратительными, что жена художника, Амели, прятала их от мужа. Матисс не стал долго терпеть этот скандал, через неделю после открытия Салона уехал из Парижа в Мюнхен, торопясь застать там выставку «Шедевры исламского искусства»... Тут-то,

Пабло Пикассо в своей мастерской.
Париж. 1909 год

наверное, и оценил он безумную художественную смелость своего русского патрона: «Потребовалось мужество и дерзость, чтобы написать эти панно, и не меньшее мужество, чтобы их купить». Поддержка Щукина, как материальная, так и моральная, сказывалась на всей жизни и работе художника. 27 тысяч франков за «Танец» и «Музыку» Матисс получил ровно в тот момент, когда правительство выставило на продажу монастырь Сакре-Кёр и его обитателям было предложено покинуть обитель. Матисс, благодаря гонорару, сумел арендовать большой трехэтажный особняк с садом в пригороде Парижа Исси-ле-Мулино. Щукин в очередной раз спас художника.

Анри Матисс
в своей
мастерской
в Исси-ле-Мулино
на фоне панно
«Танец».
1909 год

«ТАНЕЦ» И «МУЗЫКА»

Сам Сергей Иванович, разумеется, тоже приехал на Салон и не мог не заметить атмосферы скандала, которая окружала его подопечного. Нападки прессы на Матисса задевали и его. Он привык уже, что над его пристрастием к Матиссу откровенно и зло сплетничают в Москве, утверждая, что именно его извращенные вкусы довели до самоубийства его сына. От одной только мысли о том грандиозном скандале, который разразится в Москве, появись «Танец» и «Музыка» в экспозиции его особняка, становилось страшно. Он ставил на кон репутацию коллекционера.

И бунтарь Щукин дрогнул. Вместо «Танца» и «Музыки» он приобретает панно Пюви де Шаванна — художника, прославившегося своими изящно бледными, похожими на привидения фигурами.

Но каково было у Щукина на душе!

Через два дня, во время стоянки поезда в Варшаве, он отправляет Матиссу письмо, в котором уверяет, что от панно не отказывается и просит выслать картины по возможности быстрее. Из Москвы он пишет Матиссу: «Сударь, в дороге (два дня и

А. Матисс.
Музыка.
Декоративное
панно.
1910 год

две ночи) я долго размышлял... Нельзя уходить с поля боя, не попытавшись сражаться... Публика против вас, но будущее за вами».

И Шукин сражался!

Получив из Парижа панно, их новый владелец поначалу пришел в ужас – так же как и его друг, художник и коллекционер Илья Остроухов, помогавший распаковывать картины. Остроухов решил, что Шукин сошел с ума, когда, вместо того чтобы немедленно отправить картины назад, он стал оставаться один на один с «Танцем» и «Музой», часами их рассматривая и привыкая к ним. Иногда Шукин рыдал от отчаяния и ярости, но понимал, что должен подавить в себе отрицание «Танца» и «Музыки», чтобы суметь убедить в правоте Матисса всех остальных. В положительном исходе Шукин не сомневался и наметил план действий. Во-первых, срочно заказал Матиссу, бывшему тогда в Испании, два натюрморта, поскольку подобный жанр считался более простым для понимания. А во-вторых, начал демонстрировать панно «Танец» и «Музыка» московским интеллектуалам, журналистам и критикам, объясняя, что необходимо терпение, чтобы понять новую живопись. Вместо парижского провала Шукин готовил своему подопечному московский триумф. Разумеется, над Шукиным продолжали подсмеиваться, хотя наиболее продвинутые из его гостей уже начинали испытывать некое удовольствие от пикантности «Танца» и «Музыки». Кроме того, Матисс уже был однажды представлен русской публике как первоклассный художник журналом «Золотое руно» Н.П. Рябушинского (1909, №6), где о нем, конечно, не без влияния Шукина, была опубликована обстоятельная статья и напечатан его манифест «Заметки художника». В нем Матисс признавался, что во всех своих, даже самых странных, работах стремится к гармонии и покоя красок и линий.

Анри Матисс
с внуком
С.И. Шукина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МОСКОВСКИЙ ТРИУМФ

Едва Матисс вернулся из Испании, где сделал для Шукина несколько натюрмортов, как в Париж пожаловал сам Сергей Иванович, чтобы забрать художника в Москву. Приглашение было сделано давно, и обычно поводом к нему называют желание Шукина обсудить с художником развеску его картин в шукинском особняке, который с 1909 года был открыт для посещения. Добавляют, что Шукин хотел обсудить с художником идеи новых работ. Но этого недостаточно.

Илья Семенович
Остроухов
в своем кабинете

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Шукин хотел московского триумфа Матисса – и его работ, и его самого. Не меньше. Благодаря заметкам Остроухова жизнь Матисса в Москве известна нам по часам: «Суббота. В 11 утра я заезжаю к Вам, и мы едем в Новодевичий монастырь, оттуда, возможно, завтракать к Харитоненкам (М. хочет набросать вид Кремля, и у них есть несколько интересных икон). Воскресенье. Я заезжаю на автомобиле около 1–1½ к Вам, чтобы ехать на Рогожское кладбище, в Единоверческий монастырь. Вторник. В 3 часа я заезжаю к Вам, чтобы ехать на специально для нас устроенный концерт Синодальных певчих. В 12 ч. ночи Матисса жду к себе, чтобы ехать в «Летучую мышь», где его хотят видеть. Это на ближайшие дни, остальное увидим впоследствии».

Но, конечно, главным событием первого дня в Москве было предъявление художнику его панно, повешенных на лестнице особняка Шукина. Сергей Иванович владел так называемым «дворцом Трубецких», декорированным в XIX веке в стиле рококо, и представить в этой «шкатулке» современную живопись было в принципе непросто. Так вот, поднимаясь по ступеням лестницы, Шукин немного нервничал. Оказывается, он, не спросив разрешения, приказал закрасить у маленького флейтиста в «Музыке»

«признаки пола». Однако гость великодушно заметил, что это, в сущности, ничего не изменило. Что действительно его задело, так это то, как его картины были повешены. Висели они под сильным наклоном, да еще и под стеклами. Тут Матисс рассердился не на шутку и заявил, что подобное экспозиционное творчество способно убить не только его живопись, но даже и слона. Впрочем, на этом недоразумения закончились. На другой день друзья отправились смотреть собрание Морозова и ужинать у Остроухова. После трапезы Остроухов показал Матиссу кое-что из своей коллекции икон. Матисс был потрясен: «Только ради них стоило приехать в Москву из города, даже более отдаленного, чем Париж»...

От возбуждения он не мог уснуть всю ночь. Узнав об этом от Щукина, Остроухов, как попечитель Третьяковской галереи, пригласил французского гостя посмотреть залы с иконами. «Я десять лет потратил на искашение того, что ваши художники открыли еще в XIV веке. Не вам надо ездить учиться к нам, а нам надо учиться у вас», – любил потом пересказывать Щукин слова Матисса, сказанные им перед иконами в Третьяковской галерее, откуда Остроухов с огромным трудом увел его через два часа.

Щукин организовал Матиссу интервью с корреспондентом газеты «Время». Матисс рассказал об истоках своего творче-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ства, о цели своей работы и признался, что глубоко полюбил русские иконы. Это интервью задало тон всему визиту, и уже на следующее утро Матисс, как говорится, проснулся знаменитым. Всем хотелось видеть его, говорить с ним. В Опере Зими на театральная труппа устроила овацию в честь гостя, в Обществе свободной эстетики ему рукоплескали поэты и философы. О приезде французского живописца писали друг другу в письмах, записывали в дневниках. Даже тон прессы в основном был благожелательным. Артистический мир встретил Матисса в кабаре «Летучая мышь»

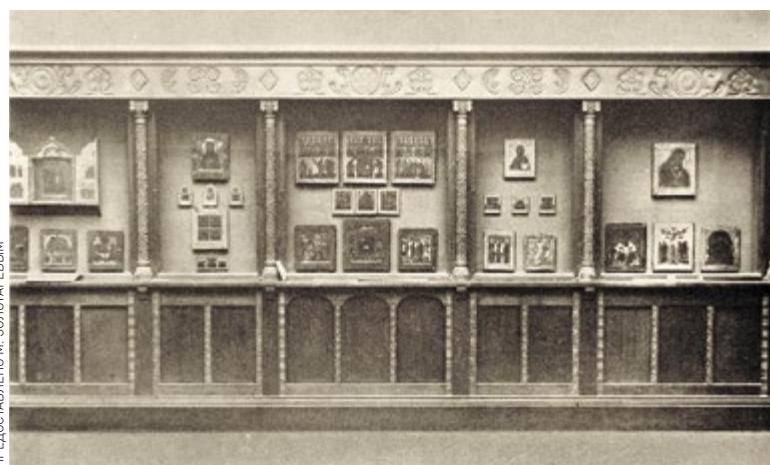
Сергей
Иванович
Щукин. Фото
А.Г. Смысловой,
воспитанницы
Щукина. 1910 год

Никиты Балиева. Завершилось чествование художника только на рассвете. Матисс был ошеломлен и тронут. Художник еще никогда не встречал организаторов масштаба Щукина и не видел ничего подобного той восторженности, с какой Щукин показывал посетителям свою коллекцию: «Пойдемте сюда, пойдемте! – воскликнул Щукин и побежал куда-то через комнаты... – Смотрите! Отсюда, из темноты, смотрите! Какие краски! Лестница освещена этим панно. Правда ведь?»

Отношения Щукина и Матисса становились настоящим творческим сотрудничеством. Не успел Матисс прийти в себя от приемов, как Щукин пригласил его сделать для него еще 11 работ. За каждую Щукин обещал заплатить по 6 тысяч франков, а выбор сюжетов предоставил Матиссу, который тут же набросал несколько идей на приколотом к стене большом листе бумаги... Этих денег Матиссу как раз хватило, чтобы выкупить дом, который арендовала его семья.

Но главное он обрел как художник. «По-настоящему я стал воспринимать искусство Востока довольно поздно, а византийскую живопись понял, лишь стоя перед иконами в Москве, – говорил Матисс позже. – Чувствуешь себя более подготовленным к дальнейшему пути, когда видишь, что твои усилия подкреплены традицией, и традицией древней. Это помогает преодолеть пропасть между старым и новым».

Визит Матисса был рассчитан на две недели, но растянулся на три. За это время он сумел разыскать сестер Ольги Меерсон (одной из прежних своих учениц, с которой его связывали дружеские отношения и которая во время поездки Матисса в Москву как раз жила в доме художника. – Прим. авт.) и навестить их. Одна, Софья Адель, была женой адвоката, другая, Раиса Сударская, – пианисткой. Сестры устроили Матиссу прием, на котором, без преувеличения, собрался весь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Третьяковская
галерея.
Собрание
древнерусской
живописи.
1904 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

цвет культурной Москвы. Среди приглашенных было много радикальных молодых художников, в том числе Михаил Ларионов, Наталья Гончарова и Давид Бурлюк. На следующий же день группа присутствовавших у мадам Адель гостей официально объявила о создании нового художественного объединения – «Бубновый валет». Если помните, оно подарило России таких крупных художников, как Михаил Ларионов, Петр Кончаловский, Аристарх Лентулов, Илья Mashков. Его участники давно экспериментировали в области современной живописи, и для них приезд Матисса стал своего рода точкой кристаллизации. Сергей Иванович Щукин был принят в общество почетным членом.

Прежде чем Матисс покинул Россию, Щукин успел устроить в своем доме на Знаменке его ретроспективную выставку. У Щукина тогда было 27 «Матиссов» – было из чего выбирать. В основном это были наиболее смелые и новаторские работы. Все картины были размещены в парадной гостиной и, собранные вместе, производили колоссальное впечатление. В том числе и на самого Матисса. Он наконец увидел, что создал за годы сотрудничества со Щукиным. Это была выставка Мастера. Она поразила почти всех, кто ее видел.

«Даже не знаешь в точности – что здесь чему «помогает»: комната Матиссу или Матисс – комнате, – пытался понять причину очарования гостиной искусствовед Яков Тугендхольд. – <...>

И. Mashkov.
Автопортрет
и портрет Петра
Кончаловского.
1910 год.
Картина
с первой
выставки
объединения
«Бубновый
валет»

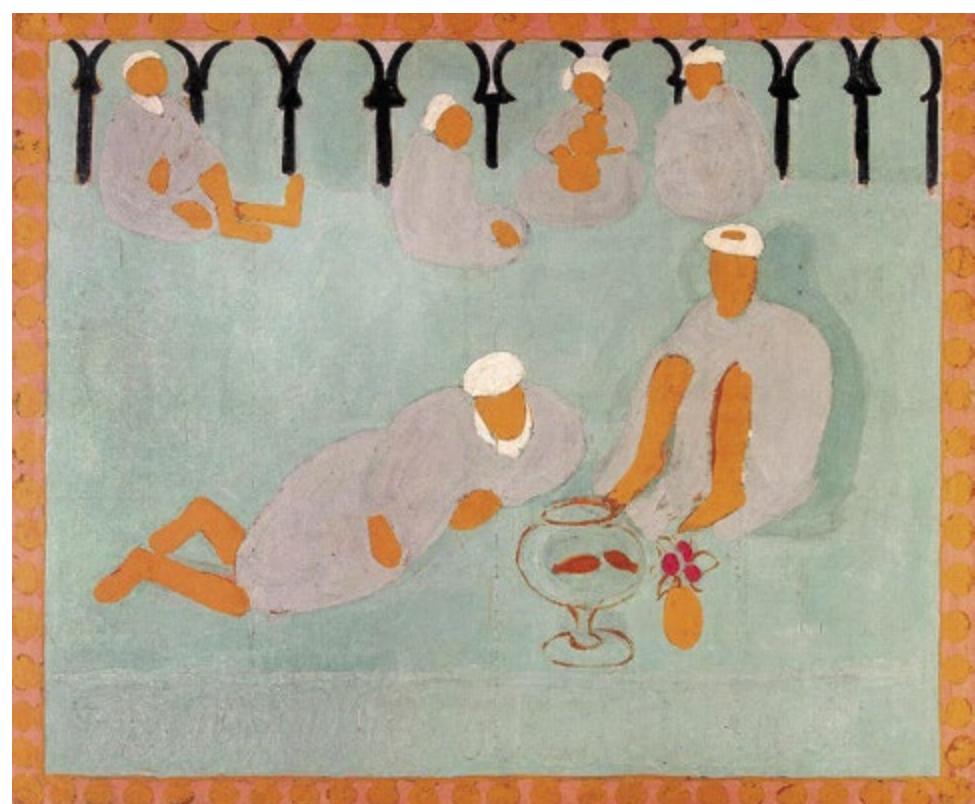
А. Матисс.
Арабская
кофейня.
1913 год

Зал Матисса (розовая гостиная)
в доме С.И. Щукина. 1913 год

В розовой гостиной Щукина, может быть, нельзя философствовать, но нельзя и отдаваться чеховским настроениям. Этот полнозвучный перезвон красок, несущийся со стен, эти диссонансы знойно-мажорных и холодно-глубоких, пурпурных и синих цветов – сгоняют апатию, обдают нежащим жаром, бодрым холодом, действуют как веселящий газ и, в общем итоге, дают ощущение жизненной

полноты. Здесь, не сходя с «кресла», путешествуешь по полюсам и тропикам чувства; здесь краска – чистая краска, отвлеченная от всякого сюжета, – становится фактором психофизиологической «услады»...». Позднее Щукин сравнивал «матиссовский зал» своей галереи с благоуханной оранжереей, «ароматной,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С.И. Щукин с дочерью Ириной и женой Надеждой Афанасьевной (справа).
1920 год

Прим. авт.) московская биржа закрыта банк пуст и почта отказывается переводить деньги во Францию надеюсь послать когда связь восстановится дружески Сергей Щукин».

Матисс не предполагал, что война лишит его русского патрона, а Щукин – что больше не купит у Матисса ни одной картины. Они не предполагали, что расстаются навсегда.

В 1917-м до художника дошли слухи из революционной России: его панно то ли сожжены, то ли искромсаны, а Сергей Щукин живет в своем особняке в комнате для прислуги. Это была неправда. Несмотря на революцию, Щукинская галерея продолжала принимать посетителей – с 11 утра до 2 часов дня. В августе 1918-го, не дождавшись трех месяцев до национализации собственного собрания, Сергей Иванович с семьей покинул Россию. Недолго пробыв в Германии, поселился в Ницце. А картинные галереи Щукина и Морозова были превращены в Первый и Второй музеи новой западной живописи. Судьба их была непроста, но это выходит за рамки нашей темы. Главное, что собрания, несмотря ни на что, были сохранены и сегодня являются достоянием ГМИИ им. Пушкина и Эрмитажа.

Матисс вновь увидел Щукина только зимой 1919 года в Ницце. Художник сам разыскал его, был рад встрече, звал навестить умирающего Ренуара, жившего по соседству. По легенде, он долго искал Сергея Ивановича в вагоне первого класса, а тот купил билет во второй. Матисс отказывался верить в превращение недавнего миллиардера в скромного эмигранта. Происшедшее в России художник представлял себе очень смутно, искал новых встреч... Однако ни о каком восстановлении прежних отношений речи идти не могло: Щукин распрощался с ролью «идеального патрона», которую с блеском исполнял столько лет. Он больше не собирал живопись... ■

а иногда и ядовитой, но всегда полной прекрасных орхидей». Не понравилась выставка только Илье Репину. Но когда Репин вместе со своей гражданской женой Натальей Северовой отправился в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, то с горечью убедился, что мнение большинства студентов училища о Матиссе – восторженное. «Я думаю, что требования у них огромные – они хотят полного освобождения от традиций, – сказал Репин. – Они ищут непосредственности, сверхформ, сверхкрасок. Они хотят гениальности...». «Нет, не то, – ответила Северова. – Они хотят революции. Каждый русский человек, кто бы он ни был, хочет опрокинуть и сорвать с себя что-то такое, что душит и давит его. Вот он и бунтует».

По возвращении из Москвы, откуда Матисс привез не только отличное настроение, но и авансы под будущие заказы, художник с женой из Марселя отправились на пароходе в Марокко – у них наконец появились деньги на большое путешествие! – в поисках нового изобразительного языка. Весь марокканский цикл Матисса прекрасен. И я испытываю глубокую личную благодарность Щукину, который со свойственным ему безупречным чутьем выбрал 7 из 11 марокканских

картины Матисса и приобрел их для России. Чего стоят только «Арабская кофейня», «Разговор» и «Красные рыбки»! И мы можем теперь наслаждаться ими... В 1912–1913 годах Щукин купил у Матисса картин более чем на 40 тысяч франков и сокращать покупки не предполагал, хотя манера художника начала немного меняться. Но Щукин доверял интуиции Матисса.

ОБРЫВ

Это прекрасное сотрудничество оборвала Первая мировая война. В последний раз они виделись в Париже летом 1914-го. Последнее щукинское письмо Матиссу из Москвы написано 25 июля 1914 года – за неделю до войны. 2 ноября Матисс получил из Москвы телеграмму: «Невозможно послать (деньги). –

Государственный музей нового западного искусства на Пречистенке в бывшем особняке Ивана Абрамовича Морозова.
1930-е годы

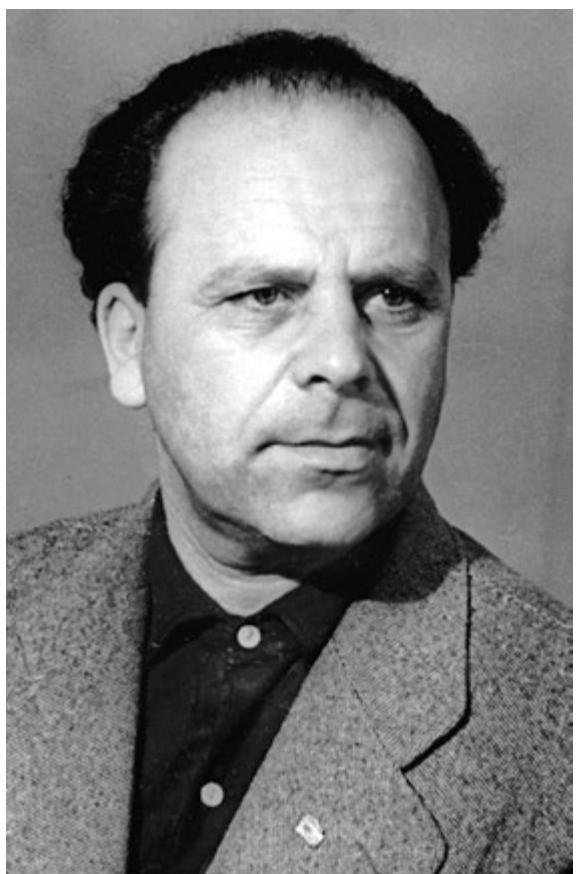
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВОЛШЕБНИК ПОНЕВОЛЕ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ ЧАСТО ОСТАЮТСЯ СОВСЕМ НЕ ТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ САМИ ОНИ СЧИТАЮТ ЛУЧШИМИ. ЛАЗАРЬ ЛАГИН, ИЗВЕСТНЫЙ БОЛЬШИНСТВУ ЧИТАТЕЛЕЙ КАК АВТОР «СТАРИКА ХОТТАБЫЧА», НЕ СЧИТАЛ СКАЗКУ О ДЖИННЕ ГЛАВНЫМ СВОИМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ.

АЛЕКСАНДР ДЕСЮРИА / НОВОСТИ

ОН ВООБЩЕ СЧИТАЛ себя в первую очередь сатириком, автором политических памфлетов.

ЛЕХОДОДИЛИКРАСКАЛО

Лазарь Гинзбург был старшим из пятерых детей в небогатой витебской семье. Отец, Иосиф Файвелевич, перегонял плоты на Западной Двине, мама, Хана Лазаревна, воспитывала детей. В семье говорили на идиш. Дочь писателя, Наталья Лагина, рассказывала, что семья не роскошествовала: праздничным блюdom в ней считались драники.

Минск.
Хоральная
синагога
на Серпуховской
улице.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

По воскресеньям Гинзбурги ходили к богатому соседу покупать квашеную капусту. Когда маленького Лазаря взяли с собой, хозяин предложил ему мандарин. Мальчик подумал и отказался, а хозяин не стал настаивать, и следующий мандарин случился в жизни Лазаря очень нескоро.

Отец, едва ему удалось скопить немного денег, открыл лавку скобяного товара в Минске, куда семья переехала из Витебска, когда Лазарю было 4 года. Они поселились в Раковском предместье напротив Холодной синагоги. До 13 лет мальчик учился в хедере – начальной религиозной школе.

В творчестве Лагина сохранились легкие следы этого образования. В первом издании «Старика Хоттабыча» джинн, вырывая волоски из бороды, приговаривал не «трах-тибидох-тох-тох» (это придумал актер Николай Литвинов для радиоспектакля), а «лехододиликраскало». Это начало еврейского субботнего гимна: «Лехододиликраскало» –

«Иди, мой друг, встречай свою невесту». А в других его книгах слова на идиш встречаются в качестве имен собственных и географических названий. Впрочем, говорящие фамилии он придумывал и на русском, и на английском: чего стоят только Пивораки из «Хоттабыча» или «Юзлесс» из «Атавии Проксимы». В 1916 году на русском языке вышла и попала в руки 13-летнего Лазаря книга английского писателя Ф. Энсти (под этим псевдонимом писал Томас Энсти Гатри) «Дьявольский джинн и медный кувшин». Речь в книге шла о молодом лондонском архитекторе, который покупает на аукционе старинный медный кувшин и выпускает из него джинна. Джинн, желая его отблагодарить, пытается помочь ему во всех его делах, финансовых и сердечных. Кстати, у Энсти джинна заточил в кувшин сам Сулейман ибн Дауд из-за происков некоего Джирджиса – впоследствии они, мир с ними обоими, перекочевали в «Старика Хоттабыча». После хедера Лазарь поступил в минское Высшее начальное училище. Так назывались народные училища с двухлетним курсом обучения. Программа была проще гимназической, тем не менее подразумевала изучение математики, физики, географии, истории. Правда, не давала языков – ни древних, ни иностранных...

ТЕПЕРЬ, НАВЕРНОЕ, В НЕБЕСАХ ПОГРОМ

Привычный мир рушился. Сначала Минск был захвачен немецкими войсками, потом отошел Германии по результатам Брест-Литовского мира, а в январе 1919 года стал столицей провозглашенной Советской Социалистической Республики Белоруссии в составе РСФСР.

Лазарь Гинзбург довольно быстро определился с политическими симпатиями. В августе 1919 года в Минск вошли польские войска, в городе начались еврейские погромы. Революционно настроенная молодежь шла добровольцами в Красную армию. Лазарь к лету 1919 года окончил училище; в декабре ему должно было исполниться 16. Не дожидаясь этого, он ушел добровольцем на фронт, а в 1920-м вступил в ВКП(б).

На фронте у молодого бойца обнаружился туберкулез; Лазарю выдали путевку на лечение в подмосковный санаторий «Подсолнечное», бывшую клинику для нервнобольных, где теперь лечили красноармейцев. В санатории он провел зиму 1920/21 года. Именно тогда он ездил в Москву, где посещал студию при Литературно-издательском отделе Наркомпроса, созданную Брюсовым. Там он впервые увидел Маяковского и познакомился со Шкловским. Кстати, Шкловский предложил ему написать для ОПОЯЗа (Общество изуче-

Красноармеец Лазарь Гинзбург

ния поэтического языка, созданное в 1916 году группой историков литературы и лингвистов – представителей так называемой «формальной школы». – Прим. ред.) работу о системе повторов в «Тысяче и одной ночи». Лагин рассказывал, что взял в библиотеке эту книгу на арабском, и ее вынес восстоковед Мустафа Османович, сам похожий на волшебника – с бородой, в цветной жилете, в остроносых туфлях...

В начале 20-х, после окончания советско-польской войны, партия занялась созданием и укреплением сети комсомольских организаций на территории Белоруссии. Молодой коммунист Гинзбург вступил в комсомол и взялся за выполнение партийных задач: собирал первичные ячейки, агитировал,

Москва. Институт народного хозяйства имени Карла Маркса.
1920-е годы

занимался хлебозаготовками. И продолжал писать стихи. Первые его публикации состоялись в белорусской прессе начала 20-х, а в 1922 году он стал рабкором комсомольской газеты «Чырвоная змена». О стихах своих позднее он коротко сказал: «Говоря откровенно, у меня имеется немалая заслуга перед отечественной литературой: я вовремя и навеки перестал писать стихи».

В 1923 году он поступил в Минскую консерваторию: у него был красивый баритон, он любил петь и надеялся стать певцом. Но через год консерваторию бросил. Тем не менее в музыке он хорошо разбирался и прекрасно пел романсы.

В 1924 году семья Гинзбург перебралась в Москву. Отец оставил частную торговлю и, окончив полиграфические курсы, стал наборщиком в газете «Известия». А Лазарь поступил в Институт народного хозяйства имени Карла Маркса (бывший Московский коммерческий институт, будущий Плехановский университет).

Осенью 1925-го граждан 1903 года рождения призвали в армию. Лазарь снова оказался в рядах РККА и был направлен в Ростов-на-Дону. Но самое его большое ростовское впечатление оказалось связано не с армией, а с приездом в город Маяковского. Осенью 1926 года Маяковский не только выступал с чтением своих стихов, но и слушал ростовских поэтов в подвале Дома печати. Среди поэтов оказался и красноармеец Гинзбург; позднее он писал в мемуарах «Жизнь

Минск во время немецкой оккупации.
Вокзал. 1918 год

тому назад»: «Кстати, имен-
но здесь и в том же году читал
нам совсем еще молоденький
Александр Фадеев свой еще не
опубликованный «Разгром». Маяковский внимательно слу-
шал, что-то записывал на па-
пиросной коробке, а потом го-
ворил о прочитанном. Лагин
прочитал отрывок из поэмы
«Песня об английском табаке»
и небольшое стихотворение
«Отделком», то есть «коман-
дир отделения»; Наталья Лаги-
на называет его «Старшина».
«Владим Владимыч все внима-
тельно выслушал – так Лагин
изложил эту историю журна-
листу Михаилу Лезинскому, –
скептически посмотрел на
меня и сказал: «Ваша поэма
родилась не из сердца. Это, ба-
тенька, литераторщина. Свои-
ми глазами надо смотреть на
окружающий мир, а не через
пенснэ классиков. А вот ма-
ленькое ваше стихотворение
мне, как ни странно, понра-
вилось...». Потом он даже за-
ходил к Маяковскому в гости.
Тот угощал его мандаринами,
а Лазарь снова, как в детстве,
стал деликатно отказываться.
Впрочем, Маяковский быстро
разгадал мучения «интелли-
гента с ружьем», и от мандари-
нов скоро ничего не осталось.
Демобилизовался Лазарь Гинз-
бург только в 1930 году; о сво-
ем последнем месте службы он
пишет в воспоминаниях: «В ка-
честве политработника запа-
са я отбывал повторный сбор
в должности дублера комисса-
ра отдельного батальона свя-
зи». Вместе с подопечными
солдатами он задумал концерт
к окончанию сборов, позвонил
Маяковскому, чтобы позвать
его. «Маяковский чуть помед-
лил с ответом. Потом сказал:
– Голубчик, я себя последние
дни омерзительно чувствую.
Позвоните мне денька через
три-четыре...»

Этот разговор происходил де-
сятого апреля тысяча девя-
сот тридцатого года, в один-
надцатом часу утра». Маяковский застрелился в 10.15.

Гинзбурги:
слева сидят
отец Иосиф
Файвелевич
и мать Хана
Лазаревна,
Лазарь стоит
второй слева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЭКОНОМИСТ-САТИРИК

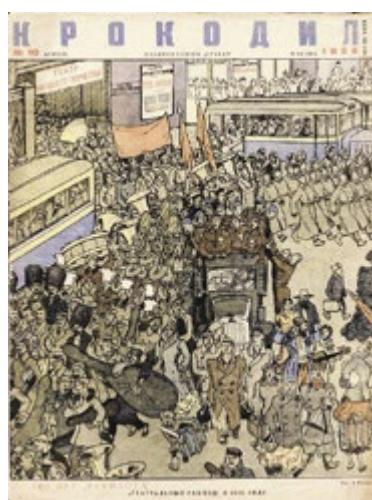
После армии Лазарь поступил в Институт красной профессуры. Пока учился – печатался в газете «За индустриализацию». В 1933 году защитил диссертацию, стал кандидатом экономических наук и доцентом, солидным ученым, как и его братья: рано погибший младший, Давид, был литературоведом, а Шевель и Файвель – инженерами. Однако его журналистский опытоказался более востребованным, и молодого ученого направили в газету «Правда» – укреплять экономический отдел.

А в издательстве «Правды» выхо-
дил журнал «Крокодил», в кото-
ром работала веселая компания
журналистов под руководством
Михаила Кольцова – от старого
сатириконовца Аркадия Бухова
до бывших сотрудников «Гудка»

Катаева, Ильфа и Петрова. Со
временем «крокодильцы» выра-
ботали свой узнаваемый стиль,
может быть, поэтому сатириче-
ские памфлеты Лагина напоми-
нают то зошенковские расска-
зы, то «Двенадцать стульев», то
какого-нибудь катаевского «По-
велителя железа», то «Мастера
и Маргариту» Булгакова. Там-то,
в «Крокодиле», Лагин нашел свое
место и понял, что призван быть
не экономистом, а сатириком.
Он даже о «Старике Хоттабыче»
говорил, что книга задумана как
памфlet, как сатира – и только
вмешательство редакции сдела-
ло из нее волшебную сказку.

В 1934 году он стал заместите-
лем главного редактора и выпу-
стил свой первый сборник –
«153 самоубийцы», подписав его
псевдонимом Лагин, сложен-
ным из первых слогов имени
и фамилии. Через два года его
приняли в Союз писателей.

В книгу вошло несколько сати-
рических рассказов, один из ко-
торых, «Эликсир сатаны», рас-
сказывал о лекарстве, которое
позволяло лечить лилипутов,
заставляя их расти. Доктор-изо-
бретатель решил подзаработать,
выращивая козочек и коров со-
граждан, чтобы повысить надои,
но недоброжелатели из числа
христианских фундаментали-
стов отравили подопытную козу,
объявили доктора дьяволом и
призвали всех к покаянию. Со
временем из этого рассказа вы-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Публикация
Л. Лагина
на страницах
«Крокодила».
1936 год

росла целая повесть: в 1947 году увидел свет «Патент АВ», где богатый негодяй намеревался вырастить из шестилетних детей личную армию; типичная для советской фантастики история о том, как мерзавцы пытаются присвоить достижения науки.

А в 1952 году писатель Порфирий Гаврутто в «Комсомольской правде» обвинил Лагина в плагиате: в самом деле, несколько первых страниц «Патента» напоминают начало опубликованного в 1940 году романа Беляева «Человек, нашедший свое лицо». Беляев к этому времени уже умер; дело о плагиате разбирал Союз писателей, и «Эликсир сатаны» помог решить дело в пользу Лагина. На самом деле все сложнее: роман Беляева тоже вырос из другого текста — опубликованного в 1929 году романа «Человек, потерявший лицо».

Трудно сказать, откуда вдруг вырос волшебный, озорной «Хоттабыч». Тут свою роль сыграл и прочитанный когда-то «Медный кувшин», и Шкловский, и «Тысяча и одна ночь». И летняя, знойная, переполненная безмятежным счастьем, коммунальными склоками и подспудным страхом Москва, в которой не может не завестись какая-то нечистая сила. На это обращает внимание чуть не каждый литератор-вед, пишущий о Лагине: здесь джинн — у Булгакова дьявол.

А еще, может быть, сказалось и знакомство с мальчишкой Воликом — Всеволодом, сыном доктора Алексея Замкова и скульптора Веры Мухиной. У Волика был костный туберкулез, и после тяжелой операции на ноге он учился ходить на костылях. Лагин, заходя к родителям мальчика, развлекал его арабскими сказками и выдумал смешное обращение — Волька ибн Алеша. Да и «Костыльков» придумалось, наверное, само собой. Об этом выросший Волька, ученик Всеволод Замков, рассказал композитору Виктору Копытко, а тот — минскому краеведу Михаилу Володину, который и опубликовал эту историю. Володин относит знакомство с Воликом к

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги
Л. Лагина
«153 самоубийцы»
в серии
«Библиотека
«Крокодила»

концу 20-х, но начало 30-х кажется более вероятным.

Может, и волшебная сказка вместо политического памфлета вышла потому, что в ней появился ребенок, смешной Волька ибн Алеша, и автор получил полное право не только язвить и ехидничать, но еще дурачиться и шалить. Он и вправду вел себя как ребенок. Наталья Лагина вспоминала: «Мама рассказывала: когда он начал писать «Хоттабыча», она, уходя на работу, запирала его на ключ, оставляя на столе тарелку с огромным количеством конфет. Он был сладкоежкой и патологическим лентянем, когда дело касалось его

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги
Л. Лагина
«Обидные
сказки» в серии
«Библиотека
«Крокодила»

собственного творчества». К вечеру конфеты были доедены, несколько страниц написано. Впрочем, не очень ясно, о каком времени идет речь: женился он в 1940 году, когда «Хоттабыч» был уже написан, а переделкой сказки занимался после развода. Избранницей Лагина стала Татьяна Васильева, сотрудница «Крокодила», а потом фотограф и фоторедактор Агентства печати «Новости». Она была очень красива — выпитая Любовь Орлова, говорила Наталья Лагина.

ВМЕСТО СЛАВЫ

В 1938 году «Старика Хоттабыча» начал печатать журнал «Пионер». Начало сказки появилось в октябре—декабре, а окончание — в январе—феврале следующего года, но уже в газете «Пионерская правда». Лагин сразу стал очень знаменит. Однако вместо того, чтобы наслаждаться славой, ему пришлось бежать.

В декабре 1938 года арестовали Михаила Кольцова, и стало ясно, что следующим будет Лагин, его заместитель. Считается, что Лагина и карикатуриста Бориса Ефимова, брата Кольцова, спас Александр Фадеев, который своевременно услал обоих в командировку на Шпицберген. Пока Лагин был на Севере, за ним приходили с ордером на арест, но не застали. Когда он вернулся, его уже не искали.

А вернулся он в Москву в 1940-м — «Старик Хоттабыч» как раз вышел отдельной книгой. Женился. Потом родилась дочь. И началась война.

Войну он прошел военным журналистом в составе Черноморского флота. Должность его в наградном листе (в конце 1944 года Лагин был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени) обозначена как «писатель при 2 отделе Полиграфического управления ЧФ», военное звание — майор береговой службы. Там же указано, что Гинзбург-Лагин имеет медаль «За оборону Севастополя». Он участвовал в боях за Одессу, Николаев, Херсон, в обороне Севастополя. В газете «Красный черноморец»

он вел юмористический раздел «Рында», где публиковал стихи, басни, подписывал карикатуры. Михаил Лезинский рассказывал, что в Балаклаве в последние дни перед сдачей города художник Леонид Сойфертис и Лазарь Лагин написали на стене крепости аршинными буквами: «С миру по нитке – Гитлеру петля».

Он писал военные сказки. Написал в стихах «Балладу об энском десанте». Но стихов своих по-прежнему стеснялся, говорил о них иронически – до тех пор, рассказывает дочь, пока однажды в нагрудном кармане у погибшего моряка не нашли газетный листок с его стихами. Написал повесть «Броненосец «Анюта».

Его младший брат Файвель погиб на Курской дуге в 1943 году. Другой брат, Шевель, воевал до 1944 года, когда был отозван с фронта восстанавливать донбасские шахты. Семью разбросало по стране, Лагин устраивал родным вызовы в Москву.

А свою семью он потерял сразу после войны: в 1946 году Татьяна забрала дочь и ушла к пресс-атташе югославского посольства, хотела уехать за границу с Наташой, но Лагин не выпускал дочь. Затем начались югославско-советские осложнения, муж ее был расстрелян, а сама она спаслась только следующим замужеством: вышла за советского писателя Николая Вирту. Лагин больше не женился: продолжал ее любить, заботиться о ней и дочери. Наташа в 16 лет ушла жить к отцу и взяла с собой бабушку, мамину маму.

Эта жизнь не всегда была безоблачной. По воспоминаниям дочери, отец мог и тяжелым предметом в нее запустить, когда сердился, и выпорол ремнем, когда она подала документы в ГИТИС на факультет музыкального театра: «Кокотки у меня дома не будет». «Лазарь с трубкой», как назвал его Олеша в крокодильские времена, превратился в «Лазаря с дочкой». В последние годы его жизни они даже сочиняли вдвоем роман «Филумена-Филимон» (так звали их домашнюю кошку).

Лазарь Лагин с двоюродным братом И.М. Гинзбургом и дядей М.Ф. Гинзбургом. Минск. 1967 год

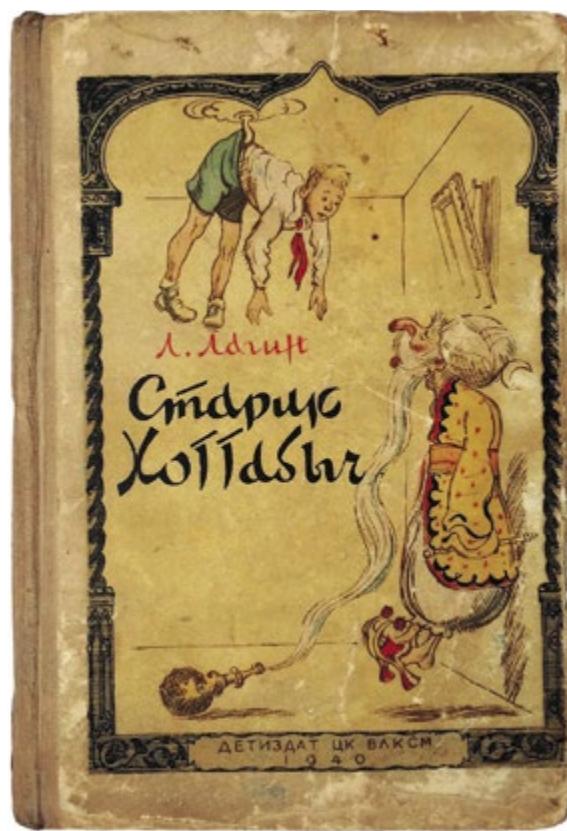

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Красный пух» Феоктиста Хапулина появился американский капиталист Вандендаллес, помесь Вандербильта с Даллесом; в одной редакции Хоттабыч превратил его в собаку, и тот стал выступать по радио с еженедельным лаем, в другой – вел ему катиться, откуда приехал, и тот укатился колбаской в Америку через океан. А Волька превратился в неутомимого пропагандиста достижений Страны Советов.

В время борьбы с космополитизмом Лагин, конечно, не чувствовал себя в безопасности. Мужа его сестры сослали в Киргизию, сестру с дочерью «уплотнили», оставив им в квартире одну комнату из трех. В газетах усердно разоблачали псевдонимы «бездонных космополитов», их персональные дела разбирали на партийных собраниях. Когда из партии исключали театрведа Альтмана, обвиняемого в семейственности (когда работал во фронтовой газете, привел туда на работу жену и несовершеннолетнего сына), тот пытался защищаться: жена просилась на фронт, я взял ее в редакцию, сын несколько раз убегал на фронт, я взял его в редакцию, он все равно погиб... Писатель Бенедикт Сарнов вспоминал, что случилось дальше: «Мой сослуживец, который сейчас говорил о семейственности, вместе со мной стоял на могиле моего мальчика... вместе со мной...» – сказал Альтман и замолчал. «Зал, битком набитый озверевшими, жаждущими свежей крови линчевателями, тоже молчал. И в этой наступившей вдруг на мгновение растерянной тишине как-то особенно жутко прозвучало одно короткое слово – не выкрикнутое даже, а просто произнесенное вслух. Не слишком даже громко, но отчетливо, словно бы даже по слогам: – Не-у-бэ-ди-тель-но... Слово это скрипучим своим голосом выговорил Лазарь Лагин, автор любимой мною в детстве книги «Старик Хоттабыч».

Обложка первого, 1940 года, издания книги Л. Лагина «Старик Хоттабыч». Художник К. Ротов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Хоттабыч». И оно, как говорится, разбило лед молчания. Суд Линча продолжился».

В 1949 году с Лагиным случился инсульт. Некоторые биографы связывают его с переделками «Хоттабыча», некоторые – с семейными неурядицами.

В 1953 году Лазарю Лагину должны были присудить Сталинскую премию второй степени – его даже успели отснять для парадного портрета. Но Сталин умер, и премии присуждать не стали: раньше они финансировались из сталинских книжных гонораров, но вождь не оставил завещания, и всю программу премий пришлось свернуть.

Оттепельные и постоттепельные произведения Лагина – по-прежнему идеологические памфлеты. Некоторые из них сейчас можно читать только из литературоведческого интереса. Такова, например, «Атавия Проксима» – история о государстве-континенте Атавия, которое решило спровоцировать международный ядерный конфликт и свалить это на коммунистов. Один из исполнителей приказа забыл открыть шахты, и ракеты ушли вглубь земли, так что континент оказался оторван от земли и заброшен на околоземную орбиту. Дальше – чума, война, потерявшие человеческий облик хапуги и благородные рабочие – словом, типичный набор политагитки. В «Белокурой бестии» находят юного маугли – сына знатной фамилии, потерянного и воспитанного волками; педагоги очевидно воспитывают его и возвращают семье. Там из трогательно-глупого и честного ребенка окружающие воспитывают подлеца, сверхчеловека, политического лидера, белокурую бестию. Расчеловечивание человека – вообще любимая тема Лагина; ей посвящен его лучший, вероятно, роман – «Майор Велл Эндью». Лагин отталкивается от побочного сюжетного ответвления «Войны миров» Уэллса – марсиане уносят с собой троих землян – и пытается до-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лазарь Лагин
в Минске.
Начало 1970-х
годов

думать, что с этими землянами стало. Повествование ведет майор Велл Эндью («Ну а ты?» в переводе с английского), на первый взгляд добродородочный христианин и верный служака. От испуга и сопротивления он постепенно переходит к самоидентификации с разумными марсианами – и обнаруживает, что они пьют человеческую кровь. Попытки спасти себя приводят его к тому, что в какой-то момент он и сам принимает предложение выпить крови – и окончательно рвет связь с человеческим в себе и человечеством.

Не будем задаваться вопросами о том, как это соотносится с пропагандированным выше «неубедительно». Лазарь Лагин был очень советский человек. Наверняка он придумал для себя ответ на этот вопрос – трудно только сказать, убедительный ли.

Последнее его крупное произведение – «Голубой человек», история о советском студенте, попавшем в 1894 год, где он встречается с Лениным. Интрига любопытная, историческая часть написана с явным увлечением... А вот современная... Особенно там, где нужно изобразить положительных современников... «Промакадемию она окончила в тысяча девятьсот тридцать пятом. В партию вступила восемнадцати лет. Она тогда пятый год работала швеей в «Модном заведе-

нии мадам Бычковой», что в Казенном переулке, и кроме хорошего вкуса вынесла из этого страшноватого храма дамского платья здоровый заряд классовой ненависти и великолепное презрение к дамочкам, у которых мозги забиты тряпками». Это главная героиня. А вот главный герой: «Он и теперь, работая контролером по печатным схемам транзисторного цеха большого московского завода, с удовольствием участвует в заводской самодеятельности. Если бы он не учился на заочном факультете Энергетического института, ему была бы прямая дорога в музыкальную школу для взрослых». Это тот самый негнущийся, халтурный соцреализм, который дождался к концу века своего гробовщика Сорокина.

Лучше уж помнить Лагина по «Старику Хоттабычу» и по «Обидным сказкам» – не то сказкам, не то басням, саркастическим и вполне безнадежным.

Он еще успел написать несколько сценариев к мультильмам. Один из них, «Шпионские страсти», издевается над штампами шпионской литературы. Интересно, кстати, что Лагин, умея распознавать штампы и глумиться над ними, мог хладнокровно гнать почти автоподражийные штамповки – грань между штампом и пародией в некоторых его памфлетах совершенно стерта.

Он успел благословить братьев Стругацких на издание «Страны багровых туч», которую, говорят, собственноручно извлек из редакционной корзины.

Он умер в 1979 году после пяти инсульта. Злой сатирик, ехидный афорист, ядовитый памфлетист, оставшийся во всенародной памяти добрым и чудаковатым волшебником, который заваливает футболистов разноцветными мячиками, выпускает на цирковую арену пирамиду веселых слонов и несет сказочную чушь на экзамене по географии...

Странно все-таки работает мироздание. ■

ИСКУССТВО ВЕЕРА

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПЕРВЫЙ В РОССИИ. ТРЕТИЙ В МИРЕ. МУЗЕЙ, НАПОМИНАЮЩИЙ ШКАТУЛКУ С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ. ЕГО ЭКСПОНАТЫ ХРУПКИ И НЕДОЛГОВЕЧНЫ, ОДНАКО ВОЗРАСТ НЕКОТОРЫХ ИЗ НИХ НАСЧИТЫВАЕТ НЕ ОДНУ СОТНЮ ЛЕТ.

PЕЧЬ – О ЕДИНСТВЕННОМ в нашей стране музее, экспозиция которого полностью посвящена веерам. Не как эфемерным аксессуарам костюма, а как подлинным произведениям искусства. Поэтому и название у него соответствующее – музей «Искусство веера».

РОСКОШНЫЙ «ФУТЛЯР» ДЛЯ ВЕЕРОВ

В музейном собрании около 300 вееров, приобретенных на протяжении двадцати лет увлеченным искусством и стариной коллекционером, основателем музея Евгением Анатольевичем Пылаевым. Математик по образованию, собиратель изящ-

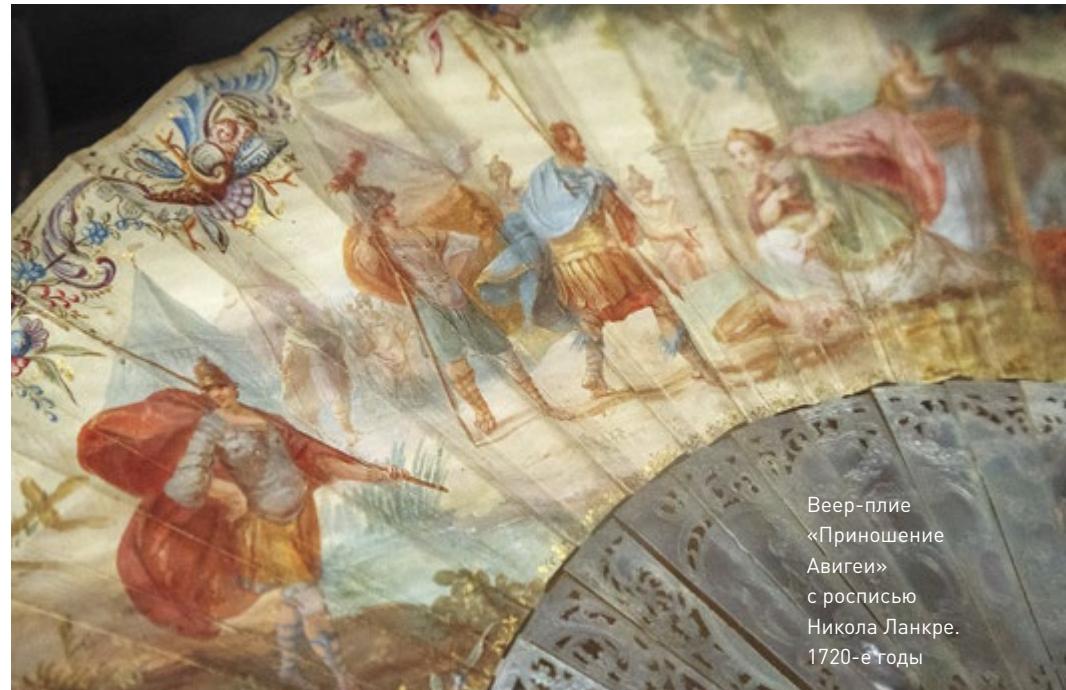
ного по призванию, он когда-то безоглядно полюбил веера. «Веер – достаточно емкий предмет коллекционирования, он объединяет в себе и живопись, и графику, и многие виды декоративно-прикладного искусства, а еще он часть образа дамы ушедшей эпохи – уникальное сочетание!» – отмечает коллекционер.

Самые ранние экземпляры в музее относятся к XVII веку. Среди бывших владельцев – митрополит Иов, король Фридрих Великий, семейство баронов Ротшильд, российские великие княгини и императрица Мария Федоровна.

Драгоценные предметы с комфортом разместились в изысканных

Веер-обманка
XIX века
в интерьере
музея
«Искусство
веера»

Веер-плие
«Приношение
Авигей»
с росписью
Никола Ланкре.
1720-е годы

Залы музея оформлены по мотивам парадных интерьеров петербургских дворцов

ным проектам оформления Царскосельского, Павловского и Гатчинского дворцов. Дверные порталы и двери из сандального дерева с бронзовым золоченым декором со львами созданы по проекту Винченцо Бренны для Тронного зала дворца в Павловске. Все интерьеры музея создавались современными российскими мастерами в лучших отечественных традициях.

В первом, Палисандром зале по представленным экспонатам можно проследить обширную географию бытования вееров и практически всю историю веерного искусства: от момента зарождения складного веера в Японии и Китае до рекламных образцов конца XX века в Европе и России. Во втором зале, Людовика XIV, как можно догадаться из названия, разместились только французские веера. Начиная с правления «короля-солнце», чей портрет кисти Пьера Миньяра, изобразившего монарха в горделивой позе в алоей мантии, встречает посетителей, Франция была законодателем мод не только в костюме, но и в веерном искусстве. Знаменитые французские художники Никола Ланкре, Франсуа Буше, Жан-Оноре Фрагонар, Антуан Ватто не пренебрегали росписью модного аксессуара, создавая настоящие шедевры в миниатюре. Некоторыми из них можно полюбоваться в музее и заодно разобраться со звучащими как музыка, но не совсем понятными французскими терминами «плие», «бризе», «пальметт».

интерьерах дома в стиле Людовика XVI на Каменноостровском проспекте Санкт-Петербурга. По словам основателя музея, в прошлом веера бытовали в обстановке роскоши королевских дворцов, дворянских усадеб, придворных и великосветских балов, в театрах и концертных залах. Поэтому по замыслу создателей музея «архитектурный декор и интерьерное оформление должны создавать атмосферу, наиболее подходящую для экспонируемых произведений искусства, и соответствовать российскому парадному интерьеру императорской столицы». Залы музея действительно оформлены роскошно. Рисунки паркета воссозданы по оригиналь-

ПУТЬ ВЕЕРА

Незнакомые слова не что иное, как наименования типов складных вееров. Таких больше всего в коллекции музея. Название «плие» означает «складка, складчатый». Такой веер собран из остова – нижней части веера, состоящей из пластин, сделанных из твердых материалов – кости, чепратахи, перламутра, дерева, и верхней части – экрана – из бумаги, пергамента, ткани, кружева, заложенных складками. Другой тип веера – «бризе», что означает «поломанный, разбитый». На первый взгляд такое название не очень подходит для хрупкого предмета. Но оно оправданно тем, что веер полностью состоит из отдельных пластин (разбит на части), выполненных из твердого материала и соединенных

Итальянский веер с античным сюжетом «Корнелия – мать Гракхов». Середина XVIII века

вверху лентой. Разновидность веера-бризе – «пальметт» – полностью соответствует своему названию. Он состоит из твердого остова, к каждой пластине которого прикреплен отдельный экранчик или перо.

Есть в коллекции музея необычный экземпляр – веер-кариолет, представляющий совмещение двух типов: «плие» и «бризе». Такие веера бытовали всего лишь с 1860 по 1862 год и поэтому крайне редки.

Детский веер типа «пальметт». Франция

Историю веера – а она насчитывает более 4 тысяч лет – некоторые исследователи начинают со времен Адама и Евы и первого опахала из пальмового листа – этот предмет не только трансформировался внешне, но и менял свое предназначение. Первыми были нескладные опахала или, как их еще назы-

вают, веера-экраны, с ручкой и с экраном жесткой формы в виде листа, флагка, круга. В зависимости от периода и страны бытования они спасали от жары, использовались в придворных церемониалах, были показателем статуса и вкуса своего обладателя. Те же функции выполняли затем и складные веера.

Веер «Сцены придворной жизни». Китай. 1880-е годы

Веер «Нахождение Ромула и Рема». Италия. Около 1700 года

Складной веер, изобретенный предположительно в Японии, в IX веке был усовершенствован в Китае. Китайские мастера владели особыми техниками оформления вееров, которые веками хранились в строжайшей тайне. Лаковая роспись, тончайшая резьба по слоновой кости, изысканные шелковые вышивки с изображением цветов, птиц, нарядных женщин, дополненные изящной каллиграфией, поражают воображение до сих пор. Наталья Михайловна Вершинина, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Павловск» и хранитель фонда костюма, которая проводила научное консультирование при создании музея, замечает, что «для отделки экранов вееров китайские мастера в XIX веке применяли не имевшую аналогий в других странах технику аппликации из пластин слоновой кости для изображения человеческих лиц и из кусочков шелковой ткани для костюмов персонажей».

В конце XV века складные веера попали в Испанию, а затем распространились по всей Европе. Самые ранние веера из коллекции музея, конца XVII века, родом из Нидерландов. Их создавали по образцам, привезенным из Китая, но в европейских традициях. Красочные итальянские веера зачастую украшались сюжетами из античной мифологии, как, например, «Триумф Дианы», «Нахождение Ромула и Рема», «Корнелия – мать Гракхов». Английские веера отличались утонченной резьбой оправ. Чтобы детально рассмотреть отдельные элементы, на них в музее направлены увеличивающие стекла.

К XVIII веку искусством создания и оформления складных вееров владели многие страны, однако именно во Франции на протяжении последующих веков оно достигло необыкновенного совершенства. Идеи, рождавшиеся в Париже, подхватывали и в России.

ВЕЕР В РОССИИ

В первом оригинальном труде на русском языке по истории веера «Веер и грация», он определен как «снаряд для наевания на лицо прохлады, состоящий из листа разной отделки, который распускают и которым машут». Такие складные веера вместе с новым европейским платьем широко распространились в России в XVIII веке после реформ Петра I, прия на смену бытовавшим ранее опахалам на ручке. До Петра опахала были редким и ценным подарком. Как пишет автор упомянутого труда, историк искусства Василий Андреевич Верещагин, опахала «частью привозились из Византии, в дар царицам и царевнам, частью же выделявались в «Государевой Мастерской Палате»... бывали богато украшены золотом и каменьями... Опахала царей и царевичей были более скромны».

Из опахал ранних форм в музее хранится рипида – литургический предмет, принадлежавший митрополиту Новгородскому и Великолуцкому Иову. Датируется этот экспонат концом XVII века. Митрополит был известен просветительской и благотворительной деятельностью, которую высоко ценил царь-реформатор. Рипида резной формы – редчайший сохранившийся образец.

Само название «веер» пришло в русский язык, вероятнее всего, также с Петровскими реформами и напоминает по звучанию голландское слово *waaijer*, обозначающее этот предмет.

После Петра наступил период правления женщин на российском престоле, которые уже искусно владели «орудием грациозного кокетства» или, как называл веер французский писатель Фавар, «скипетром безумия, повелевающим смертными». Самые ранние складные веера той поры относятся к царствованию Анны Иоанновны и, как правило, расписаны библейскими сюжетами.

Веер «История Моисея».
Россия.
1740-е годы

Веер-брize
«Пара в русских костюмах».
Россия. Начало XX века

Например, в коллекции музея можно увидеть веер «История Моисея» начала 1740-х годов. Русские веера XVIII века являются подлинной редкостью.

Во времена правления Елизаветы Петровны, большой модницы и кокетки, чье легкомысленное изящество и грация так отвечали господствующему стилю рококо и

нуждались в соответствующих украшениях, была основана Московская веерная фабрика и налажено собственное производство вееров.

Нередко российские правительства изображались на веерах как русской работы, так и иностранных фирм. К примеру, на австрийском веере представлены портреты царственных особ

после визита русской делегации графа и графини Северных в Вену в 1781 году. Как известно, под этим псевдонимом путешествовали инкогнито великий князь Павел Петрович и его супруга, великая княгиня

Мария Федоровна. Помимо них в центре веера изображена императрица Екатерина Великая, а также австрийский император Иосиф II. Есть в коллекции и знаменательный веер, непосредственно связанный

с веером «Портреты царственных особ». Станок – Нидерланды. 1740 год.
Экран – Австрия. 1782 год.

с героями предыдущего. Это веер с изображением сватовства трех дармштадтских принцесс к великому князю Павлу Петровичу.

В дальнейшем российские мастера не только следовали европейским образцам, но и создавали оригинальные произведения веерного искусства. В конце XIX века на волне всеобщего увлечения русским стилем был исполнен самобытный по тематике веер «Тройка». Это подписной экземпляр, изготовленный, скорее всего, по особому заказу. Очень часто такие подарки заказывались к свадьбе. Веер близко «Пара в русских костюмах» начала XX века также образец русского стиля. Оригинальный аксессуар создан с использованием техники выжигания по дереву.

Веер в русском стиле «Тройка». Россия. 1889 год

«Я ОХЛАЖДАЮ, Я ОСВЕЖАЮ, Я МОГУ ХРАНИТЬ СЕКРЕТЫ...»

Повышенный интерес у публики вызывают веера-обманки, веера с секретом, веера двойного и даже тройного назначения, необычной формы, из редких материалов. Истории известны веера, совмещенные с театральным биноклем, часами или имеющие в крайних пластинах отделения для хранения мелких вещиц. В коллекции санкт-петербургского музея «Искусство веера» также присутствуют поистине удивительные экземпляры, владеющие искусством сохранять тайны.

Например, в экспозиции представлен веер-кокарда «Кавказ», открывающийся на 360 градусов, с встроенным в ручку зеркальцем. Владелица подобного аксессуара могла легко попра-

вить макияж, а заодно незаметно понаблюдать за интересующим ее объектом у себя за спиной.

Популярным аксессуаром в течение всего XIX века был лорнет. Не столько как оптический прибор, сколько как изысканный аксессуар, говорящий о богатстве и вкусе владелицы. Веерное искусство не осталось в стороне. Появились веера с встроенными лорнетами. Один из них представлен в экспозиции музея. Изысканный аксессуар, украшенный аппликациями из кружева в виде порхающих бабочек, позволял даме смело «лорнировать» собеседника, то есть смотреть прямо на него через лорнет.

Другой веер из собрания музея имеет еще более сложную конструкцию. Он относится к типу вееров так называемого трой-

ного назначения. Это одновременно веер, лупа и бинокль. Расположенные в крайних пластинах веера оптические стекла по отдельности можно использовать как лупы. Совмещение двух линз при закрытом веере позволяет приблизить наблюдаемый объект, а это уже функция бинокля.

Веера-обманки, запатентованные знаменитой фирмой «Дювельюра», раскрывают свои секреты только очень внимательному зрителю. Их особенность в том, что роспись на обеих сторонах имеет общий сюжет, однако отдельные детали могут быть неожиданными сюрпризами. К примеру, на одной стороне веера «Свидание в парке» можно увидеть нарядно одетую даму, беседующую с кавалером через ограду парка. А на другой – того же кава-

Веер тройного назначения:
веер-лупа-бинокль.

1770-е годы

лера, беседующего с дамой, но спрятавшего за спиной припасенный в подарок букетик. Такие веера специально расположены в центре зала в прозрачных футлярах, чтобы можно было подробно рассмотреть их со всех сторон.

А вот веер-бризе «Сюрприз» небольшого размера и на первый взгляд ничем не примечателен. Но чтобы разгадать его секрет, веер нужно особым образом раскрыть. Его пластины поворачиваются как по часовой, так и против часовой стрелки, демонстрируя не два, а целых четыре изображения. Вполне возможно, что именно такой веерный механизм послужил прототипом для современных рекламных конструкций.

Случается, что веера скрывают тайны, которые еще только предстоит разгадать исследователям. К примеру, памятный веер-плие «Полет на воздушном шаре» посвящен первому полету на воздушном шаре пионера воздухоплавания Жан-Пьера Франсуа Бланшара. Согласно официальной дате, этот полет состоялся 2 марта 1784 года. Однако на веере указана другая дата – 28 февраля 1784 года. Таким образом, веер представляет собой документальное подтверждение этого события, состоявшегося на три дня раньше. Воздушные шары не только изображали на модных аксессуарах. Через сто лет, в эпоху стиля модерн, они своим видом вдохновили мастеров на создание новой формы вееров – «баллон», что в переводе с французского и означает «воздушный шар».

Веер-кокарда
«Кавказ».
Италия.
1880-е годы

Веер-лорнет.
Начало XX века

В последнее десятилетие XIX века в моду вошли веера-миражи для балов с необыкновенным оптическим эффектом. Экраны таких вееров из темного шелкового газа украшали аппликациями из светлого кружева или расписывали светлыми красками, зачастую сюжетами из «птичьей жизни», как, например, на веере «Воробушки». Журнал «Модный курьер» писал о таких новинках, что «так как темный тюль почти незаметен, то накладные украшения на нем кажутся как бы помещенными в воздухе и производят чарующее впечатление».

Довольно необычные чувства вызывает созданный в Бразилии веер-экран «Экзотическая птица». На оклеенном белым пухом веере закреплено чучело светло-желтой миниатюрной птички колибри. На балу дама с подобным аксессуаром, скорее всего, оказывалась в центре внимания и притягивала к себе восторженные взгляды. В то же время в прессе публиковались статьи возмущенных защитников природы, протестующих против массового истребления редких птиц и потакания дамским капризам в угоду моде. Неизменное удивление посетителей музея вызывают мужские и детские веера. Первые – как правило, «бризе» и более аккуратно оформлены, вторые – небольшого размера.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗЛЕТ

В XIX веке местом для демонстрации модных новинок были в основном балы. Под лозунгом «Мелочей не бывает!» модницы и модники придирчиво выбирали не только костюмы, но и аксессуары для «выхода в свет». Печатные издания помогали им в этом. «На бал можете надеть только шарф, кружевной или хоть газовый; но ради Бога, не забудьте букета и китайского опахала, иначе подумают, что вы приехали из Камчатки», – наставляла «Северная пчела» в 1833 году. Журнал «Модный магазин» в 1880 году писал, что «веер... должен быть светлый и гармонировать с платьем. Но мы советуем танцующим не затрудняться очень ценным веером, чтобы не приходилось жалеть порчи его неловким кавалером, если случится забыть его или оставить на стуле».

Изыщные безделицы должны были украшать, привлекать внимание, а еще и развлекать. И если на Востоке веера были церемониальным и статусным предметом, то, покорив европейские страны, они стали эффектным дополнением костюма, орудием флирта и кокетства. Традиционно принято считать, что именно испанцы – а вероятнее, испанки – не только первыми познакомились с диковинной новинкой, но и изобрели позднее тот самый «язык сентиментальных чувств», беззвучный, но так много говорящий тому, кто понимает, язык веера. Позднее до совершенства его довели истинные модницы – парижанки. В России образный язык веера называли «маханием», а «махаться» означало кокетничать. Журнал «Смесь», описывая роль веера в жизни светских дам, отмечал, что они умеют опахалом в зависимости от его положения и жеста руки изображать различные страсти – ревность, любовь, могут назначить свидание и выразить презрение. Язык веера должны были понимать и кавалеры.

Веер «Аллегория утра»
знаменитой
фирмы
«Дювельру».
Париж.
1880 год

Сувенирный
веер «Галери
Лафайет».
Франция.
1926 год

Однако Евгений Пылаев считает, что «язык веера – это, скорее, красивая легенда. В каждом модном салоне существовал свой символический код общения людей обоего пола при помощи жестов и поз с использованием веера, единого, общепринятого для всех не было. Поэтому язык веера надо рассматривать, скорее, как некую «поэзию души». От себя добавлю, что, вероятнее всего, это и объясняет противоречивость, а порой и полную противоположность значений веерных жестов в литературе. В начале XX века, в эпоху господства чарующего стиля модерн, веера пережили свой по-

следний взлет, превратившись в подлинные произведения искусства. Они добавляли еще один «волноящий» штрих в образ Прекрасной дамы. На одном из великолепных экземпляров в лучших традициях стиля нарисован опоэтизованный идеал эпохи – томная рыжеволосая красавица, окруженная амурами, символизирующая «Аллегорию утра». Подобные роскошно выполненные веера создавали мастера знаменитых французских фирм «Дювельру», «Александер», «Фокон», задававших тон в веерной моде.

Наряду с не всем доступными образчиками высокого искусства массово распространялись и простые бумажные веера с цветной печатью, зачастую рекламного и сувенирного характера. Крупные универмаги и Дома моды, рестораны и железнодорожные компании дарили их на память своим клиентам. Веера пропитывали духами, на них печатали ресторанное меню, изображали модные курорты и новинки моды. Но и такие веера были не лишены изящества. В коллекции музея есть веер формы

Кружевной
веер-плие.
1860–1870-е
годы

«баллон» с рекламой модного парижского универсального магазина «Галери Лафайет» 20-х годов. Немой свидетель эпохи «Великого Гэтсби» спустя сто лет демонстрирует идеал женской красоты стиля ар-деко – юную изящную девушку «ля гарсон», то есть «как мальчик», с короткой геометрической стрижкой. Ему вторит веер-брюзье «Курильщица» с изображением кокетки времен НЭПа.

Незадолго до этого времени, в 1915 году, поэт Николай Вильде с грустью написал: «Мне жаль уже минувшей моды воздушных женских опахал, когда театр в былые годы под ветром крыльев трепетал. Когда как бабочки ночные, в сиянье тысячи огней, мелькали крылья кружевные у жарких щек и у плечей. Когда

скрывали женщин взоры живой узорчатой стеной, и складок легкие затворы язык имели тайный свой...»

Сегодня веер редко встретишь как «продолженье изящной женской ручки». Он снова – просто «снаряд для навевания прохлады». Но, как произведениям искусства, веерам прошлого посчастливилось стать предметом серьезного коллекционирования. Для основателя музея в собирании вееров интереснее всего найти «изюминку в простоте». «Шикарные веера любят все, а вот с простыми сложнее. Но и простота бывает изысканна», – замечает Евгений Пылаев. К примеру, веер с юмористическим сюжетом «Мышь-музыкант» исполнен очень аскетично, но по-своему интересно. Он относится к веерам, выполненным

во второй половине XIX века для широкой публики. Во времена отсутствия вентиляторов и кондиционеров прохлады хотелось всем.

Вот уже шестой год первый в России музей вееров задает мажорный тон публичному экспонированию своей коллекции. В ближайшие год-два планируется открытие Особой кладовой, где будут экспонироваться веера-легенды. Возможно, мемориальные, то есть принадлежавшие известным историческим личностям, или памятные, связанные с какими-либо историческими датами.

Появление в нашей стране подобных частных музеев антикварных коллекций, доступных для широкой публики, говорит о возрождении частного коллекционирования в лучших традициях прошлого.

коллаж Анжели Бушевой

«СНЕЖИНКИ» НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНОГО ПОТЕПЛЕНИЯ

автор

ПЕТР ОРЕХИН

ЕЩЕ ВЧЕРА КАЗАЛОСЬ, ЧТО СВОБОДА СЛОВА И ПРЕЗУМЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ ДЛЯ СТРАН «ЗОЛОТОГО МИЛЛИАРДА» ЭТО НЕПРЕРЕКАЕМАЯ ЦЕННОСТЬ. НО СЕГОДНЯ ВСЕ УСЛОЖНИЛОСЬ. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ «ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ» МОЖЕТ СТОИТЬ КАРЬЕРЫ. АМЕРИКАНСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ОКАЗЫВАЕТСЯ В ЧИСЛЕ САМЫХ НЕНАВИДИМЫХ ЛЮДЕЙ В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ. НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА, ГЕНЕТИКА ДЖЕЙМСА УОТСОНА ЛИШАЮТ ЗВАНИЙ ЗА «РАСИЗМ». ГОЛЛИВУД ИЗГОНЯЕТ ИЗ СВОИХ РЯДОВ ЗВЕЗД, КОТОРЫХ ТОЛЬКО ПОДОЗРЕВАЮТ В ДОМОГАТЕЛЬСТВАХ.

ЭКОНОМИКА ТОЖЕ МЕНЯЕТСЯ. Германия закрывает угольные и атомные электростанции и ставит ветряки и солнечные панели, которые не выдерживают конкуренции без дотаций государства. Запад пытается пересесть на электромобили и делает вид, что нефть ему больше не нужна. Что происходит в мире и кто стоит за всеми этими изменениями?

ШКОЛЬНАЯ ЗАБАСТОВКА

Знакомьтесь: Грета Тунберг, 16 лет, школьница из Стокгольма. Недавно ее номинировали на Нобелевскую премию мира. Если она ее получит, то станет самым молодым лауреатом в истории премии.

В августе прошлого года Грета начала «школьную забастовку» — каждую пятницу вместо уроков ее можно было увидеть у стен

шведского парламента с призывом уделить больше внимания проблемам изменения климата. Спустя пару месяцев девочка стала европейской звездой, ее одиночные забастовки превратились в движение «Пятницы ради будущего», а по всему миру прокатилась волна многочисленных демонстраций воодушевленной молодежи.

За последние несколько месяцев школьница совершила настоящее политическое турне, встретившись, например, с Генеральным секретарем ООН Антонио Гуттеришем, а также выступив на Всемирном экономическом форуме в Давосе. «Я хочу, чтобы вы действовали так, как если бы горел ваш дом, ведь так оно и есть», — заявила Грета политикам и главам транснациональных корпораций. А нефтяников она назвала преступниками. Эмоции — это вообще

ее фирменный стиль. Общаюсь с хозяевами высоких кабинетов, она не просит, а требует, не ищет компромисса, а ставит ультиматумы.

К примеру, на встрече с Гуттеришем она заявила, что политики предали людей и не хотят выполнять Парижское соглашение по климату. По ее словам, нет смысла просить их о чем-либо: «Сегодня мы здесь, чтобы сказать, что изменения уже происходят, хотя они того или нет. Люди поднимутся и пойдут на встречу вызову, который стоит перед нами. И так как политики ведут себя как дети, пришел наш черед взять на себя ту ответственность, которую им следовало взять на себя давно».

Свою номинацию на Нобелевскую премию Грета Тунберг встретила как должное. «Это очень почетно и приятно быть номинированной», хотя и «кажется невообразимым и немножко странным», сказала она газете Aftonbladet.

Парижское соглашение по климату, которое так яростно любирует шведская школьница, было принято в 2015 году и заменило действовавший с 1997 года Киотский протокол. Цель соглашения — ограничение выбросов парниковых газов, чтобы удержать прирост средней температуры на планете в пределах 2 градусов Цельсия до конца XXI века. Кроме того, развитые страны должны выделять развивающимся по 100 миллиардов долларов в год на экологическую политику.

НОВЫЙ ЗЕЛЕНЫЙ КУРС

Грета Тунберг требует, чтобы Швеция и другие страны западного мира в ближайшие годы сократили выбросы до нуля, чтобы дать активнее развивающимся странам третьего мира. Парижское соглашение ратифицировали такие государства, как США, Германия и Китай. Но сегодня этот глобальный пакт фактически рухнул. Президент США Дональд Трамп 1 июня 2017 года объявил о выходе из договора. «Это согла-

шение не столько про климат, сколько про предоставление другим странам финансового преимущества над Соединенными Штатами. Другие страны рукоплескали, когда мы подписали Парижское соглашение. Они обезумели от счастья. Поэтому что его выполнение поставило бы США, которые мы так любим, в экономически невыгодное положение», – заявил Трамп. Этот шаг сделал хозяина Белого дома, пожалуй, самым ненавидимым президентом в среде американской прогрессивной общественности. Рacist, сексист, который якобы выиграл выборы с помощью русских, так он еще и против климатического крестового похода! А раз так, то Трамп вместе с его «стариковскими» взглядами должен быть демонтирован. И уже подоспела «молодая смена», готовая смести его с лица земли. Ее зовут Александрия Окасио-Кортес, ей 29 лет, она с отличием окончила Бостонский университет, где изучала международные отношения и экономику. Правда, по специальности Александрия почти не работала. Так вышло, что в основном она трудилась барменом и официанткой. Но активная гражданская позиция привела ее сначала к сенатору Эдварду Кеннеди, а затем и в предвыборный штаб демократа Берни Сандерса, который проиграл праймериз Хиллари Клинтон.

Сандерс считается в Штатах откровенным «леваком» и социалистом, что не приветствует традиционный консервативный избиратель. А вот молодежи он за свои взгляды нравится, несмотря на почтенный возраст – сейчас ему 77 лет. Участие в кампании Сандерса стало для Окасио-Кортес счастливым билетом и позволило ей запустить собственную политическую карьеру. В прошлом году она стала конгрессменом, получив на выборах в 14-м округе Нью-Йорка 78 процентов голосов. Сейчас американская пресса называет ее главной звездой Конгресса и «анти-Трампом».

Несмотря на то, что Александрия почти в два раза старше Греты Тунберг, у них много общего. Это и эмоциональность суждений, и непримиримость по отношению к оппонентам, прежде всего политикам старой формации и миллиардерам, и борьба против глобального потепления.

В начале этого года конгрессмен представила «Зеленый новый курс» (Green New Deal). Эта реформаторская программа, название которой отсылает нас к «Новому курсу» Франклина Делано Рузвельта, многих повергла в шок. Эксперты задавались вопросом: «Неужели она это всерьез?» и говорили, что если программа Рузвельта вывела страну из Великой депрессии, то политика Окасио-Кортес загонит ее туда обратно.

Главная цель «Зеленого нового курса» – это, как можно догадаться, нулевые выбросы парниковых газов и полный переход к возобновляемым источникам энергии. Самыми обсуждаемыми стали идеи свести к минимуму использование самолетов и пересесть на поезда, а также свести к минимуму выбросы метана в сельском хозяйстве, что многие восприняли как призыв отказаться от производства молочных продуктов и говядины, ведь именно коровы и выпускают в атмосферу львиную долю метана.

«Молодые демократы хотят лишить нас самолетов и чизбургеров!» – заявили в ответ республиканцы. Но в «Зеленом новом курсе» есть и другие важные пункты. Например, модернизация всех зданий в стране, чтобы сделать их энергоэффективными. Или создание миллионов высокооплачиваемых рабочих мест вкупе с обеспечением всех доступной медицинской помощью и бесплатным высшим образованием.

Но пока экономисты недоумевали, молодой избиратель воспринял курс Окасио-Кортес на ура. На Нобелевскую премию мира, правда, ее никто не выдвинул.

СОЦИАЛИЗМ СНОВА В МОДЕ

Грету Тунберг без преувеличения можно назвать одним из неформальных лидеров «поколения Z» или, как его еще называют, «цифрового поколения». Обычно к этой категории относят тех, кто родился после 1995 года, и большинство из них росло и растет «с гаджетом в руке». В этом смысле это более продвинутые люди, чем предшествующие им «миллениалы», звездой которых стала Александрия Окасио-Кортес. Сегодня поколенченский шаг – это примерно двадцать лет. Современная теория поколений во многом базируется на классической работе «Поколения» (1991) американцев Уильяма Штрауса и Нила Хая, которая исследует период ангlosаксонской истории с XVI века.

Под термином «поколение» понимаются люди не только одной возрастной группы. Социолог и философ Карл Мангейм отмечал, что «быть современниками – значит подвергать-

«Икссы», «игреки» и «зеты»

Сразу оговоримся, что так называемая теория поколений, авторами которой являются Уильям Штраус и Нил Хай, до сих пор вызывает споры в среде ученых. Скептики справедливо подчеркивают, что «теория» не подкреплена достаточным объемом эмпирических данных, упрекают авторов в богатом воображении и замечают, что те слишком грешат обобщениями. К тому же исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о том, что собой представляет понятие «поколение». В научной среде этот термин считается многозначным и спорным.

Иными словами, теория поколений большинством исследователей не признается научно обоснованной. Зато ее на ура восприняли маркетологи, специалисты по связям с общественностью и сотрудники отделов кадров. По крайней мере, в России представители именно этих профессий являются ее самыми верными «адептами».

В России модель поколений, предложенную Уильямом Штраусом и Нилом Хай, адаптировали социологи Юрий Левада, Вера Гаврилюк, психолингвист Евгения Шамис, психологи Алексей Антипов и Влада Пищик. Выделив критически важные в XX веке события, повлиявшие на судьбы и мировоззрение людей, ученые предложили свое видение шкалы поколений в России.

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

ПОКОЛЕНИЯ XX ВЕКА В РОССИИ (ПО ВЕРСИИ Е. ШАМИС И А. АНТИПОВА)

Название поколения	Период рождения	Основные мировые события, повлиявшие на формирование ценностей
Поколение GI «Поколение победителей»	1900–1923	Первая и Вторая мировые войны, революционные события 1905 и 1917 годов, электрификация
Молчаливое поколение «Книжные дети»	1923–1943	Вторая мировая война, индустриализация, коллективизация, культ личности И.В. Сталина, сталинские репрессии, послевоенный восстановительный процесс, холодная война, открытия в области техники и технологий
Беби-бумеры «Бумеры»	1943–1963	СССР – супердержава, советская оттепель, покорение космоса, достижения в медицине, стандартизация образования, холодная война
Поколение X «Неизвестное поколение»	1963–1984	Холодная война, война в Афганистане, перестройка, появление СПИДа, бум распространения наркотиков
Поколение Y «Поколение Сети», «Поколение Миллениум»)	1984–2000	Распад СССР, «лихие 90-е», безработица, теракты и военные конфликты, атипичная пневмония, развитие цифровых технологий: мобильные телефоны и Интернет, появление брендов
Поколение Z «Альфа», «Цифровой человек», «Домоседы», «Поколение национальной безопасности»)	2000–2020	Век доступности информации, гаджетов, Wi-Fi, геймификация, экономический кризис

ИСТОЧНИК: ШАМИС Е., АНТИПОВ А. ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ.
URL: [HTTPS://WWW.PSYCHO.RU/LIBRARY/2581](https://www.psycho.ru/library/2581)

ПОКОЛЕНИЯ XX ВЕКА В РОССИИ (ПО ВЕРСИИ В. ПИЩИК)

Название поколения	Описание	Период рождения
Беби-бумеры	Традиционные – носители традиционной ментальности	1946–1964
Неверяющее поколение X	Переходные – носители переходной ментальности	1965–1983
Информационное поколение Y	Иновационные – носители инновационной ментальности	1984–1999
Новое поколение Z	Постинновационные – носители постинновационной ментальности	2000–2015

ИСТОЧНИК: ГАВРИЛОВА А.В. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛЬНОСТИ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ // ВЕСТНИК УДМУРТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА». 2016. Т. 26. ВЫП. 2.

Коллаж Анжелины Бутусовой

ся одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом периоде». То есть в формировании поколения ключевую роль играет совместное переживание одних и тех же событий, которые во многом накладывают отпечаток на его мировоззрение.

Вадим Радаев, руководитель лаборатории экономико-социологических исследований, профессор Высшей школы экономики, в исследовании «Миллениалы на фоне предшествующих поколений» отмечает, что возраст 17–25 лет принято называть «впечатлительные годы». Именно в это время люди наиболее восприимчивы к социальным изменениям, а опыт, накопленный в этот период, оказывает фундаментальное, формирующее влияние на всю оставшуюся жизнь. В 2000 году Штраус и Хай выпустили книгу «Восхождение поколения Миллениума: сле-

дующее Великое поколение». По их мнению, «миллениалы» предъявляют высокие требования к миру, его представители менее жестоки, вульгарны и сексуально озабочены. Все это в еще большей степени проявилось в «поколении Z», которое выросло в эпоху Интернета и социальных сетей, когда важность приобретает не только действие, но и любой неосторожный комментарий в Facebook или Twitter. И хотя формально «миллениалов» и «поколение Z» принято отделять друг от друга, стоит признать, что они, скорее, действуют сообща и на одной и той же идеологической платформе.

Им не нужна больше американская мечта в ее классическом варианте, но им хочется создавать что-то новое, их волнует судьба планеты, им хочется справедливости, и они уверены, что права меньшинств

должны быть защищены лучше, чем права большинства. Им бесполезно продавать товар или услугу, рассказывая о его выдающихся качествах, – им нужна история, эмоция и социальная ответственность. И при этом они бывают крайне агрессивны в отстаивании своей точки зрения и борьбе с инакомыслием.

Компания Harris Poll и интернет-ресурс Axios недавно провели опрос в США среди «миллениалов» и «поколения Z» и выяснили, что 49,6 процента опрошенных хотели бы жить в социалистическом государстве. При этом за оплату государством расходов на высшее образование высказались 67,1 процента респондентов, а за создание всеобщей системы здравоохранения 73,2 процента. И это в Америке, где социализм на протяжении десятилетий был вытеснен на обочину политической жизни.

ПОЛТОРА ТРИЛЛИОНА ДОЛГА

Почему молодые американцы перестали быть рыночными фундаменталистами-индивидуалистами и превратились в социалистов? Вот что говорил об этом Малcolm Харрис, автор бестселлера «Дети в наши дни: человеческий капитал и появление миллениалов», когда приезжал в Москву в прошлом году. «Впечатлительные годы» «миллениалов» пришлись на глобальный кризис 2008–2009 годов, который в США получил название «Великая рецессия». Миллионы простых американцев потеряли сбережения, работу и собственный дом. Все это также совпало с расцветом борьбы меньшинств за свои права и постоянными разговорами про глобальное потепление. «Я окончил школу в то время, когда кризис в Америке набирал обороты. Это очень сильно повлияло на меня, моих друзей и подтолкнуло нас к размышлению над проблемами, которые сформировали целое поколение миллениалов», – рассказывал Харрис в интервью РБК. «По сравнению с предыдущим поколением мы не успели насладиться комфортными и свободными условиями жизни. Им было проще найти хорошее жилье или окончить университет... Конечно, это касается не всех, но большинства», – добавил он. И это не просто жалобы детей на отцов. Стоит привести всего один пример. На конец прошлого года долги по образовательным кредитам достигли в США 1,465 триллиона долларов, сообщало агентство Bloomberg со ссылкой на Федеральный резервный банк Нью-Йорка. По сравнению с 2009 годом (675 миллиардов долларов) они выросли более чем в два раза. Просто вдумайтесь в эту цифру – полтора триллиона долларов. С таким «багажом» «миллениалы» на самом деле не могут купить себе нормальный дом, машину, не могут позволить

себе хорошее медицинское обслуживание и так далее. При этом США остаются одной из самых богатых стран, местом, где живет больше всего миллиардеров, и рынком, на котором работают ключевые глобальные корпорации. Несправедливость здесь чувствуется слишком остро.

Отчасти именно отсюда происходит бум «совместного владения» и обмена вещами. Например, автомобиль не обязательно покупать, его стоит брать на пару часов в неделю, когда это нужно. А в остальное время надо ездить на общественном транспорте или велосипеде. Так и дешевле, и вреда окружающей среде наносится меньше.

НЕДОБРЫЕ СНЕЖИНКИ

Сейчас свои «впечатлительные годы» переживает «хвост» «миллениалов» и «поколение Z». Ничего хорошего со стороны экономики им ждать не приходится. Да, кризиса нет, но доходы среднего класса остаются низкими, а кредитная нагрузка только возрастает.

Конечно, огромной бедой для молодых американцев стал Дональд Трамп. Он представитель старого мира, тот, кто никак не отвечает их идеалам. Борьба с ним, а также вообще со всеми, кто хоть в чем-то разделяет схожие с ним взгляды, превратилась в новый крестовый поход. Благо теперь войны можно вести, даже не выходя из дома. Здесь во всей красе проявляется еще одна черта, объединяющая молодые поколения, – это неожиданная агрессивность и нетерпимость к чужому мнению. Поднятая на флаг толерантность не распространяется на тех, кто исповедует чужие взгляды. Неугодный профессор может в один день потерять работу, а звезда шоубизнеса остаться без ролей и гонораров.

Отчасти это следствие все той же неустроенности и груза экономических проблем. Но есть и другая сторона медали. «Миллениалы» и «поколение Z» образу-

ют вместе так называемое «поколение снежинок» (snowflake generation). Это люди, родившиеся после 1990 года в США и других странах Запада, в семьях высшего и среднего класса. Они воспитывались в концепции «дети прежде всего», их не критиковали, а уверяли, что они самые лучшие и самые умные. Но в реальном мире разброс мнений и характеров оказывается огромным, и это травмирует «снежинок».

«Приходя в университеты, они уже пугаются, столкнувшись с тем, что мир отличен от их представлений, поэтому они ищут в лекториях защиты и безопасности, а не творчества и знаний», – отмечал британский педагог Том Беннет.

Защищая себя, «снежинки» фактически вводят цензуру и изгоняют на периферию всех, кто с ними не согласен. Несмотря на свою относительную немногочисленность, «снежинки» – колоссальная сила.

Нассим Талеб, инвестор, математик и философ, автор теории «черных лебедей», пишет в своей книге Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life (в русском переводе она называется «Рискуя собственной шкурой»), что достаточно 3–4 процентов непримиримого меньшинства, чтобы все население изменило свои жизненные установки.

Гreta Тунберг и Александрия Окасио-Кортес – из числа «непримиримых». И они прямо сейчас меняют этот мир. Будет ли он лучше, чем тот, в котором мы живем сейчас? Малcolm Харрис не уверен, что его поколение справится. «Я думаю, «миллениалы» могут стать одним из величайших или одним из ужаснейших поколений в истории человечества. Но, судя по тенденции, пока все сводится ко второму варианту», – говорит он. – Вряд ли мы оставим после себя бесценное наследие, как делали наши предки. Но в то же время мы способны совершить революцию и что-то изменить в мире».

ОНИ СТРОЯТ ЧЕВЕНГУР

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

«МЫ СТРОИМ ЧЕВЕНГУР!» – ИРОНИЧНО ОБРИСОВАЛ СОЗИДАТЕЛЬНУЮ МЕЧТУ СВОЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ ОБЩИНЫ ХУДОЖНИК МИХАИЛ БОРИСОВИЧ АСТАШКИН. ОН ПРЕДУПРЕДИЛ, ЧТО СТОРОНИТСЯ СУЕТЫ И БОИТСЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПАЛОМНИЧЕСТВ В СВОЙ ЗАПОВЕДНЫЙ КРАЙ В ЛОКНЯНСКОМ РАЙОНЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ, НЕДАЛЕКО ОТ ЦЕРКВИ, ГДЕ, ПО МЕСТНОЙ ЛЕГЕНДЕ, ВЕНЧАЛСЯ МИХАИЛ КУТУЗОВ...

М

ЕЛКАЯ РЕЧКА ВИХ-ринка, на берегу которой стоит «усадьба» Асташкиных, тихо шелестит. Чирикают озябшие сонные птички, в загоне у почерневшей низкой избы блеют овцы, а мычать в деревне некому. Хмурое утро не спешит согревать мерзлую землю и покосившиеся избушки, часть из которых – брошенные. В восьми домах из

четырнадцати живут старухи, дожидаясь в гости детей-дачников, если они есть. А четыре дома занимают философы.

Пасторальные пейзажи умиляют нежное сердце основателя философского сообщества, несмотря на кривобокий нужник в огороде, который 58-летний Михаил Борисович справедливо называет «неудобствами», и беспокойных лохматых овец,

отращивающих дреды. Последние лет пять художник не выезжает из своей «усадьбы», в которой живет вместе с сыном Александром. Признаки цивилизации в деревне присутствуют: пару раз в неделю приезжает автолавка, а в заветных местах – на пригорке и у заброшенной силосной ямы на окраине – можно поймать Интернет. Но ловить его особо некому.

ОТШЕЛЬНИК БЕЗ «УМНИЦЫ»

У Михаила Борисовича нет «умницы» – так, «по-сорокински», он называет планшеты, которыми принципиально не пользуется. В соцсетях Михаил Борисович не зарегистрирован, электронной почтой не пользуется. У его товарищей есть аккаунты в соцсетях, правда, без личных фото. Любое проявление нарциссизма Михаил Борисович не одобряет и фотографироваться не привык. В его избе есть телевизор, а у сына – ноутбук. Это позволяет смотреть и обсуждать фильмы и передачи, слушать музыку – «правильного выбора».

Выглядит основатель философского сообщества живописно: высокий, худой, черные глаза, седая борода. Говорит Михаил Асташкин затейливо и темно для непривычного уха. Он часто театрально вскидывает худые руки: длинные пальцы и ногти оттенены въевшимся черноземом. Жестикулирует он вдохновенно, режиссируя свою пылкую речь. Театральный эффект получается сильным: деревня напоминает декорации фильма-катастрофы об Апокалипсисе с босым пасионарием в главной роли.

Портрет покойной матери художника маслом – первое, что видишь при входе в низкую избу послевоенной постройки. Здесь есть за что зацепиться глазу: русская печь, книжный шкаф, погребенный под томами ископаемый диванчик, не работающий двадцать лет холодильник, превратившийся в тумбу. Копоть нежно ложится на журналы и книги: русская классика, мировая философия. Стены украшены портретами кумиров хозяина, которых он называет «наши святые»: Анна Карн, Тютчев, Пушкин, Достоевский, Тургенев, Толстой, Кржижановский, Хайдеггер, Вениамин Ерофеев, Ахматова, Цветаева... В красном углу «Сикстинская Мадонна» Рафаэля соседствует с копией «Троицы» Рубleva. При этом сам Михаил Асташкин – атеист.

Из стопок книг торчат аккуратно сложенные выписки и картонки из-под чая: на них Михаил Борисович рисует. Книги, хотя и пропитались пылью, не лежат мертвым грузом: хозяин запоем читает.

Кстати, что касается алкоголя, то на него в крошечной общине наложен строгий запрет. Основатель проповедует трезвость.

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Детство Михаила Асташкина прошло в Старой Руссе, куда его родители были распределены после института. Потом семья переехала в Великий Новгород. Родители Михаила окончили Ленинградский сельскохозяйственный институт в Пушкине. Его же окончил и Михаил, потом пошел в изостудию, на-

Михаил
Асташкин
(в центре),
Кирилл и сосед
Анатолий

деясь в перспективе получить высшее художественное образование. После окончания вуза менее года проработал инженером, месяц пытался преподавать физику в техникуме, но относился к делу без энтузиазма – по ночам рисовал. Свободный художник говорит, что «пять лет станковую живопись изучал в изостудии» и считает, что полученные знания «превышают то, что может дать Мухинское училище».

Мать художника умерла в этом доме прошлой осенью. Ее похоронили под яблоней в огороде, вернее, в «усадьбе», по выражению Михаила Борисовича. Говорят, так она сама завещала. Поняли не все. Приезжала полиция, районная администрация – разбирались в инциденте. Возбуждать уголовное дело не стали. На могиле камнями выложена пятиконечная звезда и растет чеснок, который посадил Михаил Борисович эксперимента ради: вырастет или

На могиле матери в саду

нет? Перед смертью мама просила читать дневники Толстого, она очень любила его и Достоевского.

— Я домой приходил и ел, — вспоминает родителей Михаил Асташкин. — Отец и мать понимали, что я выстраиваю высшую линию жизни, связанную с творчеством. Значит, мне во всем нужно помогать. Это не надо было объяснять. И у меня, в отличие от современных молодых, нет комплексов, что мне кто-то будет помогать. Скажем, меньше, чем брат — Ван Гогу. Я же помогал — огород сажал. Вот и вопроса не было, что я за чайто счет живу. В Ленинград приезжал на выставки, слушались и персональные, правда, их не было с 2005 года.

Михаил Асташкин сдает однокомнатную квартиру в Новгороде, доставшуюся от матери, деньги отдает своим несовершеннолетним сыновьям и оплачивает комнату в коммуналке, в которой хранятся его картины. В итоге живет на тысячу рублей в месяц, заодно проживая нехитрое наследство матери. Сигареты, хлеб, растительное масло. Говорит, что «сейчас роскошествует»: может включить электричество, оплатить дорогу сыну до Новгорода. Что будут делать, когда кончатся деньги, пока не ясно. Может, хмурит лоб Асташкин-младший, овец будем разводить.

ОБЛОМОВ И КОВЕР-САМОЛЕТ

Когда учился в шестом или седьмом классе, Михаил Асташкин взял в библиотеке книжку Спинозы. Понял, что есть жанр, который «непонятен и труднодоступен». Не осилил. Попробовал подступить к философии позже. Вот и увлекся... Родную деревню называет «раем в душе, в котором есть баня, холмики, домик и растет ольха». И это «даже лучше, чем Старая Русса у Достоевского», которого Асташкин очень любит и уверяет, что прочел всего. Жизнь в деревне просвещению и самосозерцанию не мешает.

— Я Хайдеггеру завидую: он как бобер обустраивает свое бытие. А я ленивый, чтобы дом какой-то строить. Это не нужно, потому что будет мешать и живописи, и чтению! Я вот Гончарова полюбил сразу: «самотождество» с Обломовым. Раньше мои достоинства за-

деревню философов омывает речка Вихринка

Хозяин и его стадо

ключались в том, что я рисую и значительно начитан. А философия меньше места занимала. А в деревне появились Хайдеггер и Лакан и прочие передовые мыслители. В своем профессиональном деле я должен быть мастером. Если Врубель не будет считать себя выше Леонардо, то он не станет Врубелем — закон художественной природы. У мастера должна быть установка достичь высоты предшественника. Я достиг мастерства Леонардо. У нас стартовые позиции были одинаковые, — не смущаясь, вещает «мастер» Асташкин.

Говорит, порой читает и рисует до пяти-восьми часов утра. А встает в девять или десять. Сейчас освещает в памяти Платонова и Набокова. А матери читал по списку: Гаспаров, Толстой, Достоевский, Блок, Пушкин, Волгин «Последний год Достоевского», Бунин, Зайцев, Гончаров, Данте. Мама не всегда так много читала, говорит художник, увлеклась, когда вышла на пенсию.

Михаилу Борисовичу нравится идея, что женщина ниже мужчины, он бодро рассуждает о весе женского мозга: он меньше, и это, по его мнению, довод в пользу мужского интеллектуального превосходства. Идеал Михаила Борисовича — печка, которая может сама куда угодно возиться, или ковер-самолет, а также скатерть-самобранка. Люди, говорит он, должны как можно меньше ударяться в хозяйство, довольствоваться минимумом. А основное время тратить на мышление. Выходит крутой замес Диогена, Эпикура и Емели-дурачка.

— В последнее время отец ухаживал за бабушкой и ничего не успевал. Но мы с ним сарай ремонтировали. Сажаем морковку, бобы, картошку. Отец хочет сократить хозяйство, говорит, хлопот много. А у меня маниловские мечты: коня хочу завести. Но когда философствовать? Я мечтаю жить в деревне на доход с отцовских картин, — делится сын Асташкина Александр, который перенял кредо отца: о проблемах стоит задумываться по мере их поступления.

СЫН ЗА ОТЦА

Младшему Асташкину 29 лет, он, как и отец, любит мечтать. Например, о возрождении деревни и о коне. Саша родился в Новгороде, но считает себя деревенским. Он – аспирант, учился на философа в Новгородском университете, выбору пути, считает, обязан отцу, с которым до 16 лет не общался.

– Когда я был ребенком, боялся отца: у него такой экзотический образ, – делится Асташкин-младший. – А в 16 лет появились духовные запросы. Я тогда был максималистом, считал, что кругом дураки. А с отцом стал говорить и понял, что он умнее. Но я сегодня про себя могу сказать «самый умный», а завтра – что такого дурака поискать надо. Сейчас во мне только проблемски ума. Отец поддержал мое желание заниматься философией. Он говорит: если бы я с ним не общался, сидел бы сейчас где-нибудь на краю или на обочине. Я поначалу философию воспринимал как праздную созерцательную жизнь: не надо ни писать, ни, возможно, разговаривать. А на деле философы пишут книги, соответственно, и я, если хочу быть вполне философом. Вполне философ – это харизматичный Хайдеггер. В деревне больше чувствуется, что есть настоящая жизнь, а я являюсь самим собой.

Слово «дурак» Саша вообще часто произносит, разделяя людей на умных и глупых. В городе чувствует себя «спеленатым ребенком», которого пичкают «пластмассовой едой». Сетует, не развернуться ему в городе. Он, копируя отца, ненавидит город, где, убежден, время проходит праздно. А в деревне вроде как к корням вернулся и «самостоятельность» получил. Саша хлопочет по хозяйству: запекает бобы, пытается растопить печь. Последнее получается не слишком успешно, но старания это не отменяет. Сашин лоб украшает тесемочка, которую он надел совсем недавно, чтобы волосы не ме-

Саша у печки
в своем доме

шили копать грядки. Непринужденный стиль – влияние отца, прически которого весьма беспорядочна. Михаил Борисович рассудил, что с короткой стрижкой сын напоминает человека с «выбранными мозгами». А Саша, будучи подростком, не чурался экспериментов, например выбирал на затылке серп и молот. Он часто сравнивает себя с отцом, которым восхищается, но из тени которого не вышел.

Созерцательное отношение Михаила Борисовича к физическому труду передалось и сыну. Асташкин-младший к ра-

боте не приучен, но считает, что у него есть хозяйственный потенциал. Соглашается, что скот запущен, а затем вдруг жалуется на хулиганство соседей «алкоголиков», которые, по его словам, слушают слишком громко музыку. Однако у «алкоголиков» хозяйство удивительно крепкое.

Мать Александра положительно относится к тому, что сын живет в деревне. Но надеется, что он пойдет на работу и создаст семью. Отцу же подобный матrimониальный проект не нравится – не дозрел еще наследник до брака.

Михаил
Борисович
признается,
что завидует
Хайдеггеру,
будучи ленивым,
чтобы что-то
строить

ИДЕЯ КИТЕЖ-ГРАДА

Утро начинается не по-деревенски поздно. Философы легли на рассвете, утомившись от диспутов. Саша мечтает создать общину философов и художников – «людей крепкого духовного содержания», которые будут жить своим трудом. «Как в джунглях, – вырывается в монолог сына Михаил Борисович. – И это идеал». Саша кивает. Как все эти затеи реализуются – вопрос. Платонов писал: «В Чевенгуре человек не трудится и не бегает». Философы вняли заветам классика и существуют в согласии.

Философию украшают не только мысль и созерцание, но и символ. Вот и сарай у Сашиного дома, купленного на деньги бабушки, украшает порванный красный флаг с серпом и молотом. Этот идеологический подарок преподнесли другу Илья с Кириллом – философы-соседи. Когда-то дом Саши был красный, сейчас краска облупилась, а на фасаде торчат полуистлевшие под дождем плюшевые Альф и Чебурашка, как черепа на частоколе Бабы-яги. Это – креатив Михаила Борисовича, который трепетно относится к фольклору. Кроме того, он признается в любви к Ленину, которого называет гением:

– Его книга «Материализм и эмпириокритицизм» читалась как «Идиот» Достоевского – за три дня и три ночи. Умнейший человек. Его политика двигалась к тому, чтобы у людей была правда. Как и Достоевский, Разин, Болотников, декабристы, Герцен двигались к тому, чтобы рабы перестали быть рабами. Чтобы труженики были хозяевами.

Вывод таков: Михаил Борисович – не «раб» на заводе, а свободный труженик и «один из возрождателей града Китежа». Будущее страны босой философ видит в коммунизме, хотя догадывается, что «народовластия никогда не будет».

– Человек, который слушает тупую музыку, ничего не читает, а я как зеркало, показываю, что нужно читать. Даю ему спи-

сарай
у Сашиного
дома украшает
порванный
красный флаг
с серпом
и молотом

Плюшевые Альф
и Чебурашка
на заборе –
креатив Михаила
Борисовича

сок фильмов и книг, там и Сорокин, Пелевин. Было на спор: если не понравится – плачу триста рублей. Пару раз платил. Моя цель – всеобщее благо. Есть теория научного коммунизма, как его достичь. Град Китеж он и есть. Мне близки коммунистические идеи, но я не делал бы ставки на пролетариат и научно-технический прогресс: техника – то, что отчуждает человека от подлинной жизни. Земля и культура сохраняют в человеке истинность. Сорокин – болельщик о душе народной. А «Бобок» Достоевского близок к текстам Сорокина темой расчеловечивания.

Похоже, от жизни философ действительно далек: ищет связанные матерью шерстяные носки и жалуется, что не умеет штопать. Ну что ж, «голый коммунист», следуя формулировке Андрея Платонова.

АРЕОПАГ В ИЗБЕ

– Ты здешний? – грозно спрашивает Асташкин-старший у 25-летнего Романа, внука соседки. Роман приезжает с родителями на выходные из Петербурга и слушает философские штудии, сочувствует взглядам общины, но не готов их разделить. Молодой человек работает на заводе, институт бросил на последнем курсе. В теплой избе Михаила Борисовича он с упоением читает Хайдеггера, не отвлекаясь на Платонова, которого хозяин декламирует вслух. Вопрос ребром Роману явно не по душе.

– Вы о чем? – переспрашивает он. – Не очень.

– То есть городской, – рубит Михаил Асташкин. – Но ты понимаешь, что в городе – наши враги? Без деревни города нет. Город, как искусственное вымыло, притягивает все лучшие умы.

Провокация приводит к склонению, но диспозиция «свои» и «чужие» задана. «Чужой» должен прописаться или ретироваться. От спора – не всегда корректного – Асташкин-старший получает явное удовольствие. Формально он старается быть вежливым, потому что всем обращается по имени-отчеству. Однако Михаил Борисович не всегда терпим.

«Он там рабствует на заводе», — отзыается Асташкин о Романе, который, понятное дело, на эти вещи смотрит иначе. Но обаяние экзотического соседа притягивает молодую душу. Родители Романа к стилю жизни художника-философа относятся настороженно и недоумевают по поводу его претензий к соседям. По их словам, у деревенских есть повод сторониться Асташкиных, поведение которых порой можно счесть агрессивным. В общем, философия и созерцание в деревне есть, а понимание пока не назрело.

— С коренными жителями, — признается Михаил Борисович, — я чувствую чуждость определенную. Мне соседи говорят, что рады тому, что их дети уезжают из России. Как так? Из Родины! А я говорю: здесь надо жить! К культуре подшип больше, чем к политике. А сейчас народ отшиваются от культуры. Иногда хочется взять гранатомет и выстрелить в телевизор. Сам Асташкин сформулировал манифест своего сообщества любому дров так: философия — главная скрепа; трезвость; мужская модель поведения, или «равнение на дедов»; отказ от техники и технического прогресса, так как в деревне важно «заострение на утонченную музыку», а философ должен быть музыкально продвинутым; библиотека должна преумножаться умными книгами. Он подчеркивает, что сторонится славы и публичности, не навидит город как средоточие пороков и не гнушается пнуть рабочих, хотя на заводе инженером проработал считанные месяцы. Однако этого хватило, чтобы убедить Асташкина в том, что рабочий темен, глух к прекрасному, а его чаяния неозвучны философии. Он вообще эстет и гурман: настроил внутреннее зрение так, чтобы не видеть разрухи и чумазых пяток, однако не признает чая в пакетиках.

Философы сочиняют коллективный ужин, не отвлекаясь от бесед. Трапезничать члены общины предпочитают в избе Михаила Борисовича — так и теплее, и экономнее, да и вообще коммунизм в действии.

Художник Асташкин родную деревню называет «раем в душе, в котором есть баня, холмики, домик и растет ольха»

Быт не отвлекает философов от главного — раздумий и созерцания, пусть и через закопченное стекло

БРАТЬЯ-ФИЛОСОФЫ

У Асташкиных есть преданные друзья-единомышленники, которые купили два дома рядом и приезжают на выходные. Это братья Аленевские — Кирилл и Илья. Пять лет назад Александр Асташкин пригласил Кирилла в гости в деревню, и тому очень понравилось. Так друзья-философы стали соседями. Несовременностью вдохновленных лиц братья напоминают разночинцев, тоскующих по революции. Мятежный взор, бледность, борода и худоба усиливают впечатление. Они выросли в другой деревне, тоже в Псковской области, городскими себя не считают, хотя учатся в Петербурге. Кирилл — ровесник Александра, Илья на год моложе.

Кирилл — аспирант СПбГУ, защитил магистерскую диссертацию в Европейском университете. Его младший брат, Илья, получил высшее экономическое образование в Великом Новгороде, но, посетив философское кафе, понял, что промахнулся с выбором, и поступил в магистратуру СПбГУ на философский. Он кандидат философских наук. В Петербурге братья Аленевские завсегдатаи философских мероприятий в арт-центре на Пушкинской, где, по словам Кирилла, «освещается и продвигается самая передовая мировая мысль». В желании нести свет философии в деревню братья совпадают, намерены заниматься наукой и жить «своим трудом». Кирилл убежден: жизнь в деревне — это будущее. Упростить быт поможет квартира бабушки Аленевских в Великих Луках, которую сдают. Илья убежден, что, выбрав деревню, не сбегает от проблем, напротив, «проблемы обостряются, а суета уходит». Кирилл тяготится своей молодостью и рад, что это период проходящий, ведь «с опытом приходит мудрость». Интересуется политикой, но в выборах не участвует. Говорит, ему близ-

Михаил Асташкин в своей избе перед философской аудиторией: справа – Кирилл, слева – Александр

ки идеи коммунизма, «либеральный полюс ближе консервативного». При этом уточняет, что под либерализмом он подразумевает не современную политическую повестку, а движение к свободе. По убеждению Кирилла, лучшие из философов жили в нищете и готовили себя для самых суровых условий. Вот и Кирилл готовит себя к этому и считает, что философ не должен бояться бедности. Братья уверяют: мать прекрасно относится к выбору сыновей и готовится к переезду в философскую деревню, где у сыновей уже есть свои дома.

Женщин в философском братстве пока нет.

– Творческое начало есть в мужчине – не в женщине: женщин-философов нет. А женщина может вдохновлять. Хочется видеть больше умных женщин, свободных от эгоизма. Семья у нас дружная. Мама сказала: «Я знаю, что такое работа. И ты успеешь наработать, так что учись». Я человек скромный, хватало помочи родителей, на

работу не устраивался. И стыда и упреков это не вызывало, у нас не американская семья, – объясняет свои взгляды Илья. О браке Илья пока не готов говорить. Присматривается и мечтает. Его девушка – историк-аспирант – с интересом относится к взглядам Ильи. Братьев воспитывали бабушка и мама, которая работала

Андрей Платонов писал: «В Чевенгуре человек не трудится и не бегает». Философы заветы чтят

врачом, а недавно вышла на пенсию. Философы понимают, что в будущем должны будут содержать родных, которые пока помогают им деньгами и продуктами.

Илья уточняет, что опирается на русских писателей, например Андрея Платонова, который «смог увидеть, как идея коммунизма может быть реализована нашим народом». Готов ли философ Илья буквально воплотить замыслы Платонова и искать коммунизм, как Дванов, неизвестно. Но об общинном строе с косами и подводами Илье ух как мечтается! Говорит, не видит риска махнуть от общины к первобытному состоянию. В грезах Илья представляет Псковскую область экспериментальной «по развитию народно-крестьянской культуры». Например, можно затеять конкурс косарей. Но главное – философия... Вот и сокурсники в гости рвутся.

– В общино-дружеском поселении единомышленников не должно быть «нежелательных людей» – алкоголиков и предпринимателей, которые могут испортить экологию. Будем с ними бороться. Я даже Познеру писал, когда у нас хотели полигон построить. Познер не ответил, – подводит черту Илья. Он называет себя патриотом, потому, говорит, и вернулся на малую родину...

– Умерла кошка-то моя! Где же мне котеночка взять? Ему молока надо, а у меня нет! – рыдает глухая баба Шура, соседка философов.

Александр успокаивает старушку, обещая отдать напрокат своего Барсика.

Пока философское братство копит силы и мудрость в беседах, не отвлекаясь на обыденскую шелуху. Баба Шура хоронит кошку. Китеж-град строится. Мысль формулируется, происходящее происходит, и только кособокий сортир стоит в неизменном виде – как аллегория хаоса...

Симонов переулок 16

КАЗАНСКОЕ СЕРДЦЕ «ТОМ СОЙЕР ФЕСТ»

АВТОР

ЕВГЕНИЙ
РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ
СЕМАШКО

ДЛЯ ХОРОШЕГО ДЕЛА ИНОГДА
НУЖНО СОВСЕМ НЕМНОГО:
ИДЕЯ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ЗАХВАТИТЬ
ЛЮДЕЙ, БЛАГОРОДНАЯ ЦЕЛЬ
И ЭНТУЗИАЗМ, СПОСОБНЫЙ
СПЛОТИТЬ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ.
И ВСЕ ПОЛУЧИТСЯ!

Э

ТА ИСТОРИЯ НАЧАлась в 2014 году, когда самарец Андрей Кочетков придумал «Том

Сойер Фест» (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2016 год, статья «Краска, кисти и идея». – Прим. ред.). Цель фестиваля – привлечение к восстановлению исторической среды родного города неравнодушных горожан. За прошедшие пять лет «Том Сойер Фест» охватил почти 30 российских городов, где волонтеры обновили или воссоздали десятки объектов.

ДОМ, КОТ И ВОЛОНТЕР

В Казани акция «Том Сойер Фест» проходит уже в четвертый раз. Так что логотип фестиваля – белые буквы на красном фоне – здесь знаком многим. В Казани он заключен в затейливое сердечко, укращенное изящными завитками. Такие же украшают кованые козырьки старых деревянных домов Казани, фасады которых и обновляют волонтеры. Поместить логотип фестиваля в сердечко придумала координатор «Том Сойер Фест» в Казани Раушания Полосина. И это неслучайно: в последнее время Раушания пробует себя в роли художни-

ка. Между прочим, она нарисовала все дома, которые волонтеры уже обновили в столице Татарстана. Рисунки эти напоминают раскраски: для каждой части дома – крыши, фасада, крыльца, двери – задан свой цвет. Бери карандаши и краски и раскрашивай. Почувствуй себя волонтером-маляром, который, кстати, тоже изображен на каждой картинке – с ведерком краски и кистью в руках. Еще один обязательный элемент – кот, который сидит либо на крыльце, либо на крыше дома. Это потому, объясняет Раушания, что за какой бы дом ни брались «томсойеровцы», везде находился свой полосатый Васька или Тимка.

Картинки эти печатаются на почтовых открытках, доход от продажи которых идет на восстановление фасадов частных домов в рамках «Том Сойер Фест».

Раушания ведет нас по исторической части Казани и показывает дома, которые волонтеры обновили в предыдущие сезоны. Я держу в руках набор из двенадцати открыток и, смущаясь, признаюсь, что далеко не всегда могу признать в доме, изображенном на бумаге, тот,

что стоит на улице. Художница это не обижает. «Я дома, конечно, приукрасила, – признается Раушания. – Там, где дверь железная, я деревянную филенчатую изобразила. Орнаменты прибавила. Хотелось, чтобы было красивее!»

Такие открытки-раскраски, которые тоже придумала Раушания, больше не выпускают ни в одном другом городе – участнике проекта. Неслучайно отец-основатель «Том Сойер Фест», Андрей Кочетков, написав книгу о фестивале «Как люди берегут историю, а история – людей», предложил иллюстрировать ее именно Полосиной.

Три яруса
строительных
лесов пустыми
стоять не будут

Инструктаж
по технике
безопасности
от прораба
Рашита
Мухаметзанова

Помимо маек с логотипом фестиваля, заключенным в сердце, волонтеров объединяет желание делать людям добро

МИНИСТР, ЗАБОР И ДИПЛОМАТИЯ

Начинающая художница работает в казанском Музее чак-чака, который создала вместе со своим мужем Дмитрием Полосиным. Музей расположен в старинном двухэтажном особняке, находящемся в нескольких шагах от шумной улицы Габдуллы Тукая. «Именно с дома №33 на ней и началось открытие прошлогоднего сезона «Том Сойер Фест» в Казани. Впервые казанские волонтеры вели работы сразу на двух площадках – на улице Тукая в Старо-Татарской слободе и на улицах Волкова, Калинина и Достоевского в так называемой

«русской» части города». Все лето «томсойеровцы» с обеих площадок ходили друг к другу в гости, а отдыхать собирались в Музее чак-чака, где им предлагали сладости и чай.

Это сейчас дом №33 на улице Тукая выглядит нарядно и радует глаз. А прежде он имел неопрятный серенький фасад. Деревянную часть дома очистили и покрыли морилкой, каменную – заново оштукатурили. Вместо старого железного забора поставили деревянный длиной 20 метров. Покрасили его в бледно-розовый цвет. А поверху пустили резной орнамент, такой же, как тот, что украшает карниз дома.

А самым длинным забором, с которым пришлось работать казанским «томсойеровцам», оказался забор дома №66 по улице Волкова. Красить его помогал министр культуры Владимир Мединский. И как же расстроились волонтеры, когда узнали, что хозяин дома прорубил в заборе дыру, чтобы через нее зимой снег со двора на улицу выбрасывать! «Скажи он заранее, мы ему бы калитку поставили, – удивляется Раушания и, грустно улыбаясь, добавляет: – С жильцами домов, фасады которых обновляют волонтеры «Том Сойер Фест», скучать не приходится!»

Во-первых, объясняет координатор, хозяевам не всегда понятно, зачем нужно обновлять фасад старого дома. Во-вторых, визит большой компании волонтеров многих настораживает. В-третьих, они не верят, что обновление фасада не будет стоить им ни копейки. Переговоры превращаются в длинный дипломатический процесс. И на этом трудности не заканчиваются. В одном доме в разных квартирах могут жить несколько жильцов, которые между собой договориться не могут. Из-за этого как-то раз пришлось один дом два раза перекрашивать. Сначала волонтеры предложили покрасить его в серо-голубой цвет. А после того, как дело было сделано, кому-то из жильцов такое обновление не понравилось. Пришлось перекрашивать дом в бежевый цвет. Теперь, говорит Раушания, с жильцами заранее берутся расписки, чтобы в дальнейшем не возникали разногласия.

Перед тем как выбрать, в какой цвет красить дом, волонтеры «докапываются» до самой первой краски. Правда, возвращение дому первоначального цвета не всегда является лучшим решением. «Томсойеровцы» выступают за то, чтобы обновленный дом выделялся на улице. К примеру, дом №12 на улице Достоевского первоначально был зеленым. Волонтерам удалось переубедить жильцов и покрасить его в другой цвет, после чего дом перестал сливатся с деревьями и другими зданиями.

Раушания Полосина довольна, как на этом доме в Старо-Татарской слободе восстановили деревянный орнамент

КИСЕЛЬ, МОРОЖЕНОЕ И ВАЗОНЧИК

Но какие бы трудности с жильцами ни возникали, Раушания с радостью вспоминает первые дома, с которых в 2016 году началась работа «Том Сойер Фест» в Казани. Например, волонтерам очень повезло с хозяином дома №16 по улице Ульянова-Ленина Вадимом Николаевичем Печниковым. Престарелый преподаватель одного из казанских вузов рассказал об истории своего дома и о том, что жившая здесь сестра его жены дружила с Федором Шалапиным. Он радовался каждому визиту волонтеров, поил их чаем и повторял, что молодежь внесла яркие краски в его одинокую жизнь. Взять хотя бы историю с туристами из Египта, которые просто проходили мимо, поинтересовались тем, что происходит, а затем попросили кисти и стали помогать красить фасад. Кстати, на него волонтеры потратили два месяца, а старинную металлическую дверную ручку Раушания до сих пор во сне видит: ее так долго пришлось оттирать от старой краски!

Потом волонтеры взялись за дом №80 по улице Волкова, так Вадим Николаевич приносил им туда целые ящики мороженого. А хозяин дома Константин Лебедев варил для «томсойеровцев» кисель в большой кастрюле. Во дворе у него притулился старый «мерседес», капот которого он посоветовал использовать как обеденный стол. Сначала Константин помогал волонтерам, а затем взялся самостоятельно переделывать свои большие деревянные ворота. Захотел, чтобы они имели «старинный вид».

В 2017-м волонтеры обновили четыре дома. А в прошлом году казанский «Том Сойер Фест» пошел на рекорд: обновил фасады у пяти домов. Вообще-то должны были покрасить шесть. Но последний дом, Беркутовых, оказался объектом культурного наследия муниципального значения. Сезон заканчивался, и координаторы побоялись, что спешкой могут испортить дело. «Нас иногда любителями и дилетантами называют, – объясняет Раушания. – А ведь мы

бережем репутацию «Том Сойер Фест»! А вот и дом Беркутовых».

Одноэтажный угловой дом №11 по улице Фатыха Карима утопает в зелени так, что не сразу и разглядишь высокие окна с резными наличниками. Здесь живут потомки врача 5-й полицейской части Казани Николая Беркутова, который бесплатно помогал бедным людям. Этот дом является объектом культурного наследия, он станет первым таким домом в России, к реставрации которого допустят волонтеров. Возможность эта появилась после принятия поправок к федеральным законам «Об объектах культурного наследия» и «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Проживающие в доме

семьи поддерживают его как могут, но особняк лишился красивого навеса и трех аттиков. Зато сохранились резной карниз, деревянные наличники и красивые лопатки. «На чердаке обнаружили вазончик на тумбе – такими раньше украшали крышу, – рассказывает Раушания. – Специалистыпустят его в работу. Если удастся восстановить утраченные элементы, то к дому вернется парадность, которая делала его жемчужиной главной площади Старо-Татарской слободы. Конечно, работа волонтеров будет вестись под наблюдением специалистов, в том числе из Татарстанского республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры».

Какое обновление фасада без восстановления страховой таблички?

Всем детям интересно потрогать старинные предметы обихода

Впервые за историю «Том Сойер Фест» в Казани благотворитель пожертвовал миллион рублей на резной аттик дома Беркутова. Так что всю нынешнюю зиму шли подготовительные работы к обновлению фасада.

Раушания проводит пальцами по старым доскам дома и вздыхает: такой слой краски сразу не сокоблишь. Труд волонтеров, которым достанется самая монотонная и грязная часть работы, будет тяжелый. Раушания знает об этом, поскольку сама уже счищала старую краску со стен железной щеткой. Она понимает, что реставрация этого дома собирает обильный урожай мозолей, заноз, слез и кашля.

ПАСТИЛА, ВЫСОТКИ И ПУМА

Раньше Раушания и ее муж Дмитрий работали в Москве, в свободное время любили бывать в музеях. Как-то они добрались до Музея пасты в Коломне (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2009 год, статья «Музей со вкусом». – Прим. ред.). Он им так понравился, что, вернувшись в Казань, они открыли Музей чакчака. А затем они познакомились с бывшим экскурсоводом, помощником президента республики Олесей Балтусовой и заинтересовались проблемами сохранения городской исторической среды.

А потом случай привел их в Самару, где они обратили вни-

мание на красивые свежепокрашенные деревянные жилые дома. Тогда они ничего не знали о «Том Сойер Фест», самарские волонтеры которого еще не успели повесить на обновленные дома соответствующие таблички...

Есть много программ по сохранению исторически ценных и градоформирующих архитектурных объектов. А вот дома из жилой среды остались без внимания. О том, как сохранить их облик, Раушания и Дмитрий впервые услышали на семинаре в городе Зеленый Дол, где обсуждали, как решить проблему с «полукамушками». Так называют старые дома, у которых первый этаж каменный, а второй – деревянный. На том же семинаре о запущенном в Самаре проекте «Том Сойер Фест» рассказывал его основатель Андрей Кочетков. Олеся Балтусова потенциал проекта оценила сразу и предложила перенести его в Казань. «Но если имя самарского «Том Сойер Фест» уже гремело на всю страну, они могли идти по Самаре и выбирать дома, то в Казани и сейчас такого нет, – говорит Раушания. – Старых жилых домов в историческом центре Казани осталось мало, их жители разобщены. Когда мы знакомились с ними и рассказывали о проекте, то видели, что люди нас не понимают. Нам не доверяли. Люди жили как изгои в городе. А их дома среди высоток напоминали островки».

Пока Раушания рассказывает, мы поднимаемся на холм к деревянному трехэтажному дому. Этот особняк на улице Волкова со всех сторон окружают высотки, а рядом возводится еще одна...

– Я не предупредил. Бабушка умерла в этом марте, – сообщает встречающий нас хозяин дома Алексей Прокопчик.

Когда Олеся Балтусова, Раушания и другие волонтеры впервые пришли в этот дом, то его хозяйка, бабушка Алексея, Галина Петровна, угостила их чаем

Создатели
Музея
чак-чака
Дмитрий
и Раушания
Полосины

и рассказывала удивительные истории. Дом был построен в 1891 году каким-то купцом как доходный, а в 1917-м национализирован. В 1930-е годы в него въехал сотрудник казанского банка Петр Селиверстович Антипов, отец Галины Петровны и прадед Алексея. Со временем владельцами деревянного особняка оказались Галина Петровна, ее внук и их сосед Марат. Волонтеры обошли по периметру дом, обозначили фронт работ. Олеся Балтусова поинтересовалась у Алексея, какой ему представляется судьба дома. «Томсойеровцам» понравилась идея хозяина сделать из особняка туристический объект, основываясь на истории, которая в нем приключилась. Оказывается, в конце 1970-х годов Галина Петровна забрала из казанского зоопарка... детенышней льва, леопарда и пумы! По каким-то причинам в зоопарке кормить малышей было нечем. Для хищников пришлось построить вольеры в коридоре. Но о том, как животные бегали по всем трем этажам, говорила тогда вся Казань! Спустя полтора года Галина Петровна рассталась с подросшими питомцами: льва она передала приехавшим на гастроли в Казань дрессировщикам Багдасаровым, леопарда – Запашным. А пуму вернула в зоопарк. В эту историю трудно было бы поверить, если бы не сохранившиеся многочисленные фотографии. Вот Алексей и решил составить экспозицию из старых снимков и предметов быта. Если ему это удастся, то Раушания готова лично рекомендовать гостям своего музея посетить дом №14 на улице Волкова...

Кстати, на доме чудом сохранилась страховая табличка, прибитая сто лет назад. Густые ветви деревьев помешали коллекционерам разглядеть и украсть ее, что давно уже стало привычным в Казани. С раритета сделали копии, и в этом сезоне они займут свое место на фасадах других обновленных домов...

КОЗЫРЕК, СЕРДЕЧКО И ПРОРАБЫ

– Мыши и крысы тут есть? – интересуются у прорабов девушки-волонтеры, пришедшие на работу.

– У нас случаев травматизма не было ни разу. Шмели кусали и осы, когда их гнездо нашлось на чердаке! Да и собаки с нами дружат! – обиженно отвечают прорабы, раздавая из большого ведерка щетки с железной щетиной.

Дом №12 на улице Калинина старый, 1905 года постройки, его шкурить и шкурить надо. Старший прораб Фоат Сафин и его помощник прораб Рашит

Мухаметзанов работают с «Том Сойер Фест» с 2016 года. Насмоглились с этими волонтерами всякого, но привыкнуть к их шуточкам и розыгрышам до сих пор не могут. Прорабы обозначают волонтерам фронт работ, контролируют, выдают инструмент, проводят инструктаж и заставляют расписываться в журнале техники безопасности. На его страницах стоят подписи юристов, программистов, парикмахеров, архитекторов, финансистов, таксистов, журналистов. «Даже профессора к нам приходят!» – усмехаются прорабы.

Первый день работы «Том Сойер Фест» 2019 года в доме №12

Дом №78 на улице Волкова тоже побывал в руках волонтеров казанского «Том Сойер Фест»

Историю хозяйки дома, которая приютила трех хищников, планируется использовать для привлечения туристов

Дом Печникова. С него «Том Сойер Фест» начал шествие по Казани

на улице Калинина начинается с объятий волонтеров, которые всю зиму не видели друг друга. А новички знакомятся с новыми друзьями и рассказывают о себе.

– Почему баннер не повесили? Еле разыскала! Два раз мимо

прошла! – кричит волонтер Лилия Узинская. Дом находится в глубине улицы, которая застроена многоэтажными домами. Его действительно не сразу найдешь. А Лилии надо еще подруге Ире объяснить, как сюда добраться.

Баннер с логотипом «Том Сойер Фест» завезен на объект еще несколько дней назад, но развешивать его прорабы не решаются. Пусть сами организаторы устанавливают. «Всегда у них с неразберихи начинается!» – всплескивают руками седовласые прорабы.

Прорабы с рабочими заранее установили вокруг дома леса, освободили фасад от ветвей, приготовили инструмент. Краску пока не завезли, поскольку не определились с цветом, в который будут красить дом. Прорабы знают многих волонтеров. Вот Лилия Узинская, которая работала и в прошлом

году, вот жена Константина Лебедева, который волонтеров киселем кормил, а вот и Алексей Прокопчик появился. Прорабы выглядывают в толпе еще одного волонтера, но пока не видят «венгерку». Так они называют секретаря генерального консула Венгрии в Казани Анну Халмощ. Но «венгерки» нет. Зато появились другие иностранцы: польская студентка из Познани Александра Туровская привела своего друга Патрика. Фоат Рашитович и Рашит Мустакович признаются, что после первого сезона, 2016 года, хотели отказаться от совместной работы с шумными волонтерами. Но веселая атмосфера их опять заманила.

Прорабы знают, что в этом году в списке домов впервые появятся два особняка, относящихся к объектам культурного наследия. Значит, ответственность будет еще больше, работы будет контролировать ВООПИК. «А переложат все на нас...» – вздыхают прорабы.

– Хорошо, что на новых объектах железных деталей нет, – радуется бородатый кузнец Ян Тинчурин. – Вместо того чтобы сидеть в «берлоге», буду в хорошей компании работать.

Ян наблюдает за суетой волонтеров, которые переодеваются в майки с логотипом, и усмехается. Он-то знает, откуда взялось это затейливое сердечко. В 2016 году его попросили помочь с восстановлением железных деталей дома на улице Ульянова-Ленина. Ян их почистил, покрасил, повесил железные подставки для надомных флагжков. Тогда люди с кистями и красками на лесах показались ему странными. Но когда в 2017-м его снова позвали на помощь, он сразу согласился. Надо было обновить кованый козырек над крыльцом дома №42 на улице Волкова. В узорах этого козырька, восстановленного Яном, наблюдала Раушания и разглядела сердечко. Стилизовала его и использовала для логотипа казанского «Том Сойер Фест»... ■

Старинные страховые знаки возвращаются на фасады

ГОСПОДА ХАМОВНИКИ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

МИЛАЯ СЕРДЦУ ИЗЛУЧИНА МОСКВЫ-РЕКИ В САМОМ ЦЕНТРЕ ГОРОДА... ОТ ХРАМА ХРИСТА ДО НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ – ЧУТЬ МЕНЕЕ 4 КИЛОМЕТРОВ. ОТ ФРУНЗЕНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ ДО НАБЕРЕЖНОЙ САВВИНСКОЙ – 2 С ПОЛОВИНОЙ. И ДВЕ УЛИЦЫ, КАК ДВЕ ПУТЕВОДНЫЕ НИТИ, ВЕДУТ ОТ КРЕМЛЯ НА ЮГО-ЗАПАД: ОСТОЖЕНКА И ПРЕЧИСТЕНКА. НА САДОВОМ КОЛЬЦЕ БЕЗ ВСЯКИХ ЗАТЕЙ ПЕРЕХОДЯТ ОНИ ПОЧТИ ПО ПРЯМОЙ: ОСТОЖЕНКА В КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОСПЕКТ, ПРЕЧИСТЕНКА В БОЛЬШУЮ ПИРОГОВСКУЮ.

X

А-МОВ-НИКИ... ПРИ-
чудливое, неповтори-
мое, а теперь и элит-
ное место Москвы!

Посчастливилось провести
здесь две полновесные пяти-
летки.

Собираясь вновь, без всякой на-
добности, в эти места, заранее ра-
дуешься и на погоду внимания
не обращаешь. Хорошо здесь в
любое время года.
А если что – транспорт давно отла-
жен. С юности знакомые номер-

ки троллейбусов и автобусов – 15, 31, 28, 64... Эти не подведут. И станции метро – «Кропоткин-ская», «Парк культуры», «Фрунзен-ская», «Спортивная» – не подве-дут тем более.

А теперь еще на Хамовническом Валу, где кажется, что как раз тут, вот на этом самом, та-ком длинном холме, Москва и заканчивается, станция МЦК появилась. «Лужники» называ-ется. Садишься, когда устал... 15 минут – и ты дома, на родной 5-й Кожуховской...

Нет ничего лучше, дорогие граж-
дане, чем ходить и гулять здесь
пешочком, никуда специально
не стремясь, и вспоминать, срав-
нивая времена, да поглядывать
по сторонам.

Ха-мов-ники... Не встречал чело-
века, который бы не любил эти
места. Да и зачем мне встречать
такого?

Парк
Мандельштама –
зеленый уголок
в центре
Москвы.
Когда-то
здесь плавали
лебеди –
черные и белые

черные и белые, с длинными
шеями и безусловно аристо-
краты в душе. А рядом работя-
ги – утки, эти простых кровей...
И воздух, на фоне горячего мос-
ковского лета, тут совсем иной,
иные ароматы, звуки, тени.
И никто никуда не торопится –
пенсионеры с газетами и шах-
матами, симпатичные девушки
с книжками и конспектами,
молодые мамы, чинно беседую-
щие у детских колясок...
Имеется эстрада – на воздухе.
На такой эстраде чуть позже вы-
ступит Аркадий Велюров в «По-
кровских воротах» Михаила Ко-
закова... А вот и футбольное
поле с песочком и железными
воротами. Наметанным глазом
прикинул: метров 40 в длину,
15 в ширину, семь на семь в са-
мый раз играть можно.

С трудом из парка ушел – вуз ис-
кать. Но вуз, а точнее, его вну-
треннее убранство добило меня
окончательно. Теперь атриум
бывшего МПГИ и его лекцион-
ные аудитории, полные света
и дерева, не знает только лени-
вый – их показывают во многих
фильмах и сериалах, начиная,
кажется, с шахназаровского «Мы
из джаза»... Попав в это архите-
ктурное дворянское великолепие
после родной кирпичной школы-
ной пятиэтажки – я просто обал-
дел. Потерял дар речи. Я сразу
понял, что хочу учиться только
здесь и нигде более. А винтовая
лестница в полумраке на третий
этаж? А венские дореволюцион-
ные стулья в читальном зале?
А заброшенный вестибюль – «со-
бака», где в подвале архив? А бу-
фет под сводами? А могучие две-

Впервые оказался здесь поздно-
вато, в 17 лет... Отдав 2 копейки в
справочной на Савеловском вок-
зале, выяснил адрес Московского
педагогического института – Ма-
лая Пироговская, дом 1. Ничего
мне это название не говорило, но
добродушная дама из окошка
подсказала: «Это у метро «Фрун-
зенская», а там рядом, спроси-
те...» Так на метро и приехал.
А сразу за метро, слева, – спра旺-
то проспект привычно шумит,
а напротив знакомые физиономии
у вывески «Котлетная» тол-
пятся – за оградой обнаружил
парк, абсолютно мною неожи-
даемый.

Огромные старые липы, сосны,
березки, яблони, вишни, удоб-
ные скамейки-диваны... И гор-
батые мостики перескакивают
через изгибающийся неболь-
шой пруд. А в пруду – лебеди,

Московский
Дворец
молодежи (МДМ),
построенный
в 1988 году,
словно взял
под крыло
станцию метро
«Фрунзенская»,
открытую
в 1957 году, одну
из последних,
выстроенных
в стиле
сталинский
ампир

ри с именными табличками и учеными званиями первого этажа? А курилка на входе? Изгиб самого здания, вроде и не слишком высокого и большого, но полного воздуха, выводил на две улицы сразу...

Да и дворик приметный. Слева от нас учатся врачи, справа – «тонкие химики», а в самом центре, для всех студентов – обыкновенная, знакомая «стекляшка-пельмешка», очередь от входа... Три здания, а в серединке дворик, деревья кругом, кустики, скамейки – отдельный такой мирок, куда надо еще поступить, вписаться. По соседству – троллейбусный парк, тоже неплохо...

А кругом – много военных, в том числе из дружественных стран Африки, Азии и Латинской Америки. Они всегда сосредоточены и серьезны, и мундиры их кажутся почему-то смешными, сказочными, как из мультфильмов. Они учатся здесь в академии. И ходят они по Хользунову переулку с дипломатами или строгими папочками черного цвета.

Дворец культуры завода «Каучук» построен в 1929 году по проекту архитектора Константина Мельникова. Памятник архитектуры советского авангарда. Ныне в аварийном состоянии...

И дворянские усадьбы – посольства, и причудливая архитектура многих зданий на Пироговке, и скверы Девички, и неожиданный тихий дворик из знакомых серых пятиэтажек, где в самом центре сушится на веревках свежестираное белье, и стадиончик «Буревестник», и Дом культуры завода «Каучук», и близость башен Новодевичьего монастыря, и молчаливые стены архивов – все это вместе создавало уникаль-

ную, радостную атмосферу. Надо было лишь суметь разглядеть, почувствовать ее.

Сказать ли? Многим из нас, наверное, не так уж хотелось учиться педагогике и истории, но всем хотелось пожить, побывать, насладиться, встретиться с этим неповторимым, единственным в Москве мирком. Мы редко прогуливали занятия, которые начинались в 8.00, а в 13.30 уже заканчивались. И частенько после занятий мы шли

Стадион «Буревестник» на Плющихе – один из старейших в Москве. В конце 80-х годов прошлого века один из центров студенческого спорта столицы

играть в футбол в Парк Мандельштама, названный так не в честь поэта, а в честь местного революционера.

Избранность этих мест я ощущал сразу. И дело не только в конкурсе в институт – семь человек на место. По-моему, из-

брannость поселилась в Хамовниках очень давно.

Еще с тех пор, как царь Михаил, первый из рода Романовых, расселил здесь ткачей из Твери, расселил потому, что изделий из льняного полотна (хама, как тогда говорили) в столице существенно не хватало. Ткачи высокой квалификации обслужива-

Церковь Николы в Хамовниках выстроена на деньги местных жителей – ткачей, поселенных здесь династией Романовых

ли не только царский двор, но и всю Москву, имели особый статус и привилегии. Хамовный двор, Хамовная слобода – отсюда и пошли Хамовники. Поселиться на жительство в Хамовники было невозможно. Государево ткацкое дело охранялось от пришлых. Но и жители Хамовников не имели права покидать эти места или выдавать своих дочерей и сестер замуж в иные московские слободы. По мнению историков, само слово «хам» попало в Москву из Новгорода или из других северо-западных районов Руси, которые и были основными поставщиками льна на государев Хамовный двор.

Ткачи, поселившиеся на Девичьем поле и у стен монастыря, называли себя хамовниками. Знаменитый храм Николы в Хамовниках выстроен в честь покровителя ткачей на средства местных жителей в 1676–1678 годах.

Теперь, чтобы уточнить месторасположение храма для приезжих, местные жители прибав-

Приветливая Девичка – рай для влюбленных

Знаменитая Погодинская изба на Девичке выстроена в 1856 году по проекту архитектора Николая Никитина на средства мецената Василия Кокорева в дар историку Михаилу Погодину в его московском имении. В гоголовские времена использовалась как гостевой флигель

ляют: «Храм Николь? Это у метро «Парк культуры», направо». Хотя исторически, скорее, наоборот – это метро появилось не-подалеку от храма. Причем сравнительно с храмом – недавно. Таковы причуды времени. Государевы ткачи-хамовники дали название одному из самых престижных районов Москвы. Теперь и Остоженка, и Пречистенка входят в административный округ Хамовники. А при советской власти это был Ленинский (тоже избранность!) район столицы.

Ну а для меня лично Хамовники – это литературный и артистический край. Смотрите! Сам Лев Николаевич Толстой живет в Хамовниках аж десять лет, правда в основном зимой. Именно в Хамовниках его навещает молодой писатель Иван Бунин.

«– Как прикажете доложить?
– Бунин.
– Как-с?
– Бунин.
– Слушаю-с».

Памятник Льву Толстому в сквере на Девичке поражает монументальностью исполнения. Открыт в 1972 году. Как оценил бы памятник сам граф – вот вопрос...

И дальше в своем знаменитом очерке «Толстой» нобелевский лауреат повествует:
«– Бунин? Это с вашим батюшкой я встречался в Крыму? Вы что же, надолго в Москву? Зачем? Ко мне? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никак не может быть

целью жизни... Садитесь, пожалуйста, и расскажите о себе...»

Все это происходит в Большом Хамовническом переулке, ныне улице Льва Толстого, зимой 1894 года.

А 9 мая 1840 года неподалеку, чуть западнее, на нынешней улице Погодина, происходит одна из многих встреч Николая Гоголя с писательской Москвой. На ней присутствует и Михаил Лермонтов, читавший «самому» Гоголю «Мцыри». После этой встречи Лермонтов уедет на Кавказ и не вернется. Гоголь же будет жить в доме Погодина еще много раз, причем не один, а даже и с сестрами. Именно здесь, на окраине Девичьего поля, он впервые прочтет москвичам отрывки из «Мертвых душ», будет работать над «Тарасом Бульбой» и «Портретом». Городская усадьба историка Михаила Погодина, один из литературных центров столицы, будет разрушена бомбежкой в годы Великой Отечественной войны. Уцелела только изба, игравшая роль флигеля. Но и она нынче знаменита.

А на Большой Пироговской улице, в доме 35, будет проживать с 1927 по 1934 год, мучаясь и творя, любя и ненавидя, Михаил Афанасьевич Булгаков. Именно в этом доме придет к нему третья любовь. И именно из него он переедет в писательский дом в Нащокинском переулке. О новом доме он напишет Вересаеву не без иронии:

«Замечательный дом, клянусь! Писатели живут и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и сбоку.

Молю Бога о том, чтобы дом стоял нерушимо. Я счастлив, что убрался из сырой Пироговской ямы. А какое блаженство не ездить в трамвае! Викентий Викентьевич! Правда, у нас прохладно, в уборной что-то не ладится и течет на пол из бака, и, наверное, будут еще какие-нибудь неполадки, но все же я счастлив. Лишь бы только стоял дом».

На Пироговке у Булгакова была квартира из трех комнат, с кух-

Памятник Михаилу Булгакову на Большой Пироговской.
Автор – архитектор Георгий Франгулян.
Открыт в ноябре 2018 года.
Как найти?
По соседству – автобусная остановка «Абрикосовский переулок»

Больничные корпуса на Большой Пироговской решены в классической манере старого, доблого XIX века

ней и ванной, но в цокольном этаже, отсюда, видимо, слова о сырой Пироговской яме.

Дом №3 в Нащокинском переулке (улице Фурманова) снесут в конце 70-х годов XX века. От дома на Пироговке, уверяют булгаковеды, осталась одна стена. Тем не менее заявили недавно о создании здесь в самом скромном времени музея писателя. А вот на Остоженке недавно открылась после ремонта «усадьба Тургенева». Надо бы зайти...

В начале 2000-х я работал на московское правительство. Служил в департаменте спорта. Хорошее было время. Редакция принимала на 3-й Фрунзенской улице.

Целых пять лет я вновь входил и выходил из метро «Фрунзенская», где напротив, вместо «Котлетной», красовалось кафе с искусственной черно-белой коровой при входе, в Парке Мандельштама запретили сначала выпивать, а потом и курить, где выстроили Дворец молодежи и показывали мюзиклы, исчез троллейбусный парк, но в целом пейзаж сохранился, как говорит- ся, без больших изменений.

Проживающие здесь люди сумели укоротить даже городские власти, решившие однажды существенно расширить Комсомольский проспект.

Куда там!

Лично наблюдал, как носились в поту телевизионщики, поправляя на ходу микрофон и камеру и снимая одно тревожное собрание жителей за другим. Комсомольский проспект улучшить не удалось! Он все так же красив, как был. Он толково спланирован властью, которую за последние десятилетия в чем только не обвиняли!

Великолепные сталинские дома и великолепные квадратные дворы, удачно вписанные в них аккуратные домики «эпохи развитого социализма» из желтого кирпича... Пройтись по этим местам и позавидовать местным жителям – в нашей редакции завидовали все!

Новостройки от нового мэра и его команды пришлились на более тихие места – в частности, на улицу Усачева, улицу Ефремова. Там вдруг взлетели апартаменты до небес, как в прямом, так и в переносном смысле. Но Комсомольский проспект и дворы, прилегающие к Фрунзенской набережной, тронуть, повторюсь, не сумели. Не смогли.

А потому выглядят они так же прекрасно, как и тридцать, и сорок лет назад. И, гуляя в этих дворах, я встречал и Николая Губенко, с батоном в сеточке, и всегда усталого, но боевого Михаила Ефремова, изящного и задумчивого Игоря Костолевского, Ивана Бортника, в новом джинсовом костюме и с сигаретой, нагруженного снедью Михаила Кокшенона и много кого еще из нашего кинотеатрального мира. И у мемориальной доски Евгению Леонову как не замедлить шаг? Многих молодых артистов и артисток я просто не знал по фамилии, но видел в бесконечных сериалах. Время погулять по дворам было. Мы изготавливали культурный жур-

нал о спорте, с периодичностью четыре номера в год.
Усачевский рынок ныне, как все подобные заведения, и прокормит, и развлечет, и кошелек облегчит

нал о спорте, с периодичностью четыре номера в год.
В нашем журнале лишь первые 20 страниц рассказывали о достижениях департамента, остальные 70 отдавались чтиву. В героях номера у нас бывали барон Врангель, Айседора Дункан, Антон Чехов, Жерар Депардье, Стивен Сигал, Николай Рубцов, Владимир Высоцкий...

Мы печатали стихи и рассказы. Короче говоря, пытались продолжить забытые традиции журнала «Физкультура и спорт» 60-х... Заодно мы выпускали героический еженедельник на двух полосах, размещая его вкладышем в одну популярную городскую газетку. Департамент платил за это газетке немалую сумму.

Да и нам платили отлично, а в конце года давали премию, что лично мне напоминало советские времена...

И вдруг пришел новый мэр. Побежала в разные стороны волна назначений и отставок. Нашим департаментом командовал отставной капитан дальнего плавания. Новый мэр заменил его неким полковником или генералом из краповых беретов. Капитану дальнего плавания наш журнал нравился, краповому берету – нет. Его влекло телевидение больше, чем печатная пресса. Нас всех уволили в одночасье, выдав каждому по три оклада за проявленное благородство. Нас вышибли из Хамовников...

Когда я гуляю по Фрунзенской набережной, наблюдая генеральские дома, или качусь себе на троллейбусе №79 в сторону Лужников, всегда вспоминаю то славное время. «Тишина, покой, порядок» – так бы я его озаглавил. Схожие мысли ощущаю, прогуливаясь изредка по Новодевичьему монастырю.

* * *

В старых Хамовниках, за Садовым кольцом, нет площадей в точном значении этого слова. Зато здесь все удивительно пропорционально придумано и выстроено, всего тут в самый раз, без излишеств и чрезмерной московской вульгарности. Здесь хорошо сочетаются камень и дерево, жилая застрой-

Уютный Комсомольский проспект. На снимке: знаменитый вираж – к метро «Парк культуры»

У воды. Вечный гранит Фрунзенской набережной

ка и скверы, дворы и переулочки. Знания и дела многих эпох словно уравновешены именно здесь. Нет, время здесь не остановилось. Оно просто никуда не спешит.

Если не верите, начните от Плющихи. Через сквер сверните на Пироговку. Затем, по Хользунову переулку, мимо МПГУ, в парк, а после, через проспект, вниз, наискосок, дворами – к реке, с открывающимся там видом на Нескучный сад и на Воробьевы горы...

Моя жена говорит: «Хамовники – это оазис. Но не для всех». В Хамовниках хорошо гулять, работать, влюбляться, хорошо здесь учиться и очень хорошо жить. Эх, если бы вся Москва была бы Хамовниками... Но, видимо, так не бывает. Потому и приходишь сюда – отдохнуть от иной, суэтной, шумной, слишком многолюдной и перегруженной, от изрядно перестроенной и перестраиваемой, мегаполисной нашей Москвы. ☺

ТРОИЦКИЕ КРУГИ

АВТОР

АНАСТАСИЯ НЕЧАЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НА ВЫСОКОМ ПРАВОМ БЕРЕГУ ВОЛГИ, В МЕСТЕ,
ГДЕ ДУХ ЗАХВАТЫВАЕТ ОТ КРАСОТЫ ПЕЙЗАЖЕЙ,
СТОИТ СЕЛО БЕЗВОДНОЕ. ИСТОРИЯ ЕГО УДИВИТЕЛЬНА,
КАК УДИВИТЕЛЬНО И НАЗВАНИЕ: У БОЛЬШОЙ РЕКИ СЕЛО,
А ПОЧЕМУ-ТО – БЕЗВОДНОЕ.

В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА славилось село своими бортниками да мастерами по изготовлению всякой всячины из металла: сита, цепи для флота, медная да латунная нить. Подобную работу часто выполняли незрячие люди, так что в Безводное их приезжало немало. И потому называли село «слепой столицей Поволжья».

Какое ж село без храма? Здесь он был возведен в честь Живоначальной Троицы, так что престольным праздником села была и остается Пятидесятница. Этот двунадесятый праздник отмечается в воскресенье, на пятидесятый день после Пасхи, он посвящен сошествию Святого Духа на апостолов в Сионской горнице в Иерусалиме. После этого апостолы заговорили

на разных языках для проповеди христианства разным народам. Считается, что в этот день родилась Вселенская апостольская церковь.

До 1930-х годов прошлого столетия в Безводном еще отмечали Троицу, а затем, по понятым причинам, перестали. Так и канули бы в небытие местные традиции празднования Троицы – троицкие круги, но и

тут приключилось нечто удивительное в истории Безводного. В 2002 году в село нагрянули энтузиасты из Москвы. Участники центра «Русские начала» (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2019 год, статья «Хранители». – Прим. ред.) и фольклорной студии «Поварская слобода» и сами не ожидали, что найдут здесь такой богатый материал: были собраны воспоминания старожилов о праздновании Троицы и троицких кругах, записаны местные песни и восстановлен традиционный костюм села. А через год москвичи вновь приехали в село, привезли сшитые костюмы, разучили песни и возродили традицию троицких кругов. На берегу, где

стоит Безводное, есть плоские поляны, которые местные называют венцами. Раньше на Троицу жители села выходили на эти венцы и водили троицкие круги (хороводы), исполняя троицкие песни: «Из-за лесика, лесу темного», «Как по морюшку», «По лугу-лугу», «На заре было, на зорюшке», «Во субботу день ненастный», «Ехал пан, гулял пан». «Это было невероятно здорово – вдруг село опять запело, – рассказывала руководитель «Русских начал» Татьяна Валькова. – Я помню это впечатление. Было ощущение, что ты с Божьей помощью сделал что-то необыкновенно хорошее. Старики со слезами на глазах вспоминали, как они в детстве водили хороводы».

С тех пор каждый год в Безводном водят троицкие круги.

Но сначала – как и положено на Пятидесятницу – служба в храме и крестный ход. Церковь по традиции украшают цветами и зелеными ветками, ставят у Царских врат срубленные молодые березки, а пол устилают свежескошеннной травой. Неслучайно праздник Троицы называют в народе Зелеными святками – это отголосок славянского языческого праздника Русалий (Навья, Русалья неделя), связанного с началом лета, ростом трав и деревьев. Девушки плели венки и украшали цветами, травой и ветвями дворы, дома и горницы. В центре сел и деревень устанавливали высокие

жерди, украшенные зеленью и цветами, и водили вокруг них ритуальные хороводы. А еще во время Русалий просили о дождях и хороших урожаях, причем делали это весьма нетривиальным способом. Собранные букеты нужно было... оплакать. Обычно женщины с букетиками собирались у колодца, где и проводили этот обряд. А оплаканные цветы хранили до следующих Русалий, считая их защитой от засухи.

Отсюда и пошла православная традиция «плакать на цветы» во время Троицы. Помните, как у Сергея Есенина?

*Троицко утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.
Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.
На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.
Только у православных традиция приобрела иной смысл:
считается, что букет должен состоять из количества цветов*

или веток, равных числу грехов того, кто пришел в церковь на праздник. И, плача на цветы, христианин оплакивает свои грехи и раскаивается в них. А после крестного хода начиналось народное гулянье. Девушки надевали особые, праздничные, «троицкие» наряды, плели венки из березовых веток и шли в лес «развивать березку». Заранее выбранную и «завитую» березку срубали, украшали лентами и цветами, а затем обходили

с этим деревцем всю деревню. Затем в центре села березку втыкали в землю и начинали водить вокруг нее хороводы. А вечером с березки снимали ленты и цветы и торжественно несли к реке – «топить». Одновременно девушки снимали венки из березовых веток и пускали их плыть по реке, часто приговаривая: «Плыви мой венок на тот бережок, кто поймает мой венок – тот будет женишок». Кстати, на Троицу крестьяне никогда не ку-

пались в реке или озере. Запрет этот тоже пришел из славянского язычества: считалось, что в это время русалки могут утащить нарушившего правило на дно. На Троицу и на следующий после нее Духов день работать было нельзя. После обедни, крестного хода и гуляний полагалось отдохнуть и поминать усопших, собравшись всей семьей за столом. Однако девушки, как обычно, гадали, а кое-кто отправлялся в лес собирать целебные травы: считалось,

что на Троицу растения наливаются особой силой. По той же причине собирали и утреннюю росу: ее подмешивали к лекарствам и к обычной воде и давали больным. Праздник Троицы завершал весенний годовой цикл. После окончания Петровского поста, следующего за Пятидесятницей, начался летний цикл. Неслучайно в народе говорили: «Троица тремя праздниками богата: цветами, травами и румяным летом».

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«ИНФОРМАУКА» на сайте
www.informnauka.com

**Корпоративная подписька
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru